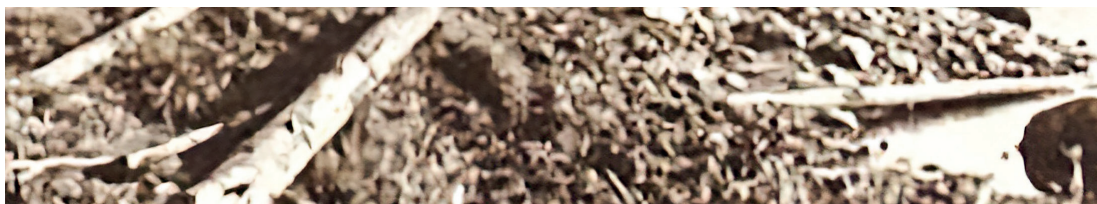

СВИРЬЛАГ

и свирские новомученики
в истории Русской Православной Церкви

Свирьлаа и свирские новомученики

в истории Русской Православной Церкви

Ленинградская область

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ
ИДЖЕРИ

2023

УДК 94(470.23)::929
ББК 63.3(2Рос-4Лен)
В 19

Издание осуществлено по заказу комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области в рамках реализации подпрограммы «Укрепление национального единства, этнокультурное развитие и развитие внешних связей» государственной программы «Устойчивое общественное развитие в Ленинградской области»

В 19 Свирьлаг и свирские новомученики в истории Русской Православной Церкви — СПб. : Издательский дом «Инкери», 2023. — 208 с., ил.

ISBN 978-5-6050052-3-0

В сборник включены исследования, мемуары и архивные документы, имеющие отношение к истории Свирского исправительно-трудового лагеря (1931–1937 годы), репрессиям против православных священнослужителей и мирян по политическим мотивам.

Для широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей XX века.

На титульном листе: икона «Собор новомучеников и исповедников Свирских», храм Благовещения Пресвятой Богородицы г. Подпорожье

УДК 94(470.23)::929
ББК 63.3(2Рос-4Лен)

- © Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, 2023
- © Коллектив авторов, 2023
- © ООО «Издательский дом «Инкери», редакционная подготовка, 2023

ISBN 978-5-6050052-3-0

Оглавление

Предисловие	4
<i>П. А. Васильев.</i> По следам Свирлага	7
Лагерные дневники генерала Снесарева	46
<i>О. М. Волошина.</i> Трагедия юковских деревень.....	93
<i>О. М. Волошина.</i> Жизнь на Севере в спецпоселениях	104
<i>Е. Э. Мясж.</i> Архивы свирских лагерей.....	107
<i>А. В. Медведев.</i> Опыт создания икон Свирских новомучеников	118
<i>М. В. Шкаровский.</i> Узница Свирлага монахиня Вероника (Враская-Котляревская).....	122
<i>П. А. Васильев.</i> Потомок казненных священников.....	133
<i>П. А. Васильев.</i> Род расстрелянных Пятницких	138
<i>В. И. Западалов.</i> Путь священника Алексея Западалова	141
<i>М. С. Матусовский.</i> Память.....	147
<i>Н. М. Коняев.</i> Духовный подвиг священника Иоанна Великова	153
<i>Е. В. Метальникова.</i> Мученический подвиг архиепископа Августина (Беяева).....	165
Священномученик Иаков (Бобырев).....	171
Преподобномученик Аристарх (Заглодин-Кокорев)	184
Священномученик Сергий (Мечёв)	187
Священномученик Борис (Семёнов)	195
Преподобномученица Мстислава (Фокина)	197
Святая мученица княжна Кира Оболенская.....	199

Предисловие

Одна из самых мрачных страниц истории СССР — создание концентрационных лагерей на всей территории страны. В их списке был и Свирский лагерь (Свирьлаг, Свирлаг)¹ — объединенные в единую систему отделения концлагеря на реке Свирь. На большой площади в районе Присвирья располагался этот ужасный по условиям содержания заключенных концентрационный лагерь системы ГУЛАГа. Свирлаг за все время своего существования отличался особо бесчеловечными требованиями к положению узников.

Считается, что датами существования Свирлага были годы с 1931 по 1937. Судя по опубликованным документам, началом функционирования лагеря было 8 сентября 1931 года. *«Отправной датой в истории Свирского ИТЛ ОГПУ (затем НКВД СССР) считается 8 сентября 1931 года, хотя сам приказ ОГПУ о создании лагеря датируется более поздним числом (17.09.1931 года, № 529-287)»* — так пишет В. В. Иофе в работе «Крах Свирлага». Известно, что ранее Соловецкий ИТЛ ОГПУ назывался УСЛОН ОГПУ, а находящихся там людей называли «услоновцами» или «услонцами».

Свирлаг возник не на пустом месте, базой для него служило место нахождения 9 и 10 лесозаготовительных лагерных отделений Соловецкого ИТЛ ОГПУ. Принцип «минимум затрат — максимум прибыли» действовал в течение всего срока существования лагеря. Высокая смертность не считалась недопустимой, а тем более преступной. Заключенные сразу, с первой минуты пребывания в Свирлаге, причислялись к возможным будущим потерям. Самым важным для руководителей лагеря было выполнение норм и заданий истощенными эсками, а не сохранение их жизни и здоровья.

Что известно о жизни этих узников в разные периоды истории Свирлага? Коротко можно назвать следующее: голод, непосильный труд, издевательства охраны... Не случайно голод указан на первом месте. Содержание заключенных было урезано ниже минимума. Бывший политическим заключенным Свирлага известный публицист Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953), сумевший совершить из него побег совместно со своими братом и сыном, также осужденными вместе с ним по одному и тому

1 Названия лагеря «Свирьлаг» и «Свирлаг» по существу не отличаются друг от друга. Публицист и лагерный заключенный Борис Солоневич, а также современный писатель Николай Коняев в своих произведениях официальное казенное название «Свирлаг» заменили на более мягкое и привычное для местных жителей (нужно учесть и то, что название поселка, в котором было одно из лагерных отделений, — Свирьстрой), поэтому в этом сборнике исследований и воспоминаний о репрессиях и жизни «свирских услонцев» было решено в заголовке смягчить наименование лагеря, а в тексте отойти от сухого перечисления фактов и архивных бумаг к более народному и человеческому восприятию трагедии, к литературному ее осмыслению через личные переживания.

же сфабрикованному делу, писал: «Нормы снабжения были урезаны до последней степени возможности, до пределов клинического голодания всей лагерной массы». Лагерь считался самым нищим в сравнении с ближайшими другими лагерями. И. Л. Солоневич отметил: «В Свирьлаге находилось около 70 тысяч заключенных с почти ежедневными колебаниями в 5–10 тысяч в ту или иную сторону. Интеллигенции оказалось в нем еще меньше, чем в ББК² — всего 2,5 процента. Рабочих гораздо больше — 22 процента, вероятно, сказывалась близость Ленинграда. “Урок” меньше — около 12 процентов. Остальные — все те же мужики, преимущественно сибирские».

Следует отметить, что выход за рубежом книги воспоминаний о Свирлаге И. Л. Солоневича «Россия в концлагере» стал настоящей сенсацией. Являясь наиболее информативным историческим источником по истории этого лагеря, книга показывает Свирлаг именно как намеренно созданное репрессивное и карательное учреждение, в котором не только исполнялись назначенные заключенным наказания, но и проводились расстрелы, в том числе по политическим мотивам. Оставил воспоминания о Свирлаге и брат И. Л. Солоневича — Борис Лукьянович Солоневич. Названные бывшие узники Свирлага показали все ужасы пребывания в нем лагерников, жизнь которых могла закончиться в любую минуту.

Что касается основной цели создания Свирлага, то авторы работ по этой теме не пришли к единому выводу. По одному предположению, первоначально главной и основной задачей были лесозаготовки. Ближайшие поставки древесины осуществлялись в Ленинград, снабжая город на Неве так нужными тогда дровами. Но, тем не менее известно, что не все отделения Свирлага были заняты на рубке и сплаве по Свири леса. Кроме того, со временем было организовано и деревообрабатывающее производство. Но это только одно направление, на котором использовался труд заключенных.

Еще одной сферой применения бесчеловечно тяжелого труда являлись работы, производимые при закладке и сооружении гидроэлектростанции.

В 1927 году на Свири началось строительство ГЭС. Официальная закладка состоялась 19 октября 1927 года. В маленький в те годы городок на берегу Свири — Лодейное Поле приехали партийные деятели Киров и Калинин. Это гигантское сооружение практически было воздвигнуто на костях заключенных. Сложности строительства, которые предсказывались еще в проектный период, на практике оказались еще более существенными. Работы проводились в крайне тяжелых условиях. Частые оползни, оседания, обвалы. При этом — практически полное отсутствие

2 Имеется в виду Беломоро-Балтийский канал.

механизации труда. Многие заключенные при проведении этих работ погибли или стали инвалидами.

Также реализовывался проект по осушению больших площадей. В частности, есть воспоминания старожилов о том, что при строительстве деревообрабатывающего комбината рыли рвы глубиной в человеческий рост. При этом в холодное время года заключенные вынуждены были трудиться по грудь в ледяной воде, что влекло их высокую смертность. В самом деревообрабатывающем комбинате самые тяжелые и травмоопасные операции выполняли они же. По свидетельству местных жителей, перевозили несчастных на полоторках стоя. Дороги были никудышные, машины часто переворачивались. Результатом были смертельные случаи, увечья. Но охрана, не оказывая помощи пострадавшим, без какого бы то ни было участия, закидывала мертвых и раненых в кузов.

Такие общие сведения о Свирлаге нам известны на сегодняшний день. В советское время информация о Свирлаге, как и о других подобных лагерях, была засекречена, мемуары о нем, в особенности воспоминания Солоневичей, считались антисоветской литературой, за распространение которой существовала уголовная ответственность.

В наше время наблюдается значительный интерес к истории политических репрессий. Исследуется документы и свидетельства о местах заключения тех лет, публикуются научные работы, проводятся тематические конференции. Не составляет исключение и Свирлаг. В этой связи обращает на себя внимание документальный фильм исследователей Петра Васильева и Евгении Гореликовой «Долгое эхо Свирьлага», который необходимо посмотреть каждому, кто интересуется историей политических репрессий.

Отдельного внимания заслуживает тема пострадавших в свирских лагерях священнослужителей, которой была посвящена проведенная 4 июня 2019 года комитетом по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области межрегиональная конференция «Свирские новомученики в истории Русской Православной Церкви». В конференции приняли участие священнослужители, историки, краеведы, работники архивов, были продемонстрированы документы, связанные с лагерной историей, содержащие информацию о Свирлаге книги, орудия труда и предметы быта заключенных, обнаруженные на месте расположения лагерных отделений краеведом Петром Васильевым.

Материалы этой конференции дополняют уже имеющиеся сведения о Свирлаге и его узниках. Каждое новое свидетельство, факты из жизни тех, кто прошел через лагерные испытания, не потеряв при этом человеческое достоинство, являются вкладом в продолжение составления летописи истории Свирлага.

По следам Свирлага

*Пётр Александрович Васильев,
журналист, краевед, писатель*

Свирская земля была местом духовных подвигов и суровых испытаний на протяжении нескольких столетий. В дореволюционной России ее называли подстоличной Сибирью, с которой связаны и пути каторжан. И так сложилось, что именно здесь был погребен в XV веке основатель Соловецкого монастыря Герман, с обителью которого лагерная система Присвирья была в трагические для России годы репрессий тесно переплетена. Здесь лежал путь на Соловки известного узника XVIII века монаха Авеля. В месте явления преподобному Александру Свирскому Святой Троицы уже в 1918 году началась расправа над подвижниками Русской Православной Церкви и организация в монастырских стенах тягостных лагерных будней после расстрела его братии. Символично, что одним из первых расстрелянных новой властью духовных лиц России стал архимандрит Августин (Пятницкий), родом из Присвирья, казненный в августе 1918 года. В это же время был казнен «за укрывательство хлеба» и казначей Введенской Островской обители, на малой родине преподобного Александра Свирского, иеромонах Димитриан, а расправа над настоятелем и иноками Александро-Свирского монастыря началась накануне первой годовщины Октябрьской революции... Архимандрита Евгения (Трофимова) убивали в ночь на 2 ноября... Народная молва хранит память и о сорока расстрелянных на городской площади Олонца свирских монахах, которые шли к месту казни пешком, в их числе был и наш родственник...

Расправы эти не выглядят случайными перегибами на местах. Накануне в Олонец прибыл знаменитый революционер, когда-то отбывавший ссылку в Олонецкой губернии, Михаил Иванович Калинин. Он провел здесь губернский съезд Советов, в котором участвовали и делегаты Присвирья. Будущий всесоюзный староста призывал единомышленников к решительности в борьбе с контрреволюцией. Он долго беседовал с делегатами неформально. А на вопрос вознесенца Константина Махаева о роли профсоюзов в новых условиях бывалый революционер призвал к решительности, напомнив, что костяк этих организаций составляют активисты стачечных комитетов первой революции 1905 года.

Жестокость большевиков вызывала в Олонецкой губернии сопротивление. Весной 1919 года часть местных жителей поэтому поддерживала приход в Присвирье из Финляндии Олонецкой добровольческой армии, а также идеи отсоединения территории Карелии от советской России.

М. И. Калинин выступает перед красноармейцами

Жители Олонии хотели спасения святынь от тех, кто их уничтожал. Белофинская армия всего за несколько недель дошла от финской границы до Свири, добравшись и до Александро-Свирского монастыря. Положение для Красной Армии здесь было в этот период критическим, только ледоход спас ее от сдачи противнику Лодейного Поля. А когда к красноармейцам подошли резервы, в Присвирье разгорелись

жестокие бои, которые продолжались в Карелии с перерывами почти до окончания Гражданской войны в 1921 году.

Лидеру большевиков В. И. Ленину важно было нанести по духовенству сокрушительный удар, так как он понимал, что без этого народ долго под своей властью не удержать. Не случайно 19 марта 1922 года он написал письмо в Политбюро о необходимости решительно провести в жизнь декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей: *«Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...»*

Известный православный писатель Присвирья Николай Коняев по этому поводу писал: *«Среди множества поручений, сделанных в тот день, В. И. Ленин, между прочим, поручил И. И. Скворцову-Степанову, „поскольку тот написал хорошую книгу об ‘Электрификации РСФСР’, написать книгу по истории религии и против всякой религии“. В сознании В. И. Ленина электрификация и борьба с православием, похоже, воспринимались как тождество. И с этой точки зрения, конечно же, неплохо было бы взглянуть и на план ГО-ЭЛРО и на возведение гигантских гидроэлектростанций во времена Никиты Сергеевича Хрущёва. Ведь в зону затопления попадали не только городки, села, пашни. Намоленная нашими святыми, озаренная светом их святости земля тоже должна была скрыться в мутноватой воде мелководья, сквозь которую скорее угадываешь сейчас, чем различаешь, минувшую жизнь...»*

По иронии исторической судьбы, Нижне-Свирская ГЭС не стала первым планом государственной электрификации России, хотя было принято постановление Верховной морской коллегии СНК РСФСР от 5 марта 1918 года о строительстве первой гидроэлектростанции именно на Свири. Здесь шли строительные работы, когда в марте 1921 года были арестованы по делу «Свирьстроя» вместе с руководителем проекта Генрихом Графтио

десятки инженеров и бывших офицеров-моряков царской России, работавших над покорением Свири. Часть из них спасло от расправы чекистов только личное вмешательство Ленина с письмом председателю ВЧК Феликсу Дзержинскому о необходимости освободить инженеров.

И так сложилось, что уже в 30-е годы чекисты стали активно помогать реализации ленинского плана ГОЭЛРО и руками священников, которые трудились в числе тысяч заключенных на земляных работах, заливке бетона, на лесоповалах, на возведении узкоколеек и других необходимых в тот период сооружений. Первые заключенные системы ГУЛАГ были этапированы на свирские берега в 1926 году из Соловецкого лагеря особого назначения — УСЛОН — для лесозаготовок, поэтому уже почти сто лет местные жители рассказывают про услонцев, подразумевая под этим всех заключенных периода репрессий. Обстановка в Присвирье, где многие еще хорошо помнили Гражданскую войну и куда приехали тысячи людей из других регионов страны, была в лагерный период этого святого края соответствующей. Но еще звонили колокола многочисленных местных храмов, многие местные жители продолжали с уважением к батюшкам исповедоваться и молиться по традициям предков, отдавали идущим этапами через их деревни заключенным свой хлеб, а оставшиеся пока на свободе служители храмов, глубоко понимая, что происходит и что им грозит, продолжали и в «безбожную» пятилетку вести службы, крестить и духовно поддерживать своих прихожан. Тайные богослужения велись и в Свирлаге, что вызывало негодование начальства.

Борьба с религией в святых местах, связанных с преподобным Александром Свирским и его учениками, другими подвижниками Православия, даже в годы репрессий велась с переменным успехом. К примеру, число прихожан настоятеля Остречинской церкви Иоанна Великова к 1937 году резко увеличилось за два года с 200 до 900 верующих, хотя поблизости стояли вышки Свирлага, куда попадали и местные крестьяне.

По воспоминаниям старожила соседней деревни Посад Леонида Григорьевича Шматова, этапы заключенных из разных республик Советского Союза шли в Остречины от станции Токари колоннами по двести

Советский агитплакат, посвященный реализации Плана ГОЭЛРО

Охранная вышка Свирлага

человек. Охранники сопровождали их на конях с наганями и порой за попытку побега расстреливали на месте. В годы существования Свирлага десятки его заключенных совершали побеги. Были в числе беглецов и уголовники, которые нападали на местных жителей, если рядом не было для них опасности. Они могли убить свою жертву, отобрав у нее еду,

а потом скрываться в лесу или на болоте. Быть может, и потому на Гладком болоте, что простирается на многие километры у реки Остречинки, на дороге есть народное название Чертов поворот, ведь ээки, как черти, выскакивали из своего укрытия, чтобы отобрать у путника еду. Однажды на маму одного из местных старожилов набросился хромой беглец и кинул в нее костью, к счастью, не попав. А в другой раз изможденный заключенный вышел из укрытия к большому возу как раз в тот момент, когда рядом показались преследовавшие его на конях охранники. Возничий велел беглецу укрыться за большим колесом, а когда преследователи спросили у него, не видел ли он на дороге чужих, не выдал сбежавшего. Когда они остались одни, он отдал ээку свой хлеб и посоветовал вернуться в лагерь, чтобы не погибнуть от пули. Но тот не послушался и скрылся в болоте, наверное, уже навсегда...

Десятилетия после закрытия Свирлага хранились в Посаде талантливо вырезанные из дерева мастеровитыми заключенными фигурки коней и медведей, которые они меняли у местных жителей на чай. Певцы и артисты за заварку устраивали уникальные для деревни концерты столичного уровня, а осужденные служители церкви тайно крестили желающих и благословляли. Подобные рассказы можно было услышать и в других деревнях и поселках Присвирья.

Вот что, к примеру, записал несколько десятилетий назад на берегах реки Важинки исследователь из Санкт-Петербурга Анатолий Беззубиков:

«Лагерное начальство, жившее в деревнях на квартирах, завезло городскую мебель, появились котлы в банях и фабричный кирпич. В штабах горели электрические лампочки, работали радиоприемники. Согинские привыкали к чудесам цивилизации. Анна Ивановна Титова помнит, как гнали заключенных по дороге через Согиницы, Гришино и Трошинское зимой. Колонна выгибалась по излучине реки на два километра: голова уже подхо-

дила к Мужале, а хвост терялся у церкви в Согиницах. Шли зэки, обутые как попало, даже в лаптях, легко одетые, голодные. Конвоиры шли с оружием по бокам колонны. Женщины выносили хлеб, зэки из-за него дрались. Конвоиры разнимали дерущихся и отгоняли женщин. Кричали: „Бабы, что вы делаете?! Разве двумя караваями их накормишь?“.

Людей приводили в лес. Там они разбивали палатки и начинали строить лагерные корпуса. Мерзли, особенно южане, а их было много.

Зэки проложили в лесу лежнёвки — дороги из бревен, — по ним зимой доставляли лес к воде. Пилили деревья на чурки по полтора метра длиной, возили их в санях. В сани впрягались сами: ни техники, ни лошадей не было. А зачем? Столько рабсилы. Весной по высокой воде лес сплавляли. И не только по Важинке, но и по мелким речкам и даже по ручьям — по Шожме, по Нюде, по Пурноручью.

Местные жители называли зэков флотскими: в лагерях им выдавали флотские фланельки. Лагеря назывались отделениями, штабы лагерей — дивизионами. Старики помнят места десяти лагерей и двух штабов.

Центральный лагерный штаб стоял в Симкино, в доме раскулаченного Шмётоева. Здесь была больница и кладбище при ней. Говорят и сейчас на краю леса видны ямки от осевших могил.

Штаб 3-го отделения (3 лагеря) располагался в Трошинском, в доме раскулаченного Артамонова. В доме электрический свет, телефон, радио. Электрический фонарь висел даже перед домом на улице. У Викулаевых

Река Важинка возле храма Николая Чудотворца в Согиницах

второй этаж занимало лагерное начальство, там тоже горели электрические лампочки, а у Викулаевых на первом этаже помещения освещались керосином. Ближе к Мужале на горке стояла лагерная гауптвахта. Там же была оружейная мастерская с кузницей.

Одна цепочка лагерей тянулась по Важинке от Согиниц на север до границы с Карелией. В этой цепочке было шесть лагерей.

Первый лагерь примыкал к деревне Гришино. Здесь было что-то вроде пересыльного пункта. Три-четыре барака, пекарня, баня, магазин, клуб. В клубе играл самодеятельный оркестр. Водой лагерь снабжался из артезианской скважины. Полвека прошло, а скважина все фонтанирует, ее называют ключом, а воду из нее — морской: она чуть-чуть солоноватая. А свирские водохлебы в воде разбираются. Такие скважины бурились в каждом лагере. Подземные воды в этих местах обильны.

Следующий лагерь стоял в Галигах на правом берегу реки в девяти километрах от Гришино. Большой лагерь был. От него в лес на запад шла лежнёвка. В двух километрах от берега реки стояла двухэтажная больница. Рядом кладбище, тоже большое. Ничего не осталось — все поглотил лес.

Еще дальше на запад, километрах в десяти от Важинки, прятался в лесу лагерь № 11. О нем никто ничего не помнит, а вернее не знает — на отшибе лагерь был.

До лагеря в Ситиках, в Ситикплесе, было 15 километров от Согиниц, а до лагеря на речке Святухе, притоке Важинки, 24 километра. Он стоял на краях в нескольких километрах от Важинки глубоко в лесу. Это был штрафной лагерь: туда отправляли за дерзость и неповиновение.

А до самого дальнего лагеря от Согиниц было 28 километров. Здесь эки построили плотину, чтобы регулировать уровень воды в Важинке.

Другая цепочка лагерей тянулась по Мужале. В этой цепочке было 4 лагеря.

Лагерь в Гонгоручье № 9 на крутом красивом повороте Мужалы: здесь Гонгоручей впадает в Мужалу, а вытекает он из Гонгозера. До этого места от Согиниц 10 километров современной лесной дороги. Строения вывезли еще в 30-е годы, остатки рыбаки использовали на плоты.

Женский лагерь № 6 на Палручье километрах в пяти от Мужалы. Здесь работало пять тысяч женщин. Почему его запрятали в лесу? Еще в 60-е годы сохранялись вышки и здание клуба, даже старые афиши висели на клубной стене.

Лагерь в Майакаме — это еще шесть километров выше по Мужале. Дорога к нему заросла. И лагерь на речке Нюде недалеко от озера, из которого Мужала и вытекает.

Кроме лагерных эков были еще эки, которые жили на квартирах. Они назывались поселенцами, получали паек, варили дома обед. Мать Анны Ивановны Титовой готовила своим квартирантам. Один сказал хозяйке: „Эх мать! Знала бы ты, какой я хулиган, не пустила бы на квартиру“.

Мать Анны Ивановны была добрая женщина. Жили они тогда в Кизачёво. Эки напротив их дома строили дамбу из камней, чтобы изменить течение реки. Идет мать полоскать белье на речку и несет две корзины картошки заключенным. Они ее нарасхват — мало. А муж ругает: „Всех разве накормишь?“ Сами сажали картошки только шесть соток. Жили в деревянях и вольнонаемные. В Симкино у них был свой клуб, местных туда не пускали. Но и во всех лагерях были клубы. Иногда приезжали артисты, ездили с концертами по лагерям. Лагерная жизнь за 15 лет Советской власти перестала быть экзотикой.

Питались заключенные плохо. Эковское начальство продавало местным жителям сэкономленные продукты. Сами эки меняли хлеб, рыбу, овес на вино и табак. А как раз в 1931 году случился неурожай. Несколько лет было голодных. Мерли эки от голода, да и крестьяне голодали. Выгоден им был такой обмен.

Заключенные воровали у крестьян хлеб прямо на полях. Мужики поймали одного у Корборучья и устроили самосуд. А он молоденький совсем, не сопротивлялся. Били его насмерть, а прикончили косою по макушке. Труп бросили в ручей, он там долго лежал. И лагерное начальство ничего не знало. Пропал человек — и все: убежал, наверное. Отец Анны Ивановны Титовой тоже ничего не слышал об этом. Он все лето в тех местах сено косил и из ручья воду пил. Живот у него болел, понос замучил. Пошел к фельдшернице, она спросила, какую воду он пьет. Он вспомнил про ручей, фельдшерница ему и открыла тайну: „В ручье ведь покойник лежит, ты отравленную воду пьешь“. Только осенью зарыли мужики остатки трупа в землю.

Не обходилось без беглых. Беглецы убили охранника в Лубской. Три дня труп лежал в лесу. Собака от мертвого хозяина не отходила, но лицо объела. Хоронили его в Согиницах на погосте в закрытом гробу.

К одной женщине двое беглых залезли ночью в погреб, хотели молоком полакомиться. Хозяйка решила, что это кошка там безобразничает. Зашикала в темноту, а из темноты ээк грозит, чтобы молчала. Но у хозяйки за стеной жил начальник Зильтяев. Тот вызвал по телефону из дивизиона штаба третьего лагеря охранников с собаками. Собаки всю одежду с ээков сорвали. Отправили бедолаг в Гришино в пересыльный лагерь, а оттуда, наверное, в Ситики к штрафникам...»

А Сергей Савинов из города Лодейное Поле, в котором находился штаб Свирлага и около трех тысяч заключенных, включая и бесконвойных, пересказал воспоминания своей бабушки:

«После войны, в 40-х годах, бабушка моя Фёдорова Вера Осиповна, в деревне Ковкеницы работала перевозчиком на переправе через реку Свирь. В один из дней с утра пришли к ней трое мужчин с просьбой перевезти. В недавно затопленной русской печи полыхало пламя, и в устье стоял

горшок с кипящей картошкой. Видя, какими голодными глазами смотрят незваные гости на варево, бабушка предложила немного подождать, пока сварится картошка, чтобы их покормить. Ожидание, как потом выяснилось, и сгубило их, бежавших заключенных. Увидев в окно подходящих к дому охранников, один успел заскочить на чердак, а двоих взяли в доме. Спрятавшегося на чердаке охранник ранил. Он долго потом лежал на холодной земле, а бабушке не позволили укрыть его, трясущегося в ознобе».

Много при жизни рассказывал про заключенных Иван Афанасьевич Шлипаков, старожил деревни Важины, вспоминая, что были среди них и священники:

«Когда у нас появились первые заключенные, несколько женщин подошли, кто-то принес хлеба, кто-то пирог, а кто-то на тарелках и каши...

Охранник даже сам предложил раздать еду. Благообразного вида человек с бородкой показал, кому это дать. Самым истощенным эту пищу дали... Через некоторое время приехали подводы... Обессиленных повезли в верхнюю часть Важинки, там был брод. А там, где сливается Важинка со Свирью, на красивейшем месте, оно называется Стрелка, с этого места их перевозили в сторону деревни Олесово. У некоторых заключенных порядочный даже груз был. Вроде баулов и самодельных фанерных чемоданов... А у уголовников, у шантрапы ничего не было. Из этой партии если только живые остались, это были единицы. Еще одна партия заключенных была человек тридцать. Интеллигентные, сразу было видно, хотя и одеты были в стиранную армейскую форму. На церковь они крестились, их на лодках перевезли, а потом дали лошадей с телегами для котомок и повезли на Губскую плотину. Перед Киновичами был построен лагерь, там они дрова заготавливали. В поселке Рейда была партия человек в сто. Жили они три дня в палатках и быстро строили барак. Копали канавы вокруг, забор в четыре метра высотой поставили. Метров сто в длину и чуть поменьше в ширину. Колючую проволоку натянули и гвоздями прибили, четыре вышки по углам и верхотурники там были, собак не было.

Мне тогда было лет десять, мы с пацанами наблюдали. Сплавом леса раньше гражданские занимались с „Кареллеса“, а как лагерь организовали, заключенные начали. Построили плотину, чтобы во время большой воды подогнать к ней баржу и на нее лес грузить, но сваи забили неглубоко, и при первом же ледоходе плотину снесло. И когда в Свирьстрое отлавливали бревна, то увидели, что заключенные сделали туфту и приписки. Инженера, который отвечал за плотину, арестовали, и говорили, что расстреляли.

Заключенные не голодали. А убежали чаще уголовники. Ограбят где-нибудь в деревне дом и обратно возвращаются в лагерь. За буханку хлеба просили бутылку водки. В овине их человек сорок содержали недалеко от нас, ночью летней они работали, кормили их гречневой кашей. А нас, пацанов, они подкармливали.

Хоронили их по ночам на горочке с соснами в сотне метров от лагеря в сторону от реки. Видел там могил тридцать, когда за грибами ходил. На каждой кол и фанерная дощечка с фамилией заключенного, написанная химическим карандашом. Когда там УЖД проложили, разрыли те могилы. Еще в Олесово складировали лес и на баржи грузили. Многие на лесозаготовках да на сплаве помирали. Помню, одного охранник разрешил на русскую печку посадить в избе, чтобы отходить. Тот уже кровью харкал. А тетка Меланья, хотя из бедной семьи, молоком его выхаживала, так он оклемался.

Помню еще, Васька Сафонов у нас был пастухом, ходил все с ружьем-шомполкой и сдавал беглых. Но они его проучили однажды. Связали в лесу и пропустили через пиджак кол так, что он не мог руки свои свести. Его только на четвертый день нашли голодным и искусанным комарами.

Отец мой кладовщиком был и счетоводом в колхозе. А рядом находилось овощехранилище заключенных... И вот на этом овощехранилище работал один грузин... Звали его Артем... И вот помню такой разговор:

— В гимназии учился, — говорит, — со Сталиным.

А мой отец тогда спрашивает:

— Артем, да что ты до сих пор сидишь, накатай бы ты письмо товарищу Сталину, давно бы дома был.

— Нет, Афанасий Васильевич, пусть лучше он не знает, что я здесь нахожусь.

— А чего?

— А мы его всем классом били!»

Удалось записать в Подпорожье даже воспоминания дочери лагерного охранника Зои Тимофеевны Кочеевой, которая и сама потом оказалась в тюрьме:

«Отец мой охранником служил у заключенных еще до войны. От нашей деревни Каковичи в километрах в шести-семи. Заключенные на лесоразработках работали. А мы с братом по выходным бегали к отцу, калитки с маслом ему носили. И все босиком, обуви с ранней весны и до холодов не носили. Ноги, бывало, в кровь, а нам ни по чем... Придем, печку в его бараке стопим, чаю согреем. У заключенных бараки такие же были

Немецкие журналисты записывают интервью с краеведом И. А. Шлипаковым в Важинах

Дочь лагерного охранника З. Т. Кочеева

с общим коридором и двадцатью четырьмя комнатами. Построены они были из бревен, пополам расколотых и глиной замазанных. Крыша из дранки, досками покрыта и дранкой потом наколочено. Печки обычные. Забор в два ряда, колючая проволока, контрольно-следовая полоса шириной два метра, которую бороной рыхлили, чтобы следы видеть, если кто-то попробует сбежать. Четыре вышки по углам. Где работали они, там тоже были вышки. Заключенные с работы вечером идут, смотришь, интересно.

Идут по четыре человека, открываются ворота, называют каждого по фамилии и пропускают. Один раз я полоскала пеленки в луже, а мимо бегут двое парней. Один говорит другому — пошли дальше. Смотрю потом, отец бежит, брат евоный бежит, второй брат. Говорю им, что убежали парни в сторону деревни Кекозеро. Оказалось, сбежали они с рабочего участка. А их нашли уже за 70 километров. Накопали беглецы картошки, стали варить, а там в деревне люди увидели и сообщили, куда следует.

Зимой у заключенных были бушлаты и фуфайки, валенки. Летом они в сапогах ходили. На голове у мужчин были шапки одинаковые у всех, а у женщин платки тоже одинаковые. Если работали, то, например, паек был дневной 600 граммов хлеба, три раза горячее. Если норму выполнил, паек прибавляется. Драки, как отец говорил, были с ножами. Отца уголовники уважали, это мне потом помогло. Я после войны сама в тюрьму попала на три года за то, что украла у одной старушки в очереди хлебные карточки, так есть хотела. В Крестах меня старшая взяла под свою защиту, она в нашем лагере до войны сидела и отца моего Тимофея помнила. Матерой была уголовницей, тюрьма для нее была родным домом. Если бы не она, плохо бы пришлось, там ухари такие с ножиками ходили, что запросто можно было в беду попасть».

Располагались лесные лагерные отделения неподалеку от территории больших производственных работ, возле мест заготовки древесины, сплава и узкоколейных железных дорог, которых было в тот период построено по обоим берегам Свири. Старожил деревни Немжа, неподалеку от которой тоже были лагерные бараки, Виктор Павлович Трифоев рассказывает:

«Когда в нашу деревню стали вывозить людей из Свирлага, размещали их в тех пустых домах, откуда были выселены наши раскулаченные венские семьи. По свидетельству старшего брата Кима, эски были плохо одеты. Лежали в неотапленных домах. Деревенские жалели их, забрасывали им пищу. Охранники не позволяли близко подходить. А заключенные бросали за еду остатки одежды, которые настолько были изношены, что их уже нельзя было нигде применять. Этих заключенных почему-то все называли услонцами. Когда начались морозы, дома для заключенных так и не отапливались. Люди спали вповалку на полу: грязь, вонь, теснота, голод... Умирало их много, вывозили на санях штабелями. Ким рассказывал: „Помню, в один из таких дней везут сани с умершими, я сижу на ступеньке крыльца и вижу протянутую руку, слышу тихий шепот: ‘Куришь...’ Я обомлел, кинулся в дом, заплакал, закричал: ‘Деда!’” Хоронили бедолаг в лесу, в вырытой общей яме. Теперь там все заросло...»

Подобные воспоминания встречаются на территории Лодейнопольского и Подпорожского районов Ленинградской области нередко. Почти в каждой деревне, в которой помнят про заключенных, старожилы рассказывают и про побег с гибелью беглецов, про нападения уголовников на местных жителей ради еды и одежды. В свое время мне и мама рассказывала о своем детском ужасе довоенного Лодейного Поля, возле которого на Каномской переправе урки резали перевозчика. Вероятно, реальные факты лагерного начальство использовало и для закрепления у жителей близлежащих населенных пунктов страха перед заключенными, чтобы они не получали от обычных граждан привычных в прежние десятилетия сочувствия и поддержки к этапам с каторжанами. Жители Присвирья и без того жили в атмосфере массовой боязни сотрудников в темных шинелях, представителей власти, различных активистов и даже соседей, которые могли написать донос. Арестов и обысков в домах подозреваемых в нелояльности к Сталину и его команде в те тревожные времена было немало. Наверное, и потому рассказы про интеллигентных и верующих узников свирских лагерей редки, они стали появляться лишь в 90-е годы двадцатого века. Возможно, подобное народное восприятие лагерного прошлого закрепилось и потому, что те же репрессированные священники вели себя скромно и незаметно для окружающих, меньше контактировали с местным населением, которому агрессивно и повсеместно насаждался атеизм.

При этом надо помнить, что в Присвирье традиционно были сильны староверческие традиции. Так называемых раскольников здесь даже по официальным данным насчитывалось несколько сотен. Они на протяжении столетий подвергались преследованию, поэтому научились вести более закрытую от посторонних глаз жизнь. При этом и в самом Свирлаге отбывали наказание наряду с представителями других религий

и конфессий староверы. Десятки арестованных в 1932 году в Ленинграде старообрядцев из братства протопопа Аввакума направили после вынесения приговора отбывать наказания в свирские лагеря. А точных данных о численности служителей культа, отбывавших наказания в свирских лагерях, а также умерших в период заключения, пока нет. Нет и открытых сведений о точном месте всех массовых захоронений узников, а их могли быть десятки. Большие стройки и повальные лесоповалы давались ценой немалых жертв, поэтому и звучат в народе фразы о построенных на костях дорогах. А кости эти так перемешаны, что уже не отличишь, праведников они или уголовников, ведь жизнь и судьба их перемешала в одних бараках и могильных ямах...

Лагерный котел

По предварительным данным, в лагерях, располагавшихся в 30-е годы на территории Лодейнопольского и Подпорожского районов Ленинградской области, умерло около 20 тысяч заключенных. К этому числу можно добавить жертв расстрелов, лагерных расправ, совершенных уголовниками, и несчастных случаев, а также сгинувших беглецов. Чьи-то останки были съедены дикими животными, чьи-то унесли речные воды, но организовывались в те времена и лагерные кладбища, в которых до сих пор лежат без памятников и крестов тысячи узников. По воспоминаниям старожилов удалось определить несколько мест массовых лагерных захоронений, которые были в стороне от обычных кладбищ. Одно из них находится на окраине Подпорожья, примерно в том месте, которое описывал в своей знаменитой книге «Россия в концлагере» бывший узник свирских лагерей, журналист и писатель Иван Солоневич:

«Около месяца тому назад я сделал глупость — пошел посмотреть на диковский овраг. Он начинался в лесах, верстах в пяти от Погры, огибал ее полукольцом и спускался в Свирь верстах в трех ниже Подпорожья. В верховьях — это была глубокая узкая щель, заваленная трупами расстрелянных, верстах в двух ниже — овраг был превращен в братское кладбище лагеря, еще ниже — в него сваливали конскую падаль, которую лагерники вырубали топорами для своих социалистических пиршеств...»

«Около месяца тому назад я сделал глупость — пошел посмотреть на диковский овраг. Он начинался в лесах, верстах в пяти от Погры, огибал ее полукольцом и спускался в Свирь верстах в трех ниже Подпорожья. В верховьях — это была глубокая узкая щель, заваленная трупами расстрелянных, верстах в двух ниже — овраг был превращен в братское кладбище лагеря, еще ниже — в него сваливали конскую падаль, которую лагерники вырубали топорами для своих социалистических пиршеств...»

Многие исследователи пытались найти этот овраг, изучая старые карты и схемы, осматривая овраги между Погрой и старым Подпорожьем, но позднее узкоколейки и гаражи, изменили здешний ландшафт. На окраине городского парка есть могилы заключенных послевоенного периода даже с памятником венгерским военнопленным, а чуть дальше благодаря свидетельствам старожилов удалось с поисковиками обнаружить неизвестную ранее группу могил без крестов и памятников, в которых хоронили умерших в ближайших лагерях. Здесь в 2018 году во время съемок документального фильма «Долгое эхо Свирлага» благодаря настоятелю местного храма Благовещения протоиерею Петру Богданову была отслужена первая панихида.

Поиск тайных лагерных захоронений ведется разными исследователями много лет. Как правило, далеко от барраков и лагерных палаток не вывозили умерших от поножовщины, истощения и болезней. Некому было за них хлопотать, некому в те времена было навещать такие могилы, а время и силы требовалось беречь. Поэтому при обнаружении очередного места обитания большой группы заключенных с остатками хозяйственных построек, осматриваем ближайшие окрестности, обследуя провалы в грунте. Здесь металлоискатель бесполезен, ведь закапывали эков раздетыми и разутыми, без монет и личных предметов. Тайну может открыть щуп с лопатой, а в глинистом грунте искать полуистлевшие почти за девять десятилетий кости в глубине тяжело. Пока приходится отмечать возможные места захоронений, чтобы в будущем найти их в хорошо подготовленных экспедициях и опрашивать что-то знающих старожилов, пока они живы и помнят лагерное прошлое Присвирья.

Уже опрошенные старожилы рассказывают про лагерные могилы возле Заостровья, Мандрог и Лодейного Поля, у притоков реки Важинки, за бывшей УЖД у поселка Важины и возле деревни Гришино. Еще одно захоронение они указывают в нескольких километрах от деревни Тененичи, где заключенные Свирлага заготавливали дрова и болванки для ружейных

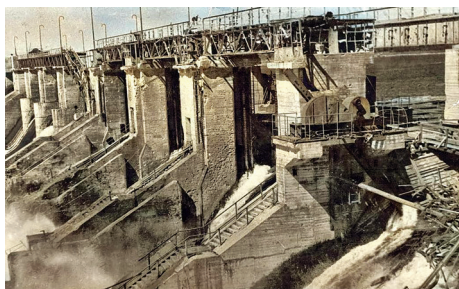
Панихида на месте лагерного захоронения

прикладов. Но надо признать, что в этих местах умирало немало людей во время строительства Мурманской железной дороги в 1915 году, а в годы Великой Отечественной войны шли бои с большими потерями, так что только раскопки или схемы расположения захоронений из архивов ФСБ могут дать точные сведения для установки памятных знаков.

Одно из захоронений периода массовых репрессий было обнаружено уже в 50-е годы прошлого столетия на окраине села Винницы, где первые расстрелы по политическим мотивам были организованы новой властью еще в 1918 году. Местные дети, играя на высоких горках у дороги на Чикозеро, находили поблизости кости и черепа. При их внимательном рассмотрении по пулевым следам и расколотым черепам сотрудникам милиции стало ясно, что это останки казненных людей. Их без лишнего шума похоронили на окраине местного кладбища. Только после бесед с множеством местных жителей удалось найти это место. При этом бывшая сотрудница НКВД в Винницах говорила, что у них были специальные дубины из березы, которыми били по голове беспокойных заключенных. Жертв репрессий в Присвирье, которые не были узниками Свирлага, было более тысячи, что создавало среди местного населения тягостную атмосферу, в которой люди говорили близким, что лучше молчать. Это жуткое молчание затянулось на десятилетия. При этом немалая часть местных жителей стала частью лагерной системы, работая в ней охранниками или по хозяйственной части, а после ликвидации в Присвирье лагерей часть бывших заключенных осталась здесь, породнившись с охранниками. Уже в новом веке их потомки порой спорят о ценностях и правде периода репрессий, но при этом каждый уверен, что такое лучше не повторять.

Приведу лишь один пример из тех сотен трагедий, которые происходили в 30-е годы на опутанных колючей проволокой лагерей свирских берегах. Накануне пика репрессий в семьях гидростроителей на Свири наши земляки радовались окончанию школы и строили дальнейшие планы. Лучших выпускников 1936 года сфотографировали, и теперь эта старая фотокарточка,

Вид строительства ГЭС

присланная Александром Алексеевичем Абариновым, вызывает немало мыслей. Эти выпускники с красивыми и счастливыми лицами еще не знают, что скоро на кого-то накатится вал репрессий. Они не догадываются, что один из их учителей был доносчиком, из-за которого расстреляли неповинного героя Первой мировой войны, работавшего на ГЭС мастером. Вероятно, жертвами такой тайной деятельности педагога были в Свирьстрое

и другие люди, ведь только по одному делу проходили семнадцать человек...

Приговор Тройки УНКВД Ленинградской области по протоколу за № 289 от 31.12.1937 в отношении осужденного Абаринава Михаила Ильича приведен в исполнение 08.01.1938, в чем и составлен акт, который подписал известный организатор расстрелов, в том числе соловецких и свирских заключенных, комендант УНКВД ЛО старший лейтенант Госбезопасности Поликарпов. Этот чекист был награжден за активность в убийстве осужденных к высшей мере людей в 1936 году орденом Красной Звезды. Но вскоре этого известного палача ждала расплата. В апреле 1939 года, опасаясь ареста и наказания за убийства невинных людей, он застрелился.

А расстрелу невинного человека предшествовал не только донос учителя, но и его свидетельские показания, по которым можно предположить, что беда коснулась и людей из поселка Вознесенья, помогавших в трудные времена бывшему военному моряку и герою русского флота.

В ноябре 1937 года сотрудник Лодейнопольского районного отдела НКВД следователь Загорнов записал показания сорокалетнего учителя по фамилии Дупак, живущего и работающего в Свирьстрое, а ранее служившего уполномоченным особого отдела в полку:

Выпускники Свирьстройской школы, 1936 год

Вопрос: Кто вам известный из социально чуждых элементов?

Ответ: Мне из социально чуждых элементов известный Абаринов Михаил Ильич, который при разговоре со мной высказывал, что к нему была репрессия со стороны Соввласти, заключающаяся в раскулачивании Абаринава. Знаю я Абаринава с 1936 года, потому что живем в одном бараке и около трех раз выпивали вместе.

Вопрос: Скажите о политической деятельности и убеждениях Абаринава М. И.?

Ответ: Абаринов хитро скрывает свое социальное происхождение, маскируясь под старого рабочего. Он в разговоре со мной на один

и тот же вопрос отвечает по-разному. Часто восхваляет дореволюционный строй, говоря мне: „Эх, Игорь Никитич, вот я раньше жил, лучше, чем сейчас, по крайней мере, приедешь, четверть водки привезешь, а тебе воз рыбы навалят ребя-та, да и сейчас не забывают, вот смотри, какую мне снасть прислали“. Ему с Онежского озера, не знаю, кто, посылает сети: мережи и подпуски. Ему колхозники привозят фураж и продукты. Абаринов устроил на работу учетчиком какого-то старика по виду из бывших, который мне говорил: „Спасибо Михаилу Ильичу, что он меня из беды выручил, а то я голодовал, а он устроил меня здесь на работу“. Этот старик за то, что Аба-ринов устроил его на работу на праздник 7 ноября принес ему бутылку водки...»

Подобных показаний было достаточно для вынесения подозреваемо-му смертного приговора, а приговоров таких в Присвирье было подпи-сано несколько сотен. В 30-е годы двадцатого века судьбы невинных людей решали специальные тройки, для которых служители церкви были главными врагами народа. В этих обильно политых кровью и слезами местах проходил последний скорбный путь узников второго Соловецкого этапа, а местных батюшек арестовывали для казни как раз на офици-альном закате знаменитого Свирлага, узниками которого были десятки служителей культа.

Считается, что следов былой лагерной жизни на свирских берегах не осталось, но в глухих лесах, которые выросли после сплошных выруб-бок 30-х годов двадцатого века, еще можно отыскать насыпи узкоколеек, нарытые руками заключенных, старые рельсы с клеймом довоенной Рос-сии и множество железных приспособлений для заготовки и перевозки древесины. Сохранились в наиболее труднодоступных уголках Присвир-ья, почти на границе Ленинградской области и Карелии, и срубы бара-ков, в которых ночевали узники после изнурительных работ, с остатками хозяйственных построек у почти заросших дорог.

Считалось, что лесные лагпункты Присвирья строились так, чтобы они могли прослужить лишь несколько лесозаготовительных сезонов. Ведь не экономично было в нищем Свирлаге использовать отборную древесину на постройку барачков, которые после вырубки в ближайших окрестностях сосен и елей пустели. Но осмотр сохранившихся до на-ших дней остатков строений говорит об основательности. Сосновые бревна нижних венцов сохранились и через восемь десятилетий, не-которые из них могут, похоже, продержаться и до столетия Свирлага

вместе с железным инвентарем, сделанным в собственной кузнице с трубами поддува и кирпичами местного кустарного изготовления. Удивительно видеть в проеме дверей барака довольно высокую ель и проросшую через лагерное железо березу, следы лосей и медведей на плотно истоптанной эками земле, на которой и в новом веке не выросла трава для покосов...

Быть может, специалисты успеют зафиксировать планы еще сохранившихся лагпунктов, пока видны строения с фундаментами и выемками грунта для хозяйственных нужд, полузаросшие лагерные колодцы, ведь еще через несколько десятилетий здесь трудно будет найти следы

Свирлага, о котором писали многие известные деятели, через этапы которого пролегли судьбы десятков тысяч людей со всей страны.

А пока надо констатировать, что все меньше и в нашем лесном Присвирье остается, увы, мест, где еще не разорили культурный слой прошлого «черные копатели» или сборщики железа. А они спешат вслед за строительством лесовозных дорог в глухие уголки Присвирья, чтобы пожить, не думая о сохранении исторического наследия. Что-то возьмут для частной коллекции, что-то сдадут в металлолом. Поэтому каждому такому тихому и уникальному музею под открытым небом существовать остается недолго, пока нет реальной возможности сохранить их со стороны государства с помощью проведения экспедиций, мемориализации и организации должной охраны с эффективным наказанием злоумышленников XXI века.

И когда звучат вопросы равнодушных соотечественников о том, кому и зачем нужно ворошить народную память о темных страницах нашей истории, когда не знавшие репрессий молодые сталинисты XXI века агрессивно обвиняют собирателей и хранителей сведений о многочисленных жертвах режима в фальсификации и нелюбви к Родине, а их оппоненты бывают в своих обвинениях не менее агрессивны, так же искажая историю, хочу рассказать о себе как о потомке служителей храмов Присвирья, выполнявших свой долг на родной для моего рода земле с XVIII века.

Очень хочется, чтобы новые исследователи истории нашего края уважали тех, кто здесь живет и воспринимает эту историю через восприятие генетической и духовной памяти своей малой родины. Один из наших

Часть крепления на месте лагерной плотины

КОРПОРАЦИИ СЕМИНАРИИ в 1915 г.

Сидят слева: Н.П.Громов, Прот.Суперанский, Инсп.В.И.Лебедев, А.К.Бурцев, Епископ НИЖАНОР, А.С.Рубинов, Рект.Прот.Н.К.Чуков, Прот.П.Д.метелев, Я.С.Еллидинский.

Стоят слева: И.П.Бухта, М.П.Афанасьев, П.М.Осиев, Н.С.Стручков, В.Федоров, А.П.Боголепов, С.А.Олесевиц, В.И.Чарсионов, И.И.Поспелов, М.П.Смирнов.

родственников, потомственный Почетный гражданин, инок Валаамской обители Симеон (Еллидинский) написал в тревожном 1918 году: «Люди, старающиеся составить себе богатство, день и ночь думают об этом; работают от утра до вечера, берегут каждую копейку. Наше же богатство в добрых делах и наша бедность в грехах...», вскоре он умер и был погребен в обители, давшей духовную силу преподобному Александру Свирскому, а его близких ждали испытания и репрессии 30-х годов.

Темой репрессий я занимаюсь с XX века, когда еще будучи корреспондентом Лодейнопольской районной газеты «Ленинская правда» писал заметки, встречался с теми, кто командовал лагерями, с теми, кто в них отбывал огромные сроки, кто видел и тех и других в те страшные годы и не дождался близких после ареста... Работал в юности как раз там, где был лагерный «Затон» Лодейного Поля, а в детстве ходил туда на свидания к отцу. За последнее десятилетие мне довелось немало прошагать по месиву из глины в ненастную погоду, по насыпям бывших узкоколеек и по крутым холмам с буреломами и старыми пнями. Ворочал пласты тяжелой лагерной земли, чтобы отыскать предметы для музейных выставок, тащил эту железную ношу на себе, воспринимая свои страдания, как эхо прошлого. И в этом погружении восприятие мое становилось обостренным, близким к лагерному горю на генетическом уровне, когда хранящие память клетки предков будоражат сознание глубже и пронзительней.

Каждый раз, когда проходил мимо больших сосновых пней 30-х годов с кривыми зарубками неопытного лесоруба, словно чувствовал преда-

тельскую дрожь ослабленных, с кровавыми мозолями, рук, безверие и бессилие несчастного. Когда шел вдоль еще не заросших канав по насыпи почти исчезнувшей узкоколейки, ощущал непомерную тяжесть лопаты с суглинком, который надо было без конца в любую погоду закидывать здесь наверх. Глазами невольника смотрел и на лагерные решетки...

Все эти едва заметные в лесу колеи тележных дорог, остатки плотин и мостов с массивным железом эпохи индустриализации будто придавливали меня

к истоптанной ногами эзков земле тяжким грузом, словно на сердце накатывала лагерной тележкой такая боль, какой не испытывал при прочтении книг и архивных документов на тему репрессий. Хотя и воспоминания выживших узников с сухими строчками казенных справок вызывают сострадание.

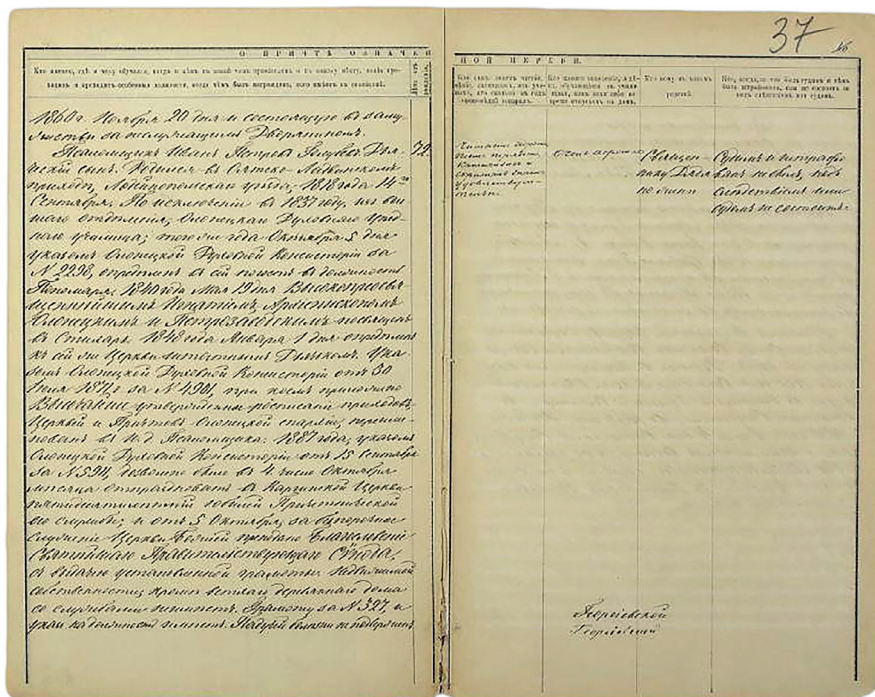
Нашим прадедом был дьякон храма Георгия Победоносца в Каргиничах Иван Петрович Голубев, который был родственником священника этого храма Семёна Васильевича Елпидинского и многих других церковнослужителей Присвирья, а сам родился в семье дьячка из Ладвы Петра Евсеева.

Многие его потомки и внучка Анна (моя бабушка) родились до революции 1917 года. Внука Василия расстреляли 6 марта 1938 года по подозрению в контрреволюционной деятельности с целой группой земляков. Средний — Иван — погиб в пекле советско-финской войны, даже место гибели его осталось для семьи неизвестным. Пока глава семейства отбывал с 1930 года срок в Соловецком лагере, одну из его дочерей, Марию, отправили на принудительные работы. При строительстве ГЭС она шила мешки для заполнения их песком и камнями. Когда настал черед подтвердить этот факт документами, семье сообщили, что в архиве данных о принудительных работах Марии в Подпорожье не имеется.

Вероятно, таких нигде не числящихся рабочих рук было среди гидростроителей немало. А прадед Егор Григорьевич в Соловецком лагере выжил и вернулся в родную деревню Печеницы, но до смерти Сталина не дожил несколько месяцев. Лишь внучка его смогла получить через суд небольшую денежную компенсацию за отобранные во время раскулачивания дома, дворы и коров с лошадьми и овцами. Дома были

Решетка лесного лагеря

Благодарность за полувековое служение

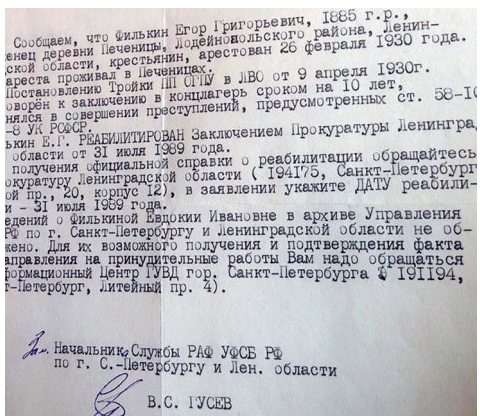
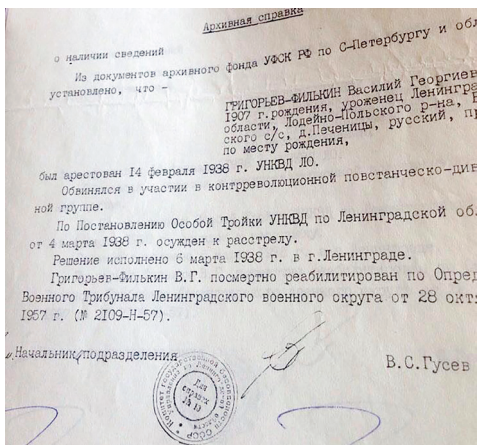
такими добротными, что в одном из них после изгнания нашей семьи разместился сельский совет, а в другом сделали деревенскую школу. Их до сих пор можно увидеть в Печеницах, которые пережили в XX веке немало потрясений, но еще помнят крепкие и многодетные когда-то семьи Филькиных и Ишуковых, всей душой любивших свою малую родину...

В этой истории моих предков удивительно, что спасение от репрессий объединило род дьякона и род охотников и колдунов, в котором славился в XIX столетии по всей округе самый сильный деревенский нойд Архип, способный заговорами творить многие чудеса. Казалось бы, ничто не могло соединить два этих рода, но именно период раскулачивания и репрессий породнил в Печеницах семьи с разными вековыми устоями. Моя бабушка Анна всего за день до ареста семьи успела зарегистрировать брак с нойдом-охотником Петром, который под репрессии не попал. Хотя случаи арестов местных колдунов сохранились в народной памяти как нечто необычное, связанное с бедами для тех, кто их забирал. Анна осталась жить в родной деревне. В 1938 году

ее вернувшегося родного брата Василия предупредили совестливые земляки об аресте. Советовали ночью бежать в Алёховщину, а он отказался: «Я ни в чем не виноват перед людьми и властью, там разберутся». Утром милиционер в черной шинели усадил его и еще несколько деревенских мужиков в сани и повез в Лодейное Поле. А 6 марта их всех расстреляли...

А прадед Егор Григорьевич десять лет отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения, где мог встречаться с будущим академиком, знаменитым деятелем культуры Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, поэтому воспоминания ученого о лагерном прошлом дают мне возможность представить, что происходило в начале 30-х годов там, куда веками стремились паломники, где довелось хлебнуть арестантской доли и жителям Присвирья:

«Тюремщики сами ничего не могли сделать, организовать тем более. Военные были поначалу единственной организующей силой, способной разместить, накормить, навести элементарный порядок прибывавших и прибывавших на острова Соловецкого архипелага заключенных. Они и делали многое по армейскому образцу. Первая рота была ротой «привилегированных» — командиров, начальников. Она помещалась за алтарем Преображенского собора и глядела окнами на площадь общелагерных поверок. Над первой ротой помещалась третья, „канцелярская“, с окнами в обе стороны. Где была вторая рота, не помню. Шестая — «сторожевая» — состояла в основном из священников, монахов, епископов. Им поручалась работа, на которой нужна была

честность: сторожить склады, каптерки, выдавать посылки заключенным и т.д. Она помещалась в основном здании, тоже обращенном на площадь проверок. Седьмая рота — „артистическая“. Здесь жили работники культурно-воспитательной части: актеры, музыканты, административные деятели учреждений, изображавшие собой „перевоспитательную“ работу на Соловках. Восьмая, девятая и десятая роты тоже были „канцелярскими“. Одиннадцатая рота — это карцер. Он помещался у Архангельских ворот. Там заключенные сидели на „жердочках“ — узких высоких скамьях, а спали прямо на полу. К карцеру пришлось прибегнуть, когда в Соловки стали прибывать уголовные и против них стали приниматься меры самими заключенными „казрами“ („контрреволюционерами“, по терминологии начальства). В конце концов прибытие нового большого числа заключенных заставило превратить в роту трапезную. Трапезная единостолпная палата, по своим размерам превосходившая Грановитую палату Московского Кремля, первоначально использовалась по своему прямому назначению — как общая столовая для всех заключенных. Когда помещений в монастыре стало не хватать, в роту превратили помещение, вход в которое был через трапезную. Это была двенадцатая рота.

Из всех рот тринадцатая была самой большой и самой страшной. Туда принимали вновь прибывавшие этапы. Там их муштровали, чтобы сломить всякое желание сопротивляться или протестовать, и направляли на тяжелые физические работы. Все прибывающие на Соловки обязаны были пробывать в тринадцатой роте не менее трех месяцев. Называлась рота «карантинной». Нас выстраивали по утрам на длительную поверку по коридорам, окружавшим Троицкий и Преображенский храмы. Строились по десять человек, пересчитывались, и последний в строю орал, помню: «Сто восемьдесят второй полный строй по десяти».

Порой в тринадцатой карантинной роте на нарах вплотную друг к другу помещалось три-четыре, а то и пять тысяч человек. Конечно, мы все были во вшах. Только по особым ходатайствам удавалось вызволить кого-либо из карантинной роты. Помню, как начальник здоровался с нами:

— Здравствуй, карантинная рота! И мы, сосчитав про себя до трех, после последних слов этого «приветствия», хором гаркали:

— Здра!

После тяжелых физических работ и сыпного тифа я работал сотрудником Криминологического кабинета и организовывал трудовую колонию для подростков — разыскивал их по острову, спасал их от смерти, вел записи их рассказов о себе, собирал воровские слова и выражения. Страдал я их страданиями ужасно, ходил как пьяный от их рассказов о своей жизни, об их страданиях, жизни в асфальтовых котлах, путешествиях в ящиках под вагонами. Все это были больные люди, „заянужанные“ (с измененной психикой от нюхания наркотиков), с отмороженными ногами,

руками и т.д. и т.п. Я собирал подростков из землянок в лесу на лесозаготовках, из самых отдаленных частей острова. Каких только рассказов о них я не записал!

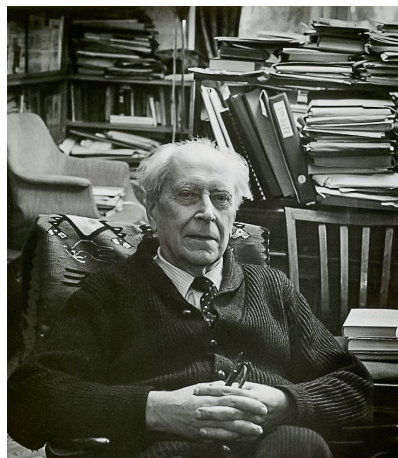
Я оценил моральную стойкость людей старого, дворянского воспитания. Несколько лет я работал с людьми, известными в русской культуре начала XX века, и с молодыми людьми, многие из которых были очень талантливы. Общение с ними было для меня в высшей степени полезным...»

После освобождения из Соловков будущий академик работал в близком многим нашим верующим землякам Тихвине и накануне своей кончины просил ему привезти тихвинские пирожки с брусничкой.

Путь на Соловки был речным по Свири или железной дорогой, поэтому можно говорить, что многие их узники прошли своей скорбной дорогой и через опутанные колючей проволокой, усеянные лагерными вышками и бараками свирские берега, где судьба заключенных была схожей и начиналась ГУЛАГовская история с прибывших на лесозаготовки бригад УСЛОНа. Соловецкие острова были непостижимым образом связаны с Присвирьем, как незримыми духовными нитями, так и роковыми расправами над множеством невинных людей.

При этом самый большой в Ленинградской области по площади и богатый по лесным запасам Подпорожский район был покрыт в 30-е годы прошлого века разветвленной сетью узкоколейных железных дорог. Одни тянулись на десятки километров в правобережной части Присвирья, соединяя ее с соседней Карелией, другие были проложены южнее Архангельского тракта, возле вепских деревень Приоятья, третьи помогали вывозить камни Свирского Прионежья. Были проложены узкоколейки и к большим стройкам на Свири — Нижне-Свирской и Верхне-Свирской гидростанциям. Для укрепления сооружений как раз использовались рельсовые обрезки с различными клеймами. По ним с датировкой 30-х годов XX века можно судить, на каком заводе делались те или иные рельсы.

Почти на каждом лагпункте можно обнаружить кирпичи с разными клеймами. Чаще всего на них встречаются буквы ЛООМХ. Как раз в 1927 году был создан Лодейнопольский округ, в который вошли десять

Д. С. Лихачёв

Рельсы лесного лагеря

заметны следы лагерного существования. Они настолько утрамбованы всего за несколько лет, что здесь так и не выросли новые деревья, лишь заросли иван-чая подсказывают, где восемь десятилетий назад были строения. Отсюда до действующей железной дороги всего несколько километров, поэтому в лесной тишине отчетливо слышны гудки электровазов, тянущих вагоны с пассажирами, которые даже не догадываются, что неподалеку эски каждый день несколько лет месили ногами дорожную глину по несколько километров, ворочали тяжелые камни с железом. На месте еще одного лагеря мы зафиксировали возле бывшей узкоколейки восемь больших барakov. Три были вырыты параллельно УЖД, еще пять — перпендикулярно. Судя по их размерам, в каждом находилось до 300 заключенных, а всего могло быть до двух тысяч. В одном из вырытых в земле барakov половина площади оказалась на полметра ниже, возможно, здесь была складская часть. На дне лагерного колодца сохранились остатки сруба, укрепленные проволокой и железными

районов, в том числе несколько из Вологодской области. Главной задачей округа была поставка в Ленинград сотен тысяч кубометров древесины, ради которой на лесоповал согнали жителей деревень. Они оттуда сбегали, потому и возникла необходимость привлечь к лесозаготовкам эсков. Через три года этот округ был упразднен, а лагерные кирпичи напоминают про Лодейнопольский окружной отдел местного хозяйства, который был подразделением окружного промкомбината. Его работники изготавливали и грузили на баржи кирпичи из местной глины неподалеку от места слияния Свири и Ояты. В некоторых лагерях делали и свои кирпичи с номерами партий.

В очередной экспедиции мы шли по вытоптаным башмаками тысяч заключенных лесным пустырям, на которых уже едва

листами. Почти в каждом было по два входа, у одного из них лежала решетка из железных полос с петлей. Среди найденных в этой экспедиции предметов особенно поразила часть саней для вывозки бревен, через которую проросла ель...

Именно здесь находился под стражей поэт-священник Анатолий Жураковский, который писал, когда остальные спали в душевых бараках: «Россия, моя Россия, Страна несказанных мук...»

Еще в одном месте обнаружены сотни подошв и фрагментов обуви.

Исследовательская работа в местах, связанных со свирскими лагерями, продолжается, что позволит сделать новые открытия, установить новые памятные знаки и организовать новые выставки и конференции, уроки для подрастающих поколений.

История исправительно-трудовых лагерей у Свирь как раз в преддверии пика репрессий в Советском Союзе, уже в 1935 году, получила международную известность благодаря сбежавшему из России в Финляндию заключенному БелтБалтлага Ивану Солоневичу. Этот опытный журналист пробыв на свирских берегах с сыном Юрием и братом Борисом лишь несколько месяцев, но смог своими публикациями в других странах вызвать к лагерной жизни Присвирья интерес мирового масштаба. Был не первым сбежавшим из системы ГУЛАГа в другую страну узником — автором разоблачений и не последним, но так и остался самым знаменитым после выхода книги «Россия в концлагере» на разных языках и в нескольких странах.

Находки на месте лагеря в Ревелье

Остатки обуви заключенных

жизни, записывая воспоминания земляков-очевидцев, видевших вышки и колючую проволоку своими глазами. Переписываюсь с родными известных заключенных, которые берегут в семейных архивах редкие и ценные для истории фотографии, письма и документы, прямо или косвенно соприкасающиеся с темой Свирлага, ищу дополнительные сведения и в других источниках, понимая, что эта исследовательская работа может продолжаться еще многие годы.

Считается, что исправительно-трудовой лагерь под названием Свирлаг свою короткую историю начал 17 сентября 1931 года, а лагерные будни под вывеской лесозаготовительных отделений УСЛАГа начались на берегах Свири раньше. Встречаются записи о его ликвидации после вердикта комплексной проверки НКВД, проведенной в 1935 году, о его неспособности эффективно заниматься лесозаготовками. Официально ИТЛ «Свирлаг» прекратил свое существование во второй половине 1937 года. Но его заключенные, по воспоминаниям очевидцев, продолжали работать на тех же участках, ночевали в тех же бараках и отбывали свой срок под наблюдением тех же охранников вплоть до подхода к Свири финских

И это при том, что в числе узников Свирлага были известные всей России генералы, ученые и священники, судьбы которых были трагичными. Их детальные свидетельства в виде писем, дневников и воспоминаний сохранили для истории важные детали, как и чудом сохранившиеся документы, которых, конечно, в архивах крайне мало.

Местные старожилы и в XXI столетии применяют в беседах слово «услонцы», которое связывают со всеми заключенными довоенного Присвирья. Они уже не догадываются, что его происхождение связано с созданием в октябре 1923 года на базе расформированных северных лагерей управления Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения — УСЛОН, бригады которого работали и на свирских берегах.

Я много лет собираю по крупицам то, что имеет отношение к лагерям у Свири, поднимая в лесах Присвирья железные и каменные следы лагерной

Лесовозная дорога на конной тяге

войск в сентябре 1941 года. Старожилы помнят, как расконвоированные заключенные спасали от оккупантов с территории Александро-Свирского монастыря элитных свиней, которых смогли перегнать и переправить на самодельном плоту на глазах у финских мотоциклистов через Свирь...

И в послевоенное время для местного населения лагерные будни по соседству воспринимались так же, как и в 30-е годы. Поэтому формальный подход не отражает в достаточной степени судьбу десятков тысяч заключенных, которых по приговору суда отбывать наказание отправляли именно в Свирлаг.

Исследователи нашли данные о числе умерших в этом лагере по каждому из шести лет его официального существования, но места их захоронений не зафиксированы. В учебнике В. Г. Тимофеева «Уголовно-исправительная система России: цифры, факты и события», изданном в Чебоксарах в 1999 году, указано, что в первый год существования Свирлага вместе с потерями имеющих на Свири свои подразделения ББК и Соловецкого лагеря было зарегистрировано 1438 смертей. С 1932 года число умерших в Свирлаге фиксируется отдельно и составляет 1569 человек.

В следующем году смертность достигает рекордных 15,8 процента — умер почти каждый шестой — 6623 заключенных. В 1934 году зарегистрирована 3201 смерть. В 1935 году, когда числилось чуть больше 40 тысяч заключенных, умерло 3887 узников, в следующем году — 1928, а в последний для Свирлага год зарегистрировано 295 смертей. В издании

Сплав леса

не указано, какая часть из них была убита при попытке побега или расстреляна. За шесть лет были похоронены около 20 тысяч умерших заключенных, которых закапывали не на церковных и гражданских кладбищах, не отмечая места лагерных захоронений памятниками.

Имеется небольшой список сбежавших и позднее пойманных уголовников, которые так и не были реабилитированы.

Имея более тридцати лет опыта работы в разных средствах массовой информации, могу считать, что многие публикации, как правило, отражают события или положение дел с неточностями, а порой и с серьезными искажениями. А в годы репрессий цензура была особенно жесткой. Поэтому газетные заметки не могут восприниматься в качестве главного доказательства. Описание лагерей на Свирь журналистом Иваном Солоневичем и его братом Борисом, напечатанные в условиях востребованности на Западе негативной информации о Советском Союзе, также можно считать лишь их оценкой, их восприятием. Для большей объективности важно собирать факты и из других источников, к примеру, дневниковые записи знаменитого генерала русской армии Андрея Евгеньевича Снесарева, письма известного философа Алексея Фёдоровича Лосева, воспоминания учителя и публициста Александра Ивановича Белинского и редактора газеты «Свирский строитель» в 30-е годы Николая Кузьмича Кулепетова.

Что же касается мест расположения лагерных отделений, как постоянных, так и временных, то в западной части самое дальнее подразделение Свирлага зафиксировано в документации за рекой Волхов, в стенах закрытой Макарьевской обители у реки Мги, в северной части его заключенные заготавливали лес на притоках реки Важинки и на южной территории Карелии, восточные границы деятельности заключенных доходили до Онежского озера, а южные — до лесных массивов у притоков Ояти. Начальство Свирлага примерно с тремя тысячами заключенных располагалось в Лодейном Поле, где сходились важные железнодорожные и водные пути, включая старинный путь каторжан по Архангельскому тракту. По стечению обстоятельств часть лагерных отделений находилась в тех же населенных пунктах, в которых отбывали ссылку в так называемой «Подстоличной Сибири» неугодные царской власти революционеры.

Многие бараки подконвойных лесозаготовителей были отмечены на предвоенных топографических картах Присвирья 1937–1939 годов, на аэрофотоснимках периода Великой Отечественной войны, хотя и они могут совпадать с временками принудительно отправленных на лесозаготовки в 20-е годы жителей деревень и военными объектами.

Первым на бывшие лесные бараки обратил внимание опытный работник лесного хозяйства Алексей Шорохов. По его словам, на месте лесов, вырубленных заключенными в начале 30-х годов двадцатого века, уже можно заготавливать новые деревья, которым теперь более восьмидесяти лет, а следы узкоколеек, мостов, производственных площадок, колодцев, амбаров и жилых помещений еще просматриваются где-то линиями и прямоугольниками, а где-то искусственными углублениями или холмиками на хранящей немало тайн земле. А там, где заключенные, как и их охранники, жили во время сезонных командировок в брезентовых палатках, уже не осталось никаких заметных материальных следов кроме непривычно высоких пней с кривыми зарубками от немелких рук.

С этих палаток и начинался Свирлаг осенью 1931 года, как описывают в деталях его первые знаменитые узники. И тесное взаимодействие хорошо воспитанных, но чуждых власти большевиков ученых, священников, инженеров, деятелей культуры и офицеров царской армии с более близкими ей грубыми и неграмотными уголовниками, вперемешку с рабочими и крестьянами, выглядит чудовищным социально-психологическим экспериментом. Они вынуждены после тяжелой физической работы все вместе спать в одной переполненной и неудобной палатке, добиваться при скудном питании добавки выполнением плана при плохой организации работ и вступать между собой в конфликты и противостояние.

Поэтому кажется закономерным разрешение по воле партийного вождя уже в 1932 году для находящейся под присмотром интеллигенции

заниматься нужной стране научно-литературной деятельностью с амнистией для части арестованных преподавателей военной академии и других образованных заключенных. О важности культурно-воспитательной работы говорят и лагерные документы, публикации лагерной и местной прессы.

Одних узников сменяли другие, менялись условия жизни, труда и питания, поэтому и можно считать, что Свирлаг в разные годы отличался и мог, вероятно, стать местом и явлением для рождения произведений мирового уровня благодаря организованной руководством страны во второй половине августа 1933 года поездке по Свири известных художников и писателей. Мимо лагерных вышек, барачков и колючей проволоки Присвирья на уютном пароходе проплывал знаменитый летописец страдальческой жизни Максим Горький, а вместе с ним автор ироничных рассказов Михаил Зощенко, красочно описавший труд каторжан петровской эпохи Алексей Толстой, Валентин Катаев, Вера Инбер, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Леонид Леонов, Валентин Катаев, Виктор Шкловский, Мариэтта Шагинян, Илья Ильф, Евгений Петров и другие знаменитые литераторы.

После этого круиза по Свири, Онежскому озеру и новому каналу появилось немало хвалебных публикаций, картины и объемная книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», только не родилось правдивых рассказов о жертвах режима, и в народной памяти почти не сохранилось воспоминаний об этой необычной поездке инженеров человеческих душ.

Знаменитый писатель Максим Горький публично критиковал в газете «Правда» уже сидящего в Свирлаге и не имеющего права на ответ философа Лосева, не предполагая, что жить ему самому осталось считанные годы. Уже в послевоенные годы знаменитый Михаил Зощенко писал, попав под молх репрессий, что литература должна быть выстраданной. Поэтому, наверное, закономерно, что мировую литературную славу обрел описавший лагерь на Свири изнутри Иван Солоневич.

В поисках материальных следов мы осматривали глухие уголки леса возле притоков реки Мужалы с государственным охотничьим инспектором Дмитрием Митруковым, у бывшей УЖД за Каковичами и на реке Кузре — с командиром отряда «Важинский поисковик» Юрием Шершневым. А директор Вознесенского лесхоза Алексей Москвин показывал возле Вязострова еще не совсем сгнившие пни вырубленных узниками Свирлага сосен и каналы, прорытые ими для сплава бревен. Своеобразным памятником каторжному труду стали и каменоломни возле Ивинского разлива, на которых еще высятся пирамиды так и не вывезенных плит малинового кварцита и ржавеют крупные остовы железных приспособлений для добычи уникального камня, которым был облицован мавзолей Ленина и другие знаменитые на весь мир памятники.

Символично, что одна из узкоколеек, ведущая к Свири от озера Вашкус, проходила через тот участок дороги Лодейное Поле — Вытегра, на котором возле деревни Конец установлен дорожный указатель «101-й километр». В Советском Союзе существовала практика высылки неблагонадежных граждан за сто километров от столичных городов, в их число попадали и семьи репрессированных. Известный бард Александр Розенбаум сочинил на эту тему песню, в которой звучат и такие слова:

*«Так как все мои вопросы остаются без ответа,
Две мечты имею: космос и сто первый километр.
В космос явно не забраться, для него не вышел рожей,
Так что двину-ка я, братцы, к светлым далям Подпорожья».*

Многие исследователи Свирлага, изучая наши таежно-болотные дали в печатном и виртуальном пространстве, что-то собирая и во время приезда на хранящие тайны прошлого свирские берега, не могут найти полноценные ответы на все свои вопросы. Их трудно найти и тем, кто прожил здесь всю свою жизнь, беседуя по душам с земляками на протяжении десятилетий и ощущая постоянно неуловимый, но важный дух истории в живой народной памяти. А она проявляется встречами и разговорами, будто застывшие в безвременье отзвуки былых страданий и неуспокоенных душ. И каждое упоминание — это неотъемлемая частица общего полотна, без которой что-то ценное окажется утраченным.

Если касаться предпосылок возникновения Свирлага, то они были продиктованы главной целью советского правительства в тот период — лесозаготовками. Отборный строевой лес требовался многочисленным стройкам и заказчикам в странах Европы, дрова нужны были Ленинграду. А лучшей сырьевой базой еще с XVIII столетия было Присвирье с сетью сплавных рек и ручьев. С 1926 года постепенно разворачивается на Свири гидростроительство с перспективой затопления больших площадей, которые нужно было очистить от леса. Но жители здешних деревень его принудительно пилят так неохотно, что зимой 1929 года начальство Лодейнопольского округа бьет тревогу в связи с угрозой срыва лесозаготовок и лесосплава. Только Винницкий леспромхоз должен был поставить свыше 500 тысяч кубометров древесины. Но сил на заготовку вручную таких объемов у него не было. Не хватало инвентаря, продуктов и рабочей силы. Грозные требования Тройки о принудительной повинности жителей разных округов результата не принесли. Обезлюдевшие деревни не могли дать нужное число работников и лошадей.

Лагерные каменоломни в Ровском

Многие с лесозаготовок на свирских и оятских берегах сбегали в первые же недели. К примеру, из Токарского лесопункта за одну ночь сбежало 40 работников с 31 лошадью, привезенных на работы с Череповца.

Также катастрофически не хватало рабочих рук на земляных работах в Свирьстрое, где полуголодным людям приходилось копать глубокие ямы в тяжелом глинистом грунте, когда срывались сроки строительства. Всюду применялся авральный метод решения производственных задач. И кажется уже символичным, что столица Свирлага — Лодейное Поле — своим происхождением связана с подневольным трудом на корабельной верфи, что каторжане гремели в этих местах кандалами несколько столетий и рыли к Свири каналы, что на костях подневольных рабочих была построена здесь в разгар Первой мировой войны железная дорога, а потом и гидроэлектростанция.

Чтобы погрузиться в историю лагерей Присвирья, желательно ознакомиться с воспоминаниями различных людей, оказавшихся на свирских берегах по разную сторону колючей проволоки и не ведающих, какого масштаба достигли в их стране репрессии, живущих в страхе, что незваные гости с револьверами постучат и в их дверь.

Можно найти данные сотрудников НКВД и охраны в довоенных папках ЗАГСов Лодейного Поля и Подпорожья, если они в этот период оформляли бракосочетания. К примеру, 28 июня 1941 года в Подпорожье женился оперуполномоченный лагеря № 5 Дмитрий на санитарке райздравотдела Устинье. Но пока делать фотокопии с этих личных документов, к сожалению

нию, запрещено, они будут открыты только после передачи в областной архив.

Уже более полувека я хожу по земле Свирлага, все эти годы ощущая его тихое долгое эхо и мистическую связь с тем, что связано с этим печальным почти для сотни тысяч людей названием. Как и во многих других местных семьях, в нашей родне можно найти тех, кто в годы репрессий оказались по разную сторону колючей проволоки, но породившихся потомков мудро избавили от груза вражды. Зато сейчас приходится сталкиваться с тем, что собиратели данных о репрессиях ведут себя по отношению к людям, чьи слова им чем-то не понравились, так, что невольно находишь их сходство с теми, кто выносил приговоры и организовывал травлю неугодных людей в годы репрессий.

В 1937 году в Присвирье были арестованы почти три десятка человек из рода Неёловых, к потомкам которых относится и моя супруга. Ее бабушка Евдокия Павловна всю жизнь помнила, как арестовали темной осенней ночью на высокой горе в деревне Болото ее отца и восьми-десятилетнего деда. Когда отца стали выводить из дома, старый дед Яков привстал на печи и в сердцах сказал: *«Что же вы лучших мужиков арестовываете?»* Один из чекистов ответил старику коротко: *«Раз такой разговорчивый, собирайся с нами!»* По дороге арестованный дед Яков помер, избежав короткого суда и расстрела, поэтому в списках репрессированных имя его не найти. Дочь расстрелянного Евдокия вышла замуж за охранника лагеря на Свири, данные которого удалось найти в довоенных записях ЗАГСа, а внуки и правнуки уже в новом столетии молятся в Александро-Свирском монастыре за упокоевание души всех предков.

А дед по материнской линии охранял склады на правом берегу Свири, почти напротив Затона. Вспоминаю тревожные рассказы мамы про сбежавших в довоенное время из лагеря услонцев, которые по ночам заходили и в дедовский дом у Каномской переправы. Беглецы требовали еду и лодку, угрожая ножом, но старший пожалел семью из-за маленьких девочек. В то время в Присвирье на слуху были случаи убийств, грабежей и изнасилований в соседних с лагерями деревнях. Этот народный страх перед услонцами сохранился в бытовых разговорах местных старожилов до нашего времени. К примеру, Анна Ивановна Корнышева, 1933 года рождения, рассказывала, что детей еще до войны пугали в деревне Мягозеро: *«Не будешь слушаться — отдам услонцам».*

С самого детства довелось немало походить по уголкам родного для меня Лодейного Поля, по которым ходили и узники Свирлага. В начале 70-х годов XX столетия мы с мамой передвигались по дощатым тропинкам в болотной низине в автомастерские деревообрабатывающего комбината, где на месте бывшего лагерного затона работал мой отец.

Я и сам после окончания школы целый год пилил здесь доски, тогда еще ничего не зная о прежней лагерной жизни у кирпичного здания с цифрой «1937» на фасаде, в котором было и карандашное послание «Ковалев. ст. 58 ч. 2». Любил в перерывах смотреть на величавую ширь Свири, над которой в лагерные годы тянулся черный дым пароводных труб и по которой плыл плотами вырубленный заключенными лес Присвирья.

Наверное, и они с тоской смотрели на реку, давшую название известному даже в других странах лагерю. В этом месте в 70-е годы работал пожилой человек, рассказывавший, что осенью 1941 года его с группой других заключенных хотели расстрелять на правом берегу Свири, не успевая вывезти, но их отбила финская разведка, а после войны ему накинули двадцать пять лет лагерей, но освободили раньше. И приходилось смотреть в замутненные глаза другого бывшего сидельца — земляка, который провел в неволе четверть века и многое мог бы поведать. Лодейнопольцы, жившие здесь до войны, вспоминают про вышки с колючей проволокой неподалеку от Каномы, эзков, строящих лежнёвки и таскающих бревна к местам складирования на правых притоках Свири, опасных уголовников и узников-интеллигентов, выступающих в летнем театре города.

С детства запомнился всем тогда известный в Лодейном Поле персонаж Ваня Шулюк, якобы тоже имеющий отношение к лагерным будням. Ребянтю также привлекала в те годы стучащая копытами по булыжникам улиц лошадь, развозившая на телеге продукты. Она будто сумела перебраться к нам из довоенного городка на Свири, где такие повозки были столь же привычным явлением, как и вышки с охранниками на окраине. Дольше других булыжная мостовая держалась на бывшей Тюремной улице, переименованной в Ульяновскую. На ней сохранилось здание тюрьмы, ставшее на закате советской власти медвытрезвителем. А от него путь горьких пьяниц лежал на правый берег Свири, в другие стены с лагерным прошлым — в Свирскую психиатрическую больницу, которая после заключенных полвека находилась в монашеских кельях.

Мне довелось бывать в двухэтажном деревянном доме, стоявшем почти напротив городской поликлиники на центральном проспекте, в котором когда-то квартировало лагерное начальство, а потом жили обычные люди. Заходили мы и в другое здание Свирлага, что стояло возле улицы Плеханова и было когда-то лагерной больницей, а в свои последние годы — коммунальной конторой, а также в другие помещения прежнего Лодейного Поля, возле которого даже болото называется Татарским, видимо, в память о галерных гребцах-невольниках XVIII столетия. Только не сохранила память дом № 2 по улице Коммунар, почти

на берегу Свири, что стоял неподалеку от нынешнего братского кладбища, и в котором лагерное начальство решало свои важные вопросы и распоряжалось судьбами заключенных.

Лагерных следов и воспоминаний осталось больше в соседнем Подпорожье, возле которого узкоколейки тридцатых годов вошли в народный обиход с привычным для всех названием УЖД у грибных и ягодных мест как понятный маршрут для рыбаков и охотников. Горожане после ликвидации лагеря сматывали его колючую проволоку, чтобы огородить ею свои огороды. Остатки этих ограждений сохранились на окраине города до наших дней. Именно здесь, в Подпорожье нынешнего века, вдова заключенного Свирлага рассказывала мне, что ее мужа в ночь перед освобождением зарезали уголовники, проиграв в карты чью-нибудь жизнь.

В бараках Свирь-2, как в то время называли рабочий поселок Подпорожье, заключенные после 1937 года уже не считались официально живой рабсилой ликвидированного по бумагам Свирлага, но продолжали отбывать свой срок и подвергаться новым репрессиям, как протоиереи Алексей Иосифович Западалов. Его расстреляли по доносу 10 июля 1938 года с тремя другими священниками, отбывавшими наказание вместе с ним. Отец Алексей даже в преклонном возрасте перевыполнял план лагерного начальства по лесозаготовкам и рытью котлована, делился с более слабыми пищей и поддерживал их силой своего духа до самой смерти. Этот священник, отпевавший поэта Александра Блока, пока не канонизирован.

Достойны народной памяти и прославления, вероятно, многие священники, прошедшие тернистый путь Свирлага, но пока только семеро из них причислены Русской Православной Церковью к лику святых свирских новомучеников. На икону с их образами собирали деньги жители Подпорожья, а потом несли ее крестным ходом в храм Благовещения, построенный на месте лагерного барака. Есть такая икона и в главном храме Лодейного Поля, возле которого установлен крест памяти жертв Свирлага. Теперь каждый год на рубеже весны и лета отмечается День собора Свирских новомучеников, а в нескольких местах Присвирья установлены поклонные кресты, напоминающие о лагерном прошлом Присвирья.

Благодаря открытым источникам становятся известными в последние годы все новые имена и факты. В числе духовных лидеров, в чьей судьбе оставили болезненный след свирские лагеря, были, конечно, представители разных народов и религиозных направлений, которые также могут обрести особый статус. А нам важно помнить, что горький путь десятков тысяч наших репрессированных соотечественников, которых везли на Соловки и в другие суровые края Севера, лежал через столицу Свирлага — Лодейное Поле, что здесь в этот период молах

повального раскулачивания сменился арестами и расстрелами, страхом людей за свою жизнь.

Главным палачом в это страшное время был лейтенант госбезопасности Добровольский, назначенный начальником Лодейнопольского оперсектора, в состав которого вошли пять районов Ленинградской области, на территории которых и отбывали наказание узники свирских лагерей. Этот чекист сломал много солдатских жизней в Присвирье и в годы Великой Отечественной войны, пока про его «подвиги» не доложили самому Сталину. За уничтожение невинных солдат Добровольскому лишь объявили выговор. Он закончил войну полковником с пятью орденами и, наверное, до самой смерти гордился усердием в рядах НКВД.

Краевед Присвирья Александр Викторович Кузовков несколько лет составлял список своих земляков, расстрелянных в годы репрессий. В их числе была и молодая учительница Рыбежской школы Орлова Наталья Васильевна. Она была арестована 31 июля 1937 года, а 15 ноября ее лично расстрелял начальник Лодейнопольского оперсектора Добровольский.

Из заметки А. В. Кузовкова:

«Сейчас в Рыбежно ее, конечно, никто не помнит и не знает. Можно попытаться искать какие-то следы, но шансов найти их почти нет. Видимо, страшным врагом была Наталья Васильевна Орлова. Наверное, подсыпала толченое стекло в масло рабочим и крестьянам. А иначе, разве расстреляли бы? Встретился на ее жизненном пути Илья Петрович Добровольский. Бравый лейтенант НКВД, 39 лет от роду, контуженный и с отмороженными на фронтах гражданской войны пальцами ног. Все-таки была тайна. Что-то связывало их. Может, что-то личное. Скорее всего, дата ареста была фиктивная. Далее, все, предназначенные к репрессированию по первой категории, т. е. к расстрелу, отправлялись в Ленинград, где и расстреливались по приговорам тамошней тройки. Единственная расстрелянная в г. Лодейное Поле — это учительница из Рыбежно. Мало того, Илья Петрович расстрелял ее лично!»

Были и другие сотрудники НКВД. Вот что вспоминал о своем дяде известный писатель Николай Коняев: «В 1931 году его призвали в армию из Остречин, он после срочной службы закончил школу НКВД и приехал в родную деревню лейтенантом. Служил в охране Сегежлага и влюбился там в девушку-поселенку. Когда начальство узнало об этом, ее решили по этапу отослать. А он тогда застрелил любимую овчарку, эту девушку и себя, лишь бы не расставаться».

В интернете можно найти довольно большой список сбежавших из Свирлага, пойманных и расстрелянных уголовников, не подлежащих реабилитации. Встречаются сообщения о пропавших без вести беглецах. К примеру, слесарь родом из Брянщины, 32-летний Блинов Иван Кузьмич, совершил побег из Свирлага в августе 1933 года. А Валентина

Силич пишет о своем дедушке: *«Деда осудили за то, что „позволял себе высказываться о скудном обеспечении продуктами питания в стране (...) высказал мнение среди сотрудников, что форма одежды проводников состава поезда износилась и требует замены“. В информационном центре МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области мне удалось получить неожиданную справку. В ней говорится, что „осужденный к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в Свирском ИТЛ Лавров И. М. 09 сентября 1933 года совершил побег...“ Дальнейшая судьба деда неизвестна».*

Меня поразила судьба карела, в деле которого фигурирует Свирьстрой, а сам он смог сбежать в Финляндию. Иван Германов жил в приграничной деревне Пертозеро Олонецкого района. В начале 30-х годов его родной брат и отец жили на финской стороне, хотя и совсем рядом. И они находили редкие и опасные возможности для тайных встреч, чтобы обсудить за бутылкой русской водки житье-бытье и насмотреться друг на друга.

Про одну из таких встреч кто-то бдительный доложил в НКВД. Вскоре 25-летнего Ивана арестовали и обвинили в контактах с финскими шпионами. Якобы они хотели через него выяснить, сколько на строительстве ГЭС на Свири пушек и войск. Молодому отцу двоих маленьких детей дали десять лет Сиблага и отправили долгим и трудным этапом под Новосибирск. Но он смог из лагеря сбежать и, преодолев тысячи километров, добраться тайком до своего дома. Жена Настя не решилась на опасный переход через границу с маленькими детьми и отпустила Ивана, чтобы он смог устроиться в Финляндии, а потом забрать их к себе. Их третий ребенок родился через девять месяцев, что послужило подтверждением доноса о появлении беглеца в родном доме. Иван после всех испытаний и проверок финской полиции сменил имя, став Йоханесом Пирьянти, а его жену вскоре арестовали и расстреляли. После смерти Сталина Иван смог приехать в родную деревню. Выйдя из поезда, он вдруг встал на колени и стал целовать землю. Он стал замечательным мастером-самоучкой, изготавливающим гармони, баяны и аккордеоны. В Финляндии ему присвоена личная марка — лейбл «Пирьянти», там он, потерявший в России любимую женщину и родной дом, не ожесточился сердцем и не мстил государству, отнявшему у него счастье, семью и свободу.

Финны в 30-е годы пробирались через границу в Советский Союз за лучшей долей, где их арестовывали, направляя на многочисленные стройки века с мрачной перспективой новых судов и расстрелов.

Такая история произошла и с 35-летним финном из Лаппеенранты Карлом Вауконеном. В июне 1932 года его после нелегального перехода государственной границы вместе с семьей задержали и после допросов

отправили на строительство Нижне-Свирской ГЭС. Карл не проработал кочегаром паросиловой станции и года. В апреле 1933 года его арестовали, а через месяц особая тройка ОГПУ осудила его по контрреволюционной 58-й статье на три года ссылки вместе с семьей в Сибирь. Расстреляли искавшего счастья в Советском Союзе финна 11 сентября 1937 года. И он не был одинок в столь горькой участи наивных соотечественников.

Жившие рядом со Свирлагом местные жители тоже оказывались жертвами репрессий. Среди сотен невинных жертв был подпорожец Василий Ильич Курынгин, который был отправлен в 1937 году в лагерь на Колыму и находился в лагерной больнице с известным писателем Варламом Шаламовым, писавшим: *«Увидел, что единственная группа людей, которая держалась хоть чуть-чуть по-человечески в голоде и недружествах, — это религиозники, сектанты, почти все и большая часть попов».*

Вот и служитель церкви из Чикозера Григорий Иванович Гапачев с достоинством прошел все испытания. Его тоже арестовали в 1937 году. На допросе в Винницах ему пояснили, что трое бдительных жителей деревни написали куда следует, что бывший дьячок с подельниками планировал взорвать мост через Свирь и организовать покушение на самого товарища Сталина. По скорому приговору его отправили на десять лет в суровые степи Казахстана. Шансов выжить там у слабого здоровьем Григория Ивановича было мало. В своих письмах родным он писал, что работа в степи на рытье каналов была очень тяжелой, но надеялся, что еще сможет увидеть жену и детей в родной деревне. Приходилось спать в скирдах, где по телу ползали змеи, их водили строем копать каналы, а за шаг в сторону грозил расстрел на месте. В лагерной зоне он встретил известие о начале войны, а потом получил на своих сыновей, погибших осенью 1941 года при обороне Ленинграда, похоронки, которые переслала ему жена. Их, как детей врага народа, бросили в самое пекло.

Григорий Иванович после возвращения на родину в 1947 году был лишен избирательных прав, а после смерти Сталина ему выдали справку о реабилитации. Он говорил, что стал сомневаться в существовании высших сил, что ни в Бога, ни в черта он больше не верит. Но перед смертью сказал: *«Когда умру, похороните так, чтобы была видна церковь, в которой я служил в прежние годы...»*

Это завещание много испытавшего земляка — урок и для всех нас, живущих в XXI веке на святой земле репрессий и духовных подвигов, которые и помогают нам оставаться людьми в любой ситуации и стараться не повторять ошибок прошлого.

*Железное сердце Свирлага,
Как тяжесть вагонных колес,
Уныние, холод барака,
Безрадостность сроков и верст...*

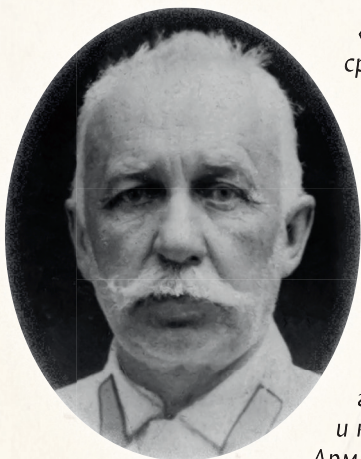
*Оно не стучит и не греет,
Но вышкой в колючей тиши,
От сердца железного веет,
И будто доносом шуршит...*

*Во взглядах случайных прохожих,
Охранников прежних зрочки,
Мы все на тех прежних похожи,
Не все можем жить по-людски...*

Лагерные дневники генерала Снесарева

Тексты лагерных дневников подготовлены П. А. Васильевым

В числе письменных свидетельств о буднях Свирлага особую ценность имеют воспоминания ученого, героя Первой мировой войны, командовавшего после революции войсками Красной Армии и награжденного уже советским правительством званием Героя Труда, Андрея Евгеньевича Снесарева. Переход в 1918 году геройского генерала, участника знаменитого Брусиловского прорыва, на сторону большевиков стал ударом для Белого движения и воспринимается неоднозначно. А генерал Снесарев свой воинский долг перед старой Россией честно выполнял до конца 1917 года. В своих письмах жене он тогда писал:

«У нас идет омоложение армии. В офицерскую среду брошено огромное яблоко раздора, практика омоложения вносит полную переустановку офицерских дум, пониманий, привычек. И опасно то, что эти эксперименты делаются над армией — институтом старым, как свет, если хотите, грубым, но определенным и неизменным. Конечно, я верую в здравый смысл русского народа, но в фактах, которые я наблюдаю, я не вижу веселых горизонтов. Родина... Страшнее всего и большее всего то, что о ней теперь меньше всего думают, все готовы отдать другим из ее великого, потом и кровью скованного достояния: юг — украинцам, Армении — Турции, Галицию — Австрии, проливы — Турции... идите, собирайтесь, вы, другие, может быть и вам что-либо нужно: у нас есть еще Кавказ, Сибирь, Туркестан, Финляндия, впрочем, мы ее уже отдали. Свободы — хорошо, рассредоточение власти — прекрасно, форма правления — которую выберет народ, но зачем рвать на клочки, зачем разгораживать и тащить по прутьям гнездо? Придет время, и люди поймут, что благо, когда с расширенными правами сами собой расширяются и обязанности. Слишком страшно для меня обеднение России, начатое и наполовину сделанное войной, а теперь продолжаемое и завершаемое революцией. Рабочие, которые так горды до-

бичей 8-часового рабочего дня, первые поймут отраву своих политических надежд, так как первые попадут в тиски голода. Ни одна русская фабрика с ее отсталой техникой и повышенной рабочей платой будет не в силах конкурировать с фабриками Запада. Германские социал-демократы это хорошо понимают, отсюда их монархизм и голоса за войну. Из газет мне известно, какой испуг охватил всех: Гучков прямо заявляет, что государство на краю гибели, Керенский бросает фразу о взбунтовавшихся рабочих, а Церетели говорит, что над Россией надо поставить крест. И только мы, третий год ходящие под ликом смерти, на события смотрим спокойно и с достоинством. Мы не впадали в истерический пафос в первые дни революции и не впадаем в истерическое отчаяние, когда со всех углов на нас глянули темные рожи анархии...

Относительно армии мы, военные, приходим к заключению, что вынесенных испытаний, по-видимому, мало, чтобы понять ошибки, и только дальнейшие потери до Днепра или Риги с Петроградом научат кого-то уму-разуму. Наши оставляют позиции, бросают окопы, обнажаются фланги соседей. Для восстановления прорванного фронта подводят полк. Вместо того, чтобы идти, начинается митинг. 18 ораторов красиво говорят, что надо идти выручать товарищей, а командующий полком плачет, зная, что эта помощь нужна была еще 12 часов назад. Раньше мы были глупы, темны, отсталы, но были храбры и сильны, и этого было достаточно, чтобы нас бояться, уважать и с нами считаться, а теперь мы свободны и „передовее“ Европы, но мы малодушны, трусливы и слабы... Была у солдата душа, да еще какая душа — беззаветная, мужественная, стойкая, мировая, а теперь кто-то подкрался к нашему солдату и выкрал — нет, мало — вырезал его душу и осталась там пустота. И как ее поднять на подвиг, как в нее всунуть лик Родины, никто не знает — секрет потерян. Страна идет к экономическому и политическому краху и нет сил и ресурсов спасти ее. Брошенный на произвол судьбы русский рубль катится в пропасть и теперь, даже в Персии расцениваемый в 7–8 копеек, лучше всего показывает, что в нас потеряли веру. И наша судьба — стать второй степенной державой, а может быть и третьей степенной, очутиться под пятою Вильгельма и нести на шее кабалу экономической зависимости...»

Внук генерала Андрей Андреевич Снесарев и внучка Анна Андреевна Комиссарова бережно хранят в семейных архивах фотографии и записи знаменитого деда, готовят материалы для отдельной книги, а часть прислали для публикации в нашем сборнике вместе с биографией, из которой выясняется, что он был сыном священника и мог стать оперным певцом.

А. Е. Снесарев

Снесарев Андрей Евгеньевич

(01.12.1865, Старая Калитва,
Острогожского уезда Воронежской губернии —
04.12.1937, Москва, похоронен на Ваганьковском
кладбище)

Военный, ученый-востоковед, геополитик,
географ, разведчик...

Андрей Евгеньевич Снесарев родился в 1865 году в слободе Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии в семье священника. Детство и отрочество прошли на Дону, сначала в родной слободе, затем в станице Камышевской. Учился в Нижне-Чирской прогимназии, затем окончил Новочеркасскую гимназию с серебряной медалью. В 1884 году Снесарев поступил в Московский университет на физико-математический факультет, который успешно закончил в 1888 году на кафедре чистой математики со степенью кандидата.

После университета обязательная годичная воинская служба — в августе 1888 года Андрей Евгеньевич был зачислен рядовым из вольноопределяющихся в 1-й Лейб-гренадерский Екатеринославский полк, откуда поступил в Алексеевское пехотное училище и через год окончил его с занесением имени на мраморную доску. Уже в училище произошел непростой выбор будущей профессии — военная служба. После училища выпущился в свой полк в звании подпоручика. В эти же годы продолжались занятия пением (начатые еще в университете) и были закончены курсы профессора Прянишникова при консерватории, состоялся дебют в Большом театре. Он исполнил партию Невера в опере Мейербергера «Гугеноты».

В 1896 году, выдержав значительный конкурс, поступает в Академию Генерального Штаба и через три года после блестящего окончания основного и дополнительного курсов Академии Снесарев получает назначение в Туркестанский Военный Округ. Там и началось его непосредственное знакомство со Средней Азией, Афганистаном, Индией.

Первым заданием Снесарева в Туркестане была командировка вместе с подполковником А. А. Полозовым в Британскую Индию через территорию Афганистана. Естественно, задачи в этой командировке ставились перед русскими офицерами вполне конкретной военной направленности.

Из индийского путешествия Снесарев вернулся с массой материалов и впечатлений, в дальнейшем послуживших ему хорошей основой в работах по Индии и Афганистану. После командировки в Индию последовала

ли работа в штабе Туркестанского военного округа, командировка в Англию, рекогносцировочные поездки по Туркестану, назначение на пост начальника Памирского отряда с его бесконечными поездками по подведомственным территориям и постам, сбором сведений от агентов о соседних Афганистане, Индии, англичанах, разбором споров местного населения, написанием отчетов и рапортов начальству. В 1901 году он становится действительным членом Русского географического общества. В годы службы в Туркестане начались публицистическая, педагогическая и научная деятельности Андрея Евгеньевича, изучение восточных языков.

После перевода в конце 1904 года в Санкт-Петербург на службу в Управление генерал-квартирмейстера Генерального Штаба, то есть, в современной терминологии, в разведывательное управление, общественная деятельность Андрея Евгеньевича приобретает новые размах и направленность — печатаются его научные труды, продолжается широкая педагогическая и публицистическая работа, в основном сконцентрированная на вопросах ориенталистики. В 1908 году он участвует с докладами в работе XV международного Конгресса ориенталистов в Копенгагене.

Андрей Евгеньевич продолжает изучать восточные языки, преподает в Практической Восточной Академии. Его избирают председателем Среднеазиатского отдела Общества востоковедения. Военная служба в эти годы концентрируется на вопросах анализа обстановки и планирования операций в направлении Индии и Афганистана.

В 1910 году направлен начальником штаба 2-й Казачьей Сводной дивизии в войска первого эшелона, расположенные непосредственно на границе. До войны Снесарев успевает поучаствовать в работе разграничительной комиссии (ее председатель с российской стороны) на границе с Австро-Венгрией. С первого дня военных действий будущий генерал находился на Юго-Западном Фронте. За время войны участвовал более чем в 75 боях, пройдя служебный путь от командира полка до командира корпуса, встретив революционное время в чине генерал-лейтенанта.

За службу в мирное время Снесарев был награжден орденами: Станислава 3-й степени в 1901 году, Станислава 2-й степени в 1905 году, Анны 2-й степени в 1908 году, Владимира 4-й степени в 1912 году.

За свою храбрость, полководческое искусство и успехи в боях А. Е. Снесарев получил немало наград. За бой под Бучачем 10 августа 1914 года награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами; за бой двумя днями позже — Георгиевским оружием; «за особое отличие в боях» 4–6 декабря — орденом Святого Георгия 4-й степени; за бои в 1916 году он стал кавалером ордена Святого Станислава с мечами 1-й степени и кавалером ордена Святой Анны с мечами 1-й степени. И, наконец, получил орден Святого Георгия 3-й степени.

Очень тяжело переживал все, что случилось с Россией после февраля 1917 года. Грустные картины разложения армии и страны прошли перед его глазами. Осторожные надежды на лучшее быстро сменились глубочайшим разочарованием и порою полным неприятием происходящего. В его дневниках и письмах домой той поры встречается много пронзительных строк, полных тяжелых раздумий о судьбе Отечества.

В 1918 году А. Е. Снесарев поступил на службу в Красную Армию. В мае его назначили военным руководителем Северо-Кавказского военного округа.

На посту командующего СКВО в Царицыне Андрею Евгеньевичу довелось познакомиться и работать с И. В. Сталиным, К. Е. Ворошиловым, С. М. Будённым.

В Царицыне же произошло очень серьезное столкновение со Сталиным, в те времена комиссаром юга России по хлебозаготовкам.

После драматических событий и вмешательства центра Андрея Евгеньевича перевели в Смоленск командующим Западной завесой, преобразованной позже в 14-ю Армию. Далее последовало назначение на пост начальника Академии Генерального Штаба (позже Академии РККА). В 20-х годах А. Е. Снесарев преподавал в нескольких военных Академиях, стоял у истоков создания и руководил Институтом востоковедения, занимался становлением разведки на восточном направлении. В эти годы им написано множество трудов по востоковедению, тактике и стратегии военного искусства, философии.

В 1928 году за многолетнюю и плодотворную деятельность по строительству вооруженных сил было присвоено звание «Герой Труда».

В январе 1930 года А. Е. Снесарев был арестован и приговорен к высшей мере сначала по делу РНС — «Русский Национальный Союз», а чуть позже и по второму делу — «Весна». Как выяснилось, Сталин был в курсе этих событий и, возможно, следил за ними. В ноябре 1989 года в Лондоне на широко известном аукционе Сотбис была продана небольшая записка Сталина, адресованная Ворошилову.

«Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ью годами. И. Сталин».

Клим!
Думаю, что
можно было бы
заменить Сне-
сареву высшую
меру 10-ью го-
дами.
И Сталин

Записка И. В. Сталина К. Е. Ворошилову

И хотя вмешательство Сталина спасло Снесарева от расстрела, лагерей он не миновал. Свирлаг, Соловки, непосильная работа для немолодого уже человека оказались выше его сил — последовали тяжелая болезнь, условно-досрочное освобождение по состоянию здоровья в 1934 году и окончание жизни в 1937 году. Усилиями дочери Е. А. Снесаревой в 1958 году А. Е. Снесарев был реабилитирован.

Из лагерных дневников

1932 г. Апрель месяц. Олесово.

[Должность — сторож на посту № 1 у такелажных складов вместе с Лосевым и Ульяновым, иногда отвлекаюсь к канцелярским работам].

5 апреля 1932 г., вторник.

...

Идет дождь, погода дрянь, холодно, сыро. А они двигаются в дорогу (их идет 100 человек), а они обуты в валенки, многие в лапти. Они представляют жалкую группу: впереди 56 мужчин, сзади 44 женщины. Их выстраивают, и они, сопровождаемые 3–4 стрелками, двигаются по речной дороге, которая покрыта водою. Мне как-то жалко и стыдно выйти их проводить и я лишь издалека вдогонку им посылаю мою скорбную молитву... Некоторые падали на дороге и вертались назад, а сколько их должны заболеть... Не хочу в жизни больше видеть таких картин!

8 апреля 1932 г., пятница.

Оказалось, я мог еще увидаться. Я не назначен на Толстовскую Дачу и завтра или послезавтра двинусь в Гришино. Сегодня отправляются некоторые из моих приятелей: владыка¹, Вл[адимир] Николаевич Алмазов и другие. Первые два устроились на подводе (за 12 километров 30 рублей, Владимир Николаевич поехал с целым Мюр и Мюрелизом, он раздал много нам, я получил с 1/2 фунта орехов)...

Я вышел (Лосев, Сергей Александрович издалека, Стемашевский) и просил владыку внутренне нас благословить. Он: «благословляю и... терпите; все придет к лучшему...» Они уже собирались двигаться, когда я увидел Ивана Михайловича Камкова (телефониста) и подошел

1 Архиепископ Феодор (в миру Александр Васильевич Поздеевский).

Лагерное фото генерала А. Е. Снесарева

к нему. Он как-то озабоченно спросил меня: «Как поживаете? Куда направляетесь?» Я: «Завтра или послезавтра в Гришино для окончания задачи о рабочих днях». Он: «Мне жаль Вас». Я: «Почему? Это лучше Дачи». Он: «У Вас большая потеря». Я: «Сын мой умер!» Он начал растерянно говорить про его возраст, поездку в Душанбе... Я понял все: Кирилл нет и нет уже более двух месяцев... Дочка скрывала это, скрывает это и мать, визит ко мне которой совпал с девятым (а может быть и большим) днем его смерти...

Камков стал неумело утешать меня и особенно просил не проговариваться, что он сказал... привычка к секретам. Я вышел за ворота, какая-то волна нахлынула внутри меня и меня схватила истерика. Я уже много пережил потерь, и картина была старая, но было ли в тех переживаниях столько гадкой горечи, мне трудно сказать... больно и скорбно мне было до разрыва сердца. Кирилки нет! Я не связывал с ним каких-либо особенных надежд, его слабости были мне ясны, но он был чист сердцем и благороден, спортивность, которой он был пропитан, хорошо дополняла эти основные линии его характера. Внимание всех было обращено на отъезжавших и это было мне очень кстати... Я ходил вдоль ларечного фаса нашего дома и неудержимо плакал... одинокими, беспомощными, старыми слезами. Я не рассуждал, я не помню при этом какого-либо потока, мне просто было больно и как-то сиротливо. Кирилки нет! Он ушел от нас, имея 23 года... в этом был какой-то едкий ужас! Кажется, лишь воспитатель подметил мое состояние и, вероят-

но, связал его с горечью по поводу расставания с владыкой. Вдруг меня осенила мысль, что, может быть, дочь моя еще здесь (хотя я положительно установил накануне ее отъезд), во всяком случае нужно было занести Ивановне открытку и конверт с маркой, чтобы она немедленно писала о моей остаче здесь и, значит, мой адрес остается старый... дочь повезла мой новый адрес. По слякоти я пошел, дочки не застал и... вновь расплакался. Ивановна меня утешала умело: 1) он был уже безнадежен, имел пролежни, не говорил и даже стал терять рассудок (не прибавила ли?); 2) ему теперь лучше, чем вам всем; 3) он бы только мучился, да был бы еще арестован, а может быть, и расстрелян (добавок); 4) думайте и плачьте о себе: Вы старый, больной несете такое тяжелое наказание. Оказывается, они о смерти знали еще от матери... Она, как и дочь, очень тяготилась необходимостью вранья, но очевидно решила, что так лучше. Кто об этом скажет определенно?

Я пошел домой какой-то помятый, убитый, одинокий. Дочка так не хотела ехать и так была уверена, что я приду. Я пришел, а ее нет, ее молодое сердце чутче. Как было удачно, что весть о Кирилле пришла в момент окончания пребывания дочки. Последняя наполнила меня такой радостью, так насытила меня бодростью и надеждами, что горе, поднесенное Кирилкой, наткнулось на хорошо заряженный аккумулятор веселых и бойких настроений. Иначе я был бы придавлен, забит очень больно. И эти два течения боролись долго, борются и теперь, как духи зла и света религиозных легенд...

Теперь мне было в моей палатке, среди шумных людей особенно тоскливо. Я ждал, когда я пойду в Гришино, чтобы быть одному хотя бы под сумрачным небом, истекающим крупными и неустанными слезами дождя.

9 и 10 апреля 1932 г., суббота и воскресенье.

Льет дождь, грязь разболталась, перспективы движения за 23 километра очень неприветливы. Я доччищаю хвосты и готовлюсь к походу. Я вспоминаю, как разували одних людей, чтобы обуть других. Главное, конечно, непролазная беднота, о которой так презрительно отзываются англичане... Я присутствовал при учете, с кого можно снять. Подсчитали всех, начиная с совхоза. Удивительно, как они могли припомнить все сапоги, которые можно было снять. Из канцелярии выбор покатился до рабочих, которые или работали периодически, или в суши. Сапог оказалось мало, перешли к подсчету ботинок. Сам процесс снятия протекал иногда резко и неприятно. Один урка впал в истерическое состояние и с него стащили насильно; Попченко также боролся в меру сил, но изнемог. Что касается высшего персонала, то он остался

в сапогах (Совхоз, Дехтярюк, Матвеев...), а некоторые ответили просто грубостями... словом — мир насилия и наглости... Зато малые из канцелярии на другой день щеголяли в лаптях, пока их не сменили на рваные ботинки. Впрочем, скоро все на них оказалось или старое, или старого качества. В этой механике мне многое не ясно; шум был, было насилие, особенно блистало служебное рвение [больше работали воспитатели, Голосков (завхоз, еврей), Рабинович, и не по национальной ненависти или честолюбию, а по врожденному отсутствию созидательного чутья... Результат яркий сказался внизу, где он захлестнул 3-ю категорию, следующую на Толстовскую Дачу. Как я сказал, большинство их пошло в лаптях или рваных ботинках. Конечно, ни один из них не унес на ногах приличных казенных сапог.

Хорошо ли или дурно, но у нас осуществлен социализм и его природу можно изучать воочию, хотя, конечно, с известными поправками. Мы живем кучной семьей, лик наш потерял или, точнее, потонул в море трудовых и политических интересов, пища наша общая, питают нас по мере нами зарабатываемого (разные трудовые нормы), мы та же фабрика... чем не социализм? И характерно, жизнь, восполняя его недочеты, вырабатывает интересные явления и типы. Как побороть принудительный труд и притом неясного назначения? Отсюда ударные единицы, премии разного вида, подарки... Конечно, многие из этих приемов резки и унижительны (например, придаток в 200–300 грамм хлеба, разрешение писать три раза и т. д.), но 1) мы это замечаем (или ощущать) отвыкли; 2) они несомненно реальны. Мы голодны, а ведь Дуров каких только животных не приручает голодом, да еще заставляет представлять самые невероятные вещи! Мы страшно все тоскуем по семьям и за лишнюю весть домой мы готовы многим поступиться.

Но особенно интересен тип десятника как детище этой социальной попытки. Надо вытянуть из людей труд и по возможности полный. Как это сделать? Для этого существует десятник, на плечи которого главным образом и ложится бремя этой задачи. Подбираются особые люди, все они хорошие и гибкие, говоруны, умеющие убедить, приласкать, укорить, пошутить и т. д., особенно они сильные ругатели и в этом отношении поспорят с матросами, большие они сердцеведы и к каждому подходят по своему. Они хитры, наглы, брехуны, иначе им не прожить, по природе это напористые, дерзкие, жизненные люди. По существу они борются против природы и потому часто изнемогают, спиваются, попадают в своеволии, во взятках. Власть их бережет, охраняет их нервную позицию как только может (арест за грубость десятнику — обычное в приказах явление). Проследить рабочий день десятника очень интересно, не нужно ни драмы, ни водевиля. Встает он раньше рабочих, а когда последние кончают

свой день и отдыхают после обеда, десятник сидит еще долго за своими тетрадями, переводя труд подчиненных на язык отчетной канцелярщины. Все это должно определиться в том или ином количестве граммов, в обеде из 1, 2 или 3 блюд, в соответствующей отметке для подсчета рабочих дней и т.д. Самый важный момент, когда труд з/к (заключенного) воплотится в реальное воздаяние и даст плоды на завтра или далекие дни пребывания в конце. Я уверен, что та картина, которую передает десятник в канцелярию и которая потом закрепится за з/к, вытесняя прошлое, не похожа на трудовую его сегодня, т. к. десятник часто малограмотен, пристрастен, устает, удручаем старшим десятником, словом, в этом моменте многое надо бы поправить, чтобы судить более здраво и широко о типе десятника как грядущем типе социалистической системы. Что-то вроде него должно в ней существовать.

11 апреля 1932 г., понедельник.

Мне нужно собраться в путь, т. е. собрать с собой что нужно, сложить аккуратно остаток и куда-то сложить, получить документы, взять отчетные карты и двинуться в путь. Реку Важинку развезло и пути по ней нет, придется идти летним путем вдоль левого (географически) берега реки, то удаляясь, то приближаясь к ней. Считают около 23 километров, а крестьяне упорно полагают 17–18, вероятно, называя просто прежние версты километрами. (Меры весов они усвоили, длины также, но в других областях, например, числа, они держатся старого, также в названиях деревень.) Мой путь идет мимо Погоста (ныне Курпово), мимо Кинецкого на Екунду (на середине моего пути), далее на Каячино (небольшая раскольничья деревня, есть колхоз из 5 дворов), где дорога подходит вновь к Важинке и затем следует ею через Погост (деревня с интересной деревянной церковью в форме шатра) до Гришина. Я встаю с подъемом (4 часа) и все успеваю сделать, упаковываю все в свой спинной сак и в 11 часов двигаюсь, поевши каши, на Курман, чтобы использовать подводу, идущую на Гришино. Погода была невыразимо дурная: дорога расплзлась (ни снег, ни грязь), с неба лило. Все предвещало мне большое напряжение и труд, на подводу надежд было мало, т.к. ни один сердобольный человек не решился бы теперь сесть на подводу, посмотрев на усилия мученицы-лошади. Спотыкаясь, скользя и каждый раз рискуя упасть, делая разные «ужимки и прыжки», чтобы среди дорожной гадости отыскать что-либо сносное, я добрал до экспедиции, до Владиславского и Фейгина (Семёна Марковича). Я уже был весь мокрый и кое-что решил подсушить. Меня напоили чаем. Потом я тронулся на базу,

где нашел Сегеркранца и Фухса (Александра Исааковича, московского домовладельца и промышленника, маленького еврея в больших очках, человека доброго и простого). Решено было ждать подводы, идущей на базу, она еще не прошла. Пробыв немного, я убедился, что (было уже около 2 часов) если она и придет, то должна будет кормить лошадей часа 3–4 и выступит не раньше 6 часов. Когда она придет в Гришино и придет ли сегодня, оставалось неясным. Я, несмотря на уговоры Фухса, двинулся в путь, держась внутри его плана: если измотаюсь, то заночую на полпути в Еканде у Малютина (Николая Герасимовича), который работал в нашем транспорте и, по словам Фухса, человек ему известный и гостеприимный.

Путь был ужасен, дорога невообразимо грязна, лил непрерывный дождь. Предстояло идти дорогой холмистой, похожей в профиле на пилу. Боялся за сердце и в некоторые моменты думал повернуть обратно, но желание быть одному, на новой (раньше я ходил рекою) дороге, потянуло меня, и я пошел, а потом и разошелся... Я вынес что-то ужасное: скользил, проваливался в снегу и воде, балансировал, обходя ручьи и болота, раза два падал, а сверху меня мочил дождь, и моя шуба, и без того тяжелая, становилась тяжелее и тяжелее...

На мое счастье версты 3–4 меня подвезла женщина, ездившая в Важино на врачебную комиссию посоветоваться о сыне (что-то с горлом) и взять свидетельство для себя, чтобы освободиться от трудовых нарядов. Они, по словам жителей, трудны и разнообразны. Описание положения ее семьи ужасно: муж на стороне зарабатывает 45 руб., она с грудой мелких детей, у нее нет ни хлеба, ни картошки. На пути она думает в Екунде купить картошки. Сегодня она ничего не ела и говорит об этом, как о чем-то обыденном. Вот дети с их просьбой хлеба, волнуют ее неизменно. Она не знает, откуда это явилось, что такое случилось с нашей землей. Она нервно ищет у меня ответа, пронизывая меня своим сухим взором... Но что я мог сказать?

Она сильно мне помогла, высадила в самой Екунде и указала, где живет Николай Герасимович. Характерно, она ничего с меня не взяла, несмотря на мое настояние. Она на практике знает горе и нужду. Я легко нашел Николая Герасимовича, но его и жены не было дома, они в овине чистили овес для посева... В комнате была старушка и внучка Рая (прелестная, слегка раскосая девочка 10 лет). Я просил разрешения просушиться, старушка сама не решилась и послала внучку. Она скоро возвратилась с фразой: «Можете оставаться». Я начал раздеваться с большими усилиями, а старушка с охотой помогала мне и развешивала вещи вокруг и на печке. Потом пришли хозяйин и хозяйка (Анастасия Григорьевна, женщина 32 лет, с прелестной улыбкой, очевидно привыкшая к гостям). Николай Герасимович

молчаливый и умный мужик, с хорошей памятью. Во время войны он был в Велик. полку и многих помнит (Герье). Он спокоен и деловит, его мнения ценны и обстоятельны. Раньше они были богаты, теперь у них ничего нет, кроме коровы, платья, да пяти куриц с петухом. Я заказал себе молока и наслаждался теплом и отдыхом. Живут они все в одной кухне — остальные комнаты покинуты — выводят тараканов... В этой же комнате заночевал и я, т.е. всех нас оказалось пятеро. Спал я как убитый.

Рассказ Николая Герасимовича о деревне скорбный; в колхозы (хотя сам в них участвует в качестве бригадира) он не верит и боится, что они сорвутся. Идея голода повторяется и им, «если уйдут услонцы». Вообще на будущее он смотрит тревожно, хотя очень осторожен в своих выражениях...

12 апреля 1932 г., вторник.

Утром я встал в 4 часа, шуба не досохла, остальное все было в порядке. Допивши молоко, я тронулся в путь, заплатив 2 рубля. «Довольно», — был ответ. Рае я дал копеек 25 и вообще побаловал орехами, сухарями и т.д. Я ее проэкзаменовал — она очень хорошо пишет, читает и делает задачи. Мать также ходит на вечерние курсы и неплохо пишет... В 5–6 часов я двинулся в путь, дорога была еще хуже, но дождя не было. В 8 часов я приплелся грязный, но сухой, мои английские боты сыграли свою роль: они, когда я проваливался до колен, естественно принимали через край и снег и воду, но сквозь себя ничего. Нога моя была обмотана в две пары портянок, а внутри были теплые чулки, они всегда оставались сухими. Если бы не их тяжесть, боты были бы идеальной обувью.

Река Важинка покрыта была двумя потоками воды, через которые были проложены перекладины. Мне надо было идти на левый (геогр.) берег, где находился штаб отделения. Я ввалился и скоро нашел АК (аттестационная комиссия), отделение УРЧ (Учетно-Распределительная Часть, играющая большую роль в здешних канцеляриях: надо учесть и сохранить людей, прежде всего), где принялся за работу, невзирая на уговоры отдохнуть [Ф. Ф.] Пильщик на продольной пиле делает в рабочий день более 34 тысяч взмахов. Получает пильщик — самая тяжелая работа — 1300 грамм и ему не хватает, раньше давали 1600 грамм и все съедал дочиста. То же говорили мои знакомые в лазарете. [Ф. Ф.] Вчера (19 апреля) подъем был в 3 часа, сегодня в 5 ½. Объясняют тем, что начальство пьяно... «Так во всем», — говорит знакомый плотник.

В тесной комнате нашел 4 человек: старшего Лойло; Петрова, кубанца; бывшего в партии, а здесь воспитателем Михаила

Даниловича; Богаевского (Влад. Алекс.) бывшего офицера пехоты, а потом артиллерии — милого, обязательного человека; одного поляка (кажется Лесевицкого, молчаливого, умного человека) и Бориса Ивановича (?) из Москвы, веселого, любопытного и живого человека... Все же мне пришлось раньше выполнить формальности для закрепления своей личности: явиться в «дежурку» для засвидетельствования вида, представить аттестат для перехода на довольствие, найти место для ночлега. Я пошел на обратную сторону, балансируя по непроглядной грязи, она что-то исключительное, я ее никогда не забуду. Она не просто грязь, а яркое культурное явление... Интересно сопоставить организацию британской станции в Индии, там капитализация (дороги, телеграф, почта, здания, однородное время и т.д.) места идет в первую голову. К этому же типу явлений в Гришино относится: для служащих в отделении штаб и столовая расположены на правом берегу, палатка и хлеб — на левом. Связь хороша зимою, а летом она ведется на лодке, ходящей по подвешенному тросу. А в пору, какую я застал, связь становится трудной, в пору же хода льда и перед ним она прерывается. А между тем, здешние реки (например Свирь, дома по берегу которой лепятся плотно к ее линии)...

Назад я вернулся по другой переправе, все быстро устроив. Выбрал для жительства я палатку, где помещается старостат; она такая же, как и три других, но в них, благодаря присутствию начальства, неуютно и формально, лишь мат звучит свободно и просторно. Я зашел в столовую, Зеньковский (Василий Дмитриевич) покормил меня какой-то смесью щей с кашей и принял в число своих членов. Он кормит 70 человек, ему помогают две женщины, кухня и столовая вместе, довольно грязно. Одна из кухарок одета в дразнящее платье; после обеда (завтрак 8–10, обед 4–6) она наряжается, румянится и очевидно промышляет собой или наслаждается. Я работаю до обеда, причем меня выпытывают во все корки. Мне дают под[неразб.]ную работу и вообще балуют, мое имя, по-видимому, здесь пересолено. Я в 4 часа обедаю. Комната вмещает не более 12 человек и мы стоим очередь, которая вызывает обычные ссоры и брань. Обед вроде нашего, только блюда гуще и сытнее, хотя приплачивают 13 копеек в сутки (завтрак — 1 блюдо, обед — 2). Пошел в свою палатку отдохнуть (занимаются в Управлении 9–4 часов и от 7 до сколько нужно), упал как убитый. Я чуть не проспал, но все же к 4 ½ часам явился. Ночью с поляком мы тащимся при ужасной обстановке (темь, грязь, скользкость), но каким-то чудом добираемся к себе без падений.

13 апреля 1932 г., среда.

За ночь вода прибыла и ближайшая ко мне переправа оказалась снеженной. Предо мною на реке были два протока, разделенные длинной полосой льда... Я начал бояться срыва реки и решил построить свой план в том смысле, чтобы завтра уйти, если бы лопнула и вторая переправа. Очутись я на правом берегу, я был бы отрезан на несколько дней, т.к. моя дорога шла по левому берегу... Встал я рано и решил посмотреть, не обрел ли я гостей за время своего путешествия и ночевки у крестьян. Я спокойно начал копаться в своей рубахе, когда вдруг с постели (старостат лежит обособленно от нар) раздался голос (это, как оказалось, был лагерный староста): «Гражданин, вам бы следовало сходить в баню, а потом получить у леккома санбилет... вы можете заразить нас... У нас, если найдете хоть одну вошь, это будет чудом». С одной из нар голос: «Мы считаем позором...» Мне было стыдно и неловко слушать пред чуждыми мне людьми такую отповедь. Я пробормотал: «У нас приказывается ежедневно осматривать белье, а мне тем более нужно, что я был в дороге, ночевал у крестьян. У меня тоже нет, хотите посмотреть?» Я протянул ему сорочку... Я очень нервничал, две или три я успел найти и шансы выиграть позицию были, но... не совсем прочные. Он не захотел меня проверять, что-то пробурчал и скоро вновь заснул, а я поспешил наскоро выпить чашку чаю и идти на службу, хотя было еще рано. Был выходной день, но я уговорил Влад. Алекс. работать днем и вечером, чтобы приобрести право на завтрашний уход... Я работал на ту же тему до обеда, когда вдруг было решено вечером не приходить, и все же меня отпустили — река прибывала и все (а с ними и я) рисковали быть отрезанными. Картина обеда та же, как и сам обед. Прощаюсь, получаю поручения и иду с Влад. Алекс. в его барак. Он лучше палатки, в нем уютно, тепло; хотя и коечная система, но вагонная: всюду столики, вешалки, полочки. Я сажусь на койку Влад. Алекс., который угощает меня чаем и консервом (икра). Подходит Тимофеев (он казначей), бывший у Вильно начальником отряда. Он помнит меня и Надежного, но вспоминает гражд. прошлое сухохавато. Он берется обменять советские деньги на бонны, но тоже не с особой охотой. Подходит с Экспедиции Федоровский (Александр Павлович, исследовал — чертеж довольно примитивный), он мне не понравился, что-то отцовское, эгоистическое и самоуверенное сквозит в нем живее и выпуклее...

Собираются в баню, слышу голос: «Бери весь скарб, пропустим через Гемос, а то вошь заела». Влад. Алекс. тоже говорит, что его шуба не один раз пропускалась: вошь стала одолевать. Прибавив факт,

который я наблюдал позднее, я делаю вывод, что в бараке шивость и довольно едкая. Мой строгий судья в палатке не прав и морально и фактически. Поднимается вопрос, чтобы я что-либо вечером рассказал, но поднимается немногими (2–3 человека). Я устал, да пугает грязь. Я отказываюсь, опираясь на ИСО, и прощаюсь окончательно. Я возвращаюсь по невыразимой грязи, выбирая сносные точки упора и прямо страдаю — мне и трудно, и досадно, и грустно. Никогда не думал, чтобы грязь могла вызвать столь разнообразные и сильные эмоции. Я подходил к палатке, где наткнулся на своего судью, он категорически настаивал, чтобы я сходил в баню или перешел в иную палатку. Пришлось покориться, взять белье и вновь двинуться страдальческим путем. Баня оказалась просторной, теплой и почти пустой и я был значительно вознагражден — все я пропустил через Гемос, где мне разорвали штаны, вырвав застегивающий крючок. Странно, это обстоятельство резко меня огорчило, несмотря на его мелочность, но ведь мы так беспомощны и разорвать штаны, может быть, и не такой уже пустяк. Дезинфектор, осматривавший белье, у Седова в синей рубашке нашел такой завод вшей, что она имела ряд белых пятен. В большом количестве нашлись они и еще у одного. Оба были из канцелярского барака. Я вышел в несколько улучшенном состоянии от хорошего купания. Зашел к лепкому (Борисов — священник), где застал Петровского (Николая Васильевича) делавшего какую-то перевязку. Он ехал с нами в одной кабине, профессор экспериментальной психологии и большой церковник. Он оказался не особенно разговорчивым человеком. Возвратившись назад, я получил документы, хотел пойти в ларек, где мог бы получить выписку, т.е. некоторые продукты по твердой цене, но испугался грязи. Я проболтал долго с Александром Ивановичем Бриллиантовым (профессор церковной истории в Петроградской Духовной Академии), который живет здесь одиноко, как сын, и завалился спать. Хотя я был по походному, но спал хорошо, т.к. сильно уставал. Утром решил двигаться в дорогу. Еще вчера получил от Женюши письмо от 3 апреля, где еще ни слова не было об отъезде дочери.

14 апреля 1932 г., четверг.

Я двинулся между 8–9 часами. Ближайшая переправа кончилась, река шла двумя сильными потоками. Я дошел до нижней переправы, на которой ближайшая перекладина еще уцелевала, но люди могли идти по ней с большим риском, но зато дальней не было и вода шла (поверх льда) очевидно глубоко, за «выше колена», ручаться было можно. У берега стояла беспомощная группа канцеляристов (слышал, они потом

перебрались как-то и ночевали в штабе... а хлеб?). Один из них, в высоких сапогах, пробовал одолеть дальний рукав, но, доходя до конца голенищ в пункте пробы, искал брода в другом месте... Я поиронизировал над голодными канцеляристами и двинулся в путь. До погоста я прошел береговой дорогой с некоторым риском, идя за партией молодых людей... Дождя не было, это был уже плюс. Дорога была не лучше, т.е. ужасна, но у меня уже получилась практика, известный пригляд к здешней грязи и я шел успешнее. Я как-то быстро прошел погост, добрел до Каячино, а оттуда и до Екунды, заблудился только при подходе к последней. Я остановился у того же Николая Герасимовича, как в собственном доме. Там застал Семенова (Дмитрия Дмитриевича), з/к из Гришино (на миру богатый крестьянин в революционное время, а до того — бухгалтер), который у Николая Герасимовича жил раньше 5 месяцев. Оказывается, письма и посылки он получает здесь на чье-то имя. Человек мало интересный. Я заказал молоко, он картошку, и мы поели, а потом я с хозяевами пообедал (вода с картошкой и рыбой, не давшей от себя отвару, клюква, разведенная в воде, и рыжики), питание ужасное, да еще ужасно приготовление. Говорил я мало, больше писал свой дневник, который в этой тетради тут и начал. Оказалось, выписка из колхоза их миновала, а с ней и последующее «твердое задание». По их словам это последовательно растущее обложение (300, например, и по выплате 600 руб., по выплате 1800 и т.д.), пока человек не будет задушен.

Спал я прекрасно (забыл, прибавилась мать Николая Герасимовича, но она спала наверху), даже ночью почти не выходил... Настроение мое было тихое и удовлетворенное, хотя виденное в деревне (беднота, пьянство, ругань, дикие порядки, ведущие к разору, грядущий голод) вызывало во мне чувство большой тревоги. Не накануне ли наша страна пред каким-то большим крахом или несчастьем? Даже маленький удар (война, недород) для нас теперь невыдержим, а если что-либо вроде неурожая? [Ф. Ф.] в Киновичах, 28 дворов, раньше было более 50 коров, теперь около 20, лошадей около 30, теперь 14, свиней совсем нет, кур в 4–5 раз меньше, деревня в 2 верстах ниже по Свири от Важино].

Пришел я (зашедши по пути к Ивановне) часов около 2, никто не обратил внимания ни на мой уход, ни на мой приход, и предался отдыху. Утром в 4 часа я двинулся на свой сторожевой пост, как будто ничего не было.

15 апреля 1932 г., пятница.

Начались дни, похожие друг на друга. Я дежурю с Лосевым (А. Ф.) и Ульяновым (И. И.) по такому порядку, считая

с полуночи: 12-4 — Ульянов, 4-8 — я, 8-12 — Лосев, 12-4 — Ульянов, 4-8 — я и 8-12 — Лосев. В 4 часа я встаю легко и без еды или умывания двигаюсь на пост (в $\frac{1}{2}$ версте ниже по Свири, у ее берега). Я должен стеречь 29 цепей, 8 якорей, несколько десятков «биланов» (больших бревен) и несколько досок. Это такелажный остаток от старого большого достояния, постепенно гибнущий. К 8 часам я дома, беру кашу и ем. Потом умываюсь и пью чай. Затем сплю часов до 12, после до 4-х что-либо делаю, читаю, пишу, ловлю насекомых. К 4-м часам иду на пост и стою до 7 $\frac{1}{2}$. В 8 я снова дома, беру свой «суп» и ем, иногда разогревши предварительно. Около 9 я ложусь, день мой окончен. Мои плюсы: 1) в шумные часы, от 4 часов до 9, меня нет в палатке, а когда я в ней — 9-4 дня, она почти пустая; 2) я пропускаю поверку утреннюю около 6 и вечернюю около 8 — неприятные моменты в нашей жизни, напоминающие нам наше арестантское бытие; 3) я люблю обеими зорями, которые здесь божественны, и наблюдаю утреннее пробуждение природы и оживание людей. Мои товарищи по посту настоящие штрюки. Ульянов ночью совсем не ходит, днем забалтывается и опаздывает. Лосев много приличнее, но ночью 1-1 $\frac{1}{2}$ часа систематически не достаивает, вообще небрежны и больше все резонируют. У них масса соображений, их оправдывающих, а суть в том, что они ленивы (Ульянов — типичный лодырь) и физически совсем не тренированы, им встать трудно, спать хочется. Вообще я понимаю и жену, которая их так ненавидит, и роль интеллигенции в пережитом нами, из нее только дурак не сохнет веревкой. Вообще компания для выполнения общего дела ненадежная и опасная.

16-22 апреля 1932 г., суббота — пятница.

...

Со всех углов страны идут страшные вести и странно, особенно страдают богатые районы: Украина, Северный Кавказ, Приволжье... Цензура не может превозмочь народного письма (многословно, неразборчиво, скучно, наивно) и, вероятно, их не читает (некто видел, как открытые письма одним подносятся, а цензор с налета их штемпелюет)... Конечно, источник этих писем — покинутые, обездоленные и бесправные семьи — узок, страстен и односторонен. Но факты: 1) Приволжье (Князев): «жить страшно, что-то будет». Жена проектирует раздать детей по людям; 2) Саратовская губерния (Сысоев): «дети пухнут от голода и мрут. Не знаем, как выживем»; 3) Таврическая губерния, село Романово (раньше) (Мечев Иван Степанович): «Отец лежит пухлый и раздутый, кормить нечем, ты прости. Стараясь прожить с сыном»; 4) Козьма-Демьянск, Казанская губерния (Казьмин): «ничего нет, едят что попало, падаль. Если хозяин издохшей

овцы бросает ее, то на нее бросаются чужие... Большинство говорит: мы взрослые виновны чем-то, но дети за что страдают, их слезы не простятся». Факты о детях: 1) В раскулаченной семье и совершенно обобранной, сын (10–11 лет) ходит в школу. На нем уцелели хорошие сапожки. На улице усматривают сапоги: «А, какие сапоги кулацкие». И насильно стягивают с ребенка его последнее достояние; 2) Дочка, за безграмотность матери, пишет отцу письмо: «Скопили деньги и за 70 руб. купили 1 пуд муки, но мама дает нам очень мало, я молчу, а Митя (младший брат) все просит и плачет»; 3) Дети пухнут и мрут. Приводятся примеры, вымирают целые выводки.

23 апреля 1932 г., суббота.

На лагпункте Важино Лягус и политический контролер Мурыгин арестованы и под конвоем препровождены в Лодейное Поле. Говорят, за пьянство. Это очень типично, избегается статья 58 и в начальники проходят люди с бытовыми статьями, а отсюда — проходит вверх на 60–70 % преступный люд, естественно, власть его допорчивает и он на чем-либо спотыкается... У нас я каждый день вижу кого-либо пьяным, то Бабака (лагстар. моего друга), то Голоскова (завхоз, еврей), то Рабиновича (по внутреннему надзору, еврей), то Стадника (рот. ком.)... Гуртом вижу редко, но то одного, то другого неизменно. Это ведет к аресту, не менее...

Лосев добился до представителя ИСО и тот ему пояснил: 1) Привилегии ученых (возможность читать, писать, чертить) не осуществляются исключительно благодаря н. отдел. Честных. «Это ему выйдет боком», — говорит Яшин. Он намерен что-то сделать. 2) Партия решила освободить всех 3-й категории (инвалиды) и это должно пройти через Совнарком, но едва ли даже будет пленарное заседание, вероятно, нужна будет только подпись Скрябина (Молотова). Имеется тенденция сократить права ГПУ, оно будет иметь право освобождать единицы, но уже не массы. Яшин просит подождать до 15 мая, т.е. около 3 недель. Прошел слух об освобождении Лигнау, но он отрицает и ругает Ульянова как вестника разных сплетен. Итак, пока освобождены: Свечин, Надежный, Голубинцев, Сухов, Смысловский...

Свирь обнажается ото льда, сегодня утром не заметил, как стоял на посту: игра, треск, плавный ход льдин, обнажение реки... и все это освещено солнцем... Своеобразные здесь реки: они не имеют разливов и, кажется, даже в момент вскрытия понижают свой уровень... Видел сегодня молодого человека с походкой Кирилки, и больно мне стало и поплыли думы и воспоминания: момент его рождения, как в Каменце я вел его 2 ½ лет по мосту, и другое, более близкое...

1 мая 1932 г., воскресенье.

Вчера неудачный день: украли у меня кусок сала — единственное, что было у меня солидного и прочного, и затянулся я работой... справлюсь ли к сроку? Большую заряжать туфту не хотел бы.

Воровство у нас систематично, т.к. мы перемешаны с урками (явными или скрытыми). Сгущение их ведет к организованности воровства: исследователи, составители планов, укрыватели, исполнители и т.д. Виновных обычно не находят. Кража производит удручающее впечатление: она совершается относительно голодного и нищего. Кража захватывает что-либо слишком насущное (я — сапоги и сало, Лосев — 2 фунта масла, Тихоцкий — 2–3 фунта сахара). Обворованные не плачут только потому, что стыдно... Кражи столь часты и аккуратны, что считают причастным к ним начальство. Это, может быть, и не так-то далеко от фактической правды: 1) оно в большинстве случаев из урков; 2) оно связано старыми обязательствами и тайной; 3) оно падко на вино.

Около 7–8 часов вечера, под игру оркестра, пошел на пост... Была суетня, пред одной палаткой были воткнуты елки и было какое-то утешение, кому-то... не рассматривал, было что-то бедное и грубое. Около оркестра сгрудились заключенные, было немного жителей... Я пришел на пост и сменил Ульянова. Было тихо, но сыро и холодно. Пришлось взять шубу и ею спасаться, шинель грела мало. Оркестр играл до сумерек, один пароход был украшен фонариками. На реке шла какая-то суетня, вероятно, ловили плоты или бревна и слышалась ругань. Разговор всех прохожих касался речки, плотов, нужд... один только сказал про заутреню. В полночь в домах засветились огни, вероятно, в связи с Пасхой. Долго гудел колокол деревни Важино, других за шумом парохода не расслышал... Обстановка была далека от торжественных моментов и только наплыв воспоминаний несколько ее скрашивал. Мне было грустно и одиноко, грызла тоска по семье. Как-то они там проведут этот день? Есть ли у них чем его оттенить? Около часу ночи меня сменил Лосев и я пошел. В палатке все спали, стоял обычный «тяжкий дух». 3–4 старика не спали и сидели, очевидно, предаваясь думам. Стальмашевский (Ал. Михайлович) молился сидя, осветив книгу свечечкой. Я так измотался, что быстро заснул. С 7 часов заиграл оркестр и под звуки пошли на работы. Кажется, устроили ударник. Была на завтрак дурно сваренная гречневая каша, да прибавили по небольшому куску кеты. Эта неприкрытая нищета вызвала насмешки и выхочки. «На войне и то праздновали... Лучше собакам бросили этот кусочек... Эк, расщедрились...» И действительно, этот оркестр с расстроенными инструментами, игра-

ющий шаблонные вещи, кусок кеты, вымученный ударник... Это говорило об убожестве административно-педагогической мысли, а главное, о тяжчайшей нищете, прогнозившей нашу страну и везде показывающей свои зияющие раны... В 7 часов, пользуясь сном Лосева, я пошел на пост, солнечный, довольно теплый, ветреный день... Мой привет вам, мои дорогие, привет с праздником и теплыми пожеланиями от далекого и одинокого арестанта.

Это третья Пасха вне семьи; первые две, а особенно первая, были утеряны из сознания, а третью я переживаю, но переживаю серо, бедно и грустно.

6 мая 1932 г., пятница.

Сегодня теплый день с налетами солнечных освещений. Я сижу на посту в одной рубашке и пишу. Иван Алекс. Горский раздает канаты. Только что я помыл в речке 2 носовых платка и свою кепку. (Вчера Иван Алекс. рассказал мне свой роман с Мар. Сем. Фокиной, сестрой-хозяйкой лазарета и свежа, примитивно и наивно). Лигнау скоро потребуют в Лодейное Поле и я на его место. Нас четыре алексеевца: Вячеслав Дмитриевич Вирский, Лигнау, Николай Николаевич Добровольский и я. Более теплые № 1 и 4, остальные с прохладцем. Вячеслав Дмитриевич хорошо в нас разбирается, строевое чутье его не обманывает: Лигнау ему не нравится — жилижет, карьеру делает; в Сапожникове тоже что-то не так. Кончил на посту, когда мимо идущие Тихоцкий и Ульянов известили, что я могу получить посылку, что Стильмашевский меня раньше сменит, а мне нужно лишь добыть пропуск. Все это было сделано, я сходил и получил посылку в кошелке. Я принес домой и так устал, что даже ее не разворачивал, боялся, что украдут мой пасхальный подарок... С вечера пошел дождь и на пост к 12 часам я пошел по слякоти. Скользко, упадашно... Около 8 всех на площадку, полная поверка, а потом некто с шевелюрой и с хорошо подвешенным языком стал вычитывать наши преступления; помимо пьянства, воровства, хулиганства, стрельбы и т.д., что я наблюдал лично, оказалось, что Важино не выполнило заданий, почему угрожает прорыв, что аварии наших плотов причинили аварию судам каких-то компаний и они подадут в суд. Рекомендуются «в три дня» подтянуться. Тут же были вызваны из строя пять человек (из них один представитель коллектива) и эти 4 козла и одна коза (Кругликова) отпущения прошли между нами (так думалось, но технически не сумели выполнить) под конвоем и направились под арест. Я случайно слышал в дежурке, когда воспитатель предлагал всю эту процедуру как средство исцелить зло и в его изложении мера носила

импозантный вид, но в действительности она вылилась в нечто серое, нудное, ребята слушали все с явной скукой (проработали в очень теплый день, некоторые пробуждены из сна, как и я, успешшие вполне раздеться). Истрепалась ли идея митингов, надоевши всем, или сама система противоестественна, сказать трудно. Разошлись ребята поспешно, одни с насмешками или ругательствами, большинство с угрюмым молчанием...

7 мая 1932 г., суббота.

На посту некоторые натяжки между нами со Ст. и Тихоцким — он слишком формален или страдает старческим резонерством... Кто-то поставил к нам у стены склада лодку, а потом ее взял. Казалось бы, естественно, что люди около нашего поста стараются привязать лодку, сложить весла, положить лодку, бросить канат... целее, мол, будет, но боятся сторожа, а Тихоцкий, хотя и понимает это и согласен, что за эти процессы мы не отвечаем, но: «Если не заметили кладку и удаление лодки, то можем прозевать что-либо подобное и с якорем или канатом, т.е. получится народная шутка по поводу бабы, уронившей кирпич и горько плакавшей о том несуществующем сынке, который мог бы быть при этом убитым...»

В 8 часов вскрыл посылку и нашел высокосор[тный] кулич, яйца, масло, курицу, сахар... и цветы. Это был блестящий подарок и не только по высокому качеству продукции, но и по тому важному ответу, который посылка принесла с собой на все мои сомнения... Они окрепли, они выгребут, а в этом и заключался ключ моих страданий, ошибок и малодушия. Не будь этой гири на моей совести, я бы нашел должный язык дать всему определенный тон и, буде нужно, умереть сумел бы... Но это всегда не поздно; я уже продебютировал...

Я напился чаю пышно: съел два яйца и с чаем кусок кулича... Как это вкусно! И какой из меня получился голодный дикарь, наткнувшийся удачно на жирную дичь: он ее будет пожирать, хохотать от восторга, а затем где-нибудь на солнце пеке заставит свой набитый до отвала живот переваривать втолкнутую массу...

Привели 200 с лишним заключенных и в нашу половину переселили всех из той. Мне предстоит новое переселение, пойду на чердак. Я не вынес каких-либо переселений из одного лагпункта в другой, но внутренних переселений перенес порядочно. В связи с ощущением постоянной бестолковщины (нет планов, перекрестные приказания, незнание элементов организации, вранье и обман как ресурсы командования, приказы как единственное орудие, тупфта, блат, мат) это

путешествие с котомками является самым тяжким переживанием. Пришел на пост раньше обыкновенного. Тихоцкий поет по поводу лодки, а если? Вечером, когда с работы пришли властители багажа, началась беспорядочная разборка и кража (пропало казенное одеяло). Затем начали теснить и захватывать места. Произошла история с Ивановым (Валериан, не Валентин, Ильич), у которого захватили место под каким-то предлогом. На его жалобный голос раздались крики: «Ну не хнычь... что заныл, разжалобить хочешь». Иванов психически больной, близкий к тихому умопомешательству. У него явная мания преследования, а отсюда страшный пессимизм и искание ужасов. Ему остается год с небольшим, но «ему могут прибавить», обстановка такая, что «он умрет» и т.д. И такого-то человека взяли в переделку с насмешками, ауканьем, передразниванием. Мы стали защищать; поднялся шум, мат висел в воздухе... Я обратился к Сакашвили (ротный, глупый человек), но его урки испугали и он решил всех теснить. Это обещало кражу и я свое съестное отнес на чердак. Пришлось между Александром Михайловичем и мною всунуть Сергея Александровича. Палата наша полна урков, а оттуда шум, мат, болтовня, брань, нервность, пение, пляс... целый ад. Урку я теперь узнаю за версту, настолько он типичен. Он жесток, шумлив, нервен, по-своему самолюбив, хороший актер, циничен, грязен... Его внешность также типична: чаще небольшой рост, худоватость, неуклюжесть в корпuse и походке, какое-нибудь уродство (шрам, раскосость, безручие, безножие). Словом, физически он также противен, как и духовно. И прежде всего полная аморальность и вранье. Эти люди — пустой балласт страны, они не поправимы, т.к. гнилы насквозь и давно перешли линию поправляемости. Моральная упругость их безнадежно сломана... Политику правительства, поскольку она реальна, по отношению к уркам понимать трудно... Горский (Александр Иванович) сообщил мне на посту: «Молотовым подписан декрет об освобождении военных, академиков и о производстве следствия по процессу...» Передал как прочный факт. Отпуск на свободу по техническим причинам может задержаться. Мы рады, особенно второй половине, но сколько было их, этих слухов! Ночью спал плохо.

8 мая 1932 г., воскресенье.

Чай у меня теперь — одна роскошь. Встал в прекрасное утро. Лигнау и Сапожникова вызывают в Рефсельду (Ревсельгу) для дальнейшего направления, а из последней, по слухам, отправлены двое из ваших, вероятно, Бесядовский и Базаревский. Итак, все постепенно

выясняется: Дана является в Москву 1 апреля, свободный, и получает всякие предложения и по военной и по гражданской, думает устроиться в Ленинграде (Москва не нравится) Сухов прибывает 9 апреля в Москву, «сидит» до 18 апреля, после чего освобождается, но ничего не получает. Теперь идет четверка, Лигнау заодно с Бесядовским... Остаемся мы с Сегеркранцем. Я принимаю работу Лигнау и сегодня на посту в последний раз...

Видел сегодня мучительства лошадей, перевозивших бревна (баланы). Оказывается, возчиками назначили урков! Да он убьет отца родного, если последний ему не угодит, а бедная лошадь? Что ему Гекуба? Он нарочно станет над ней измываться, тут скажется и садизм, и нетерпеливость, и скверные нервы, и притупленная чувствительность...

Был у меня на посту Быков и просил ответить на вопросы: кто и где изобрел железную дорогу, пароход, разные типы военных орудий. Из его рассказов: «со всех сторон слухи о голоде» (парикмахер говорит это про свою семью); один коллектив формировался с 200 хороших лошадей, теперь осталось 16, остальные подошли, но ими прокормились члены коллектива и уцелели... Владиславский в очень критическом и мрачном настроении; он понимает, а кроме того завидует.

9 мая 1932 г., понедельник.

Я вновь в канцелярии среди шума, гама, нервных требований — тому не додали, другого лишили завтрака, с того требую телогрейку. И все это в тоне нервном, дерзком, с частой руганью.

В ботах ходить трудно и я добываю себе порванные отвратительные ботинки, которые чинятся бывшими военными. Починочный материал ужасен, все как-то скорее прилеплено, чем пришито, но... не надеваю лаптей лишь потому, что «иностранный агент снимет и отразит в каком-либо иллюстрированном журнале».

Вода у нас вонючая и мутная, у многих заболевают животы, мой тоже балует.

Слух об освобождении Базаревского и Бесядовского опровергается. Работы у меня много и я еще не могу уложиться в приличные рамки. День мой распределен: встаю в 8 часов и к 9 в канцелярии. В 4 конец. С 4 до 8 отдыхаю, больше дремлю. От 8 до 11 вновь в канцелярии, а затем сон. Итак, 10 часов работы, да еще канцелярской. Небо и пейзажи отодвинулись дальше, воздух в канцелярии не плохой, но иногда таковым бывает, но он все же не тот, который обвевал меня на посту.

12–19 мая 1932 г., четверг–четверг.

...
Я беседую с Глушей (Гликерией) Черниковой. Она мне моет белье. Она крепка как скала, грязь отстает от нее, омываемая ручьем ее прочного мирозозерцания. «Мы и там трудились, этим нас не испугаешь, нас также никуда не пускали, нам только церкви не хватает». Она из строгого монастыря и по сию пору в восторге от его порядков. Примеры: их было более 50, теперь осталось 4, горько плакали, расставаясь. Теперь к ним прибыли публичные, она говорит о них и с недоумением, и с сожалением, и с негодованием... Как важна религия в смысле государственной прочности и вынесения страданий.

22 мая 1932 г., воскресенье.

Я пропадаю в канцелярии и не вижу, что делается в деревне, в лесу, вне нашей ограды, но в пределах ее разворачиваются поучительные картины... Трудовые коллективы сгнивают на моих глазах, они почти сплошь из урков, и командуют ими урки, результаты: пьянство, уклонение от работы, смена бригадиров... К нам направляют их один за другими, они скоро себя вскрывают, и мы спихиваем их от себя (больше в лагпункт № 3, где, говорят, строго, и которого они побаиваются). При отправлении их раздевают, они накануне распродают казенное белье (одеяло, интересно, обматывают вокруг тела под одеждой), пьянствуют... побегу часты... Отвратительные сцены почти ежедневны: 1) сегодня в 2 часа отказывались идти, был крик, свалка, кому-то «ломали руки»; 2) Борисов — бригадир — в пьяном виде бушует, дерется, сапогами бьет по лицу стрелка, и того ведут в околоток; 3) в момент ухода, несмотря на цепь часовых, ругань непролазная, торговля т.д. Ротные командиры обыкновенно передают приказания, скоро переходят на ругань, урки их тотчас же в этом отношении превосходят и начинается драка... Все это грубо и в высшей степени неорганизованно. Одного боксера среди ротных, и дело кончилось бы в 5 минут обмороком или подбитым глазом урка... Позиция (осмотрительная и вялая) урков понятна: сегодня он — начальник, завтра — урк и... ему припомнят... иногда бьют, иногда убивают на переходах в другой лагерный пункт. Стрелки в этом же положении: они — те же заключенные, и хотя их положение прочнее, но и они не гарантированы от возврата в среду заключенных. Факты: Александр Михайлович видел у молодого хохляка следы пытки иголкой под ногти, молодой хохол подошел к нему на посту и показывал.

Наш лагпункт — интересный осколок со всей страны, он однороден с нею, но большее, нервнее, резче, на нем социализм выявляется ярче.

Факты: Вчера был летучий митинг, и на нем оратор говорил о прорыве, о разложении некоторых коллективов, о необходимости взять себя в руки. Говорил неплохо, складно и тепло. Ужасно было то роковое молчание, которое последовало за его приподнятым призывом. Было ли это будирование, была ли это трусость или, наконец, общая усталость («оставьте нас в покое, накормите скорее»), кто скажет, но было это молчание тяжело и душливо. Классовая вражда засела в мозги глубоко. На сторожке стоят инвалиды (3-я категория) и попадают среди них интеллигенты. Урк рассуждает: «Они и теперь нас эксплуатируют, стоит себе у ворот, да еще не пускает, а мы работай, как окайные». Оратор забывает 3-ю категорию, что много простых сторожками (гораздо больше, чем инвалидов) и, наконец, что он балбес 25–30 лет, 1-я категория, и часто о рыло его можно бить поросят.

До сих пор (прислано 6-го мая) ем посылку женину... писем что-то нет... Лигнау две недели как в Лодейном Поле, туда же, вероятно, скоро отбудет Сапожников.

Весна в разгаре, в воздухе прохладно, но деревья распустились, кукует кукушка, поют соловьи (их много, но слабые, и двух-трехстрельные, не больше), на южных склонах корова щиплет траву, на Свири плывет дерево, пока баланы (бревна). Понял, что такое запань — деревянная узкая лента для принятия за нею бревен, для уменьшения скорости их движения и сбора бревен в одном мосте, откуда они выбираются на берег.

Вытаскивание бревен не ладится, спад воды, неправильное применение техники. Съехалось начальство, волнуется, ругается. Слепой Лосев ходит и улыбается, происходит сцена, начальство принимает на свой счет. Приказ убрать Лосева и, кажется, арестовать его на два дня...

1 июня 1932 г., среда.

Писать некогда, хотя наблюдать порою, приходится вещи небезынтересные. Ушел начальник отделения Честных. История его — хорошее отражение режима и людей, которые выплывают на людскую поверхность. Когда-то жестокий из жестоких (в 29-м году), ругавшийся грязно, бивший, собственноручно расстреливавший!.. Это было выгодно и он ловил обстановку (прошлое его неизвестно, говорили, что он урка). Когда было расстреляно 140 (бегство какого-то молодого интеллигента, писание в Англии труда «Среди слез и крови», расправа с названными... такова легенда), он уцелел, помягчел и пошел подниматься. Дошел до начальника отделения (несколько десятков тысяч

заклученных) и зарядил другую туфту: понадобились проценты переработки и он заиграл, раздул, поразил. Отделение захватывает премию, он — Трудовое Красное Знамя. Он и теперь ругался, сажал под арест и, хотя не расстреливал, но загубил трудом до смерти немало людей (плохая еда и много работы), но поднимался он процентами. Но нашлись те, которые сумели выяснить их, и он упал в пропасть... прогнали, отобрали украденное Красное Знамя и пришли дело. Он будет, возможно, вновь простым заключенным и пойдет на общие работы, на которых он когда-то был. Такова обстановка, таковы люди. Это функция обратно действующих икс-изреков.

У нас произошел большой сдвиг вниз порционных, 1300 грамм исчезли и заменились 1000 грамм; 60 грамм пшена на человека заменились 40 граммами и т.д.; прежние нижние 400 или 500 грамм, поднимавшиеся до 600 и 800, возвратились к старым нормам, на которых и застыли. Ларек пустеет все больше и больше. Выписки — узаконенные полочки по твердым ценам стали совсем бедные и скромные. Маленькие сейсмометрические кривые в каком-либо глухом уголке мира иногда говорят о большом где-то землетрясении. Интересно, как глубоко и широко сказывается недоедание (плотник, получавший раньше 1300 грамм, теперь, если не на сплавных или каких-то еще работах, получает 600, т. е. меньше, чем вдвое... пильщик, делающий в сутки 35 тысяч наклонов и никогда не довольствовавшийся 1300 грамм, ныне получает 1000... получающие 500 грамм простые люди (сторожа на общих работах, курьеры, уборщики, дневальные, банщики) просто голодают; начинается грызня из-за недополучек (не доработал — получает 400 вместо 1000... десятники этим жмут ленивых, делаются ошибки), подделка урками билетов, купля-продажа буханок (каравай), усиливаются воровство и т. д. Нервы дрожат больше обыкновенного. Буханка (в 4–5 кило) со старых 3–3 ½ руб. растет до 5–6 и даже 7 рублей. Жители, всегда легко кормившиеся от услонцев, теперь начинают голодать в свою очередь, т. к. главные поставщики поедают свой товар без остатка... Конечно, при здешнем питании (щи, каша), при резком отсутствии жиров и при большом труде, 1000 грамм для серого люда — сущий пустяк, ниже голодной нормы... Ее надо по крайней мере утроить. Солдат в старое время получал 3 фунта хлеба, т. е. те же 1300 грамм, но при прекрасной (жирной и питательной) пище и не большой (не более 3–4 часов) [физической нагрузке].

3 июня, 1932 г., пятница.

Ночи холодные и мы страшно мерзнем в своей новой палатке. Я вернул шубу и кутаясь с головой в куче арматуры... До 4 часов

(ложусь около 12 часов) бегаю каждые 20–25 минут (проверил по часам), т. е. около 10 раз, в 5 часов ем кашу и следующие 4 часа (5–9) сплю не просыпаясь... Честных, ушедшего начальника отделения, величают (теперь) негодяем, садистом и т. п. А он управлял многие месяцы и шел в гору.

Мне в помощь дана Вера Ивановна Хомяко, хохлушка, кончившая семилетку, бывшая комсомолка. Типичный продукт нашего времени: самоуверенна, все знает, обо всем спорит, ни на чем не может сосредоточиться, небрежна, скользит... Кроме того, никаких навыков, все заново и нескладно. К этому надо добавить: капризна, фальшива, врет, подсматривает... Старушка (Александра Ивановна Редемайстер... машина, которая «жует и говорит») тоже была не клад, но все-таки можно было донять, а эта... единственный плюс — скорость работы... правда, г...ой...

Принудительный у нас труд или свободный? Я думаю, 90 процентов спорящих или рассуждающих на эту тему представляют себе ее конкретно или глубоко. Подумавши, можно научно установить признаки того или иного труда. Картины, которые мы видим, просто и поучительно характеризуют этот труд. Работы у нас идут непрерывно, и днем и ночью; одни кончают, другие приходят им на смену... Отсюда много обедов и завтраков, много подъемов и лежек (ложись спать)... Идет сложная, бессистемная, судорожная возня... Она, конечно, чистая туфта, т. к. является нездоровым, глубоко бесхозяйственным измышлением услонских честолюбцев. Ночная работа едва ли что дает: руководители спят, заданий нет или они пресекаются, чтобы не быть продолженными, люди разбредаются или спят. Словом, настоящая туфта, а энергии, мускульной и особенно нервной, пожирается уйма, совершенно неэквивалентная добытым результатам.

У нас так все устроено, что всем тяжело и трудно... Самая завидная должность это сторожа, и о ней все мечтают, особенно священники, профессора, вообще интеллигенты. Десятники, бригадиры как будто выше и почетнее, но это форменные мученики... Я готов им простить даже их блат...

Но я забыл продолжить о труде свободном или принудительном (сколько здесь убийц жен: беседую с Гридневым Яковом Максимовичем, заставшим и убившим жену, ему теперь 23 года, прожил с женой около 11-ти месяцев...).

18 июня 1932 г., суббота.

В Колчино остановили для подсчета 3-х. Слушаю рассказ Топорова (Макар Павлович). Он говорит от 29-го года виды самоубийства: 1) под

падающее дерево; 2) с моста вниз в реку (ручей), покрытые тонким слоем льда... один прыгнул, за ним другой; 3) кончают с собой под нарами, и т.д. Картина одуряющая, «не забыть веками», — добавляет он, зажмурив глаза. Как издевались: 1) выгон на поверку: громкое произношение фамилии и бегом; 2) не выполнили наряда, загоняют в студеную воду и держат часы (у Красной Горы погибло 200 человек)... Словом, 29 год выходит очень красочным... Остается вопрос: был ли это просмотр со стороны власть имеющих, не предвидевших хода событий или пересол в режиме устрашения, или какая-то неожиданность... Но во всех предположениях вина лежит или на попустителях, или на неумелых руководителях судьбами людей, или на самой системе, которая мнет как жернов все, что попадает под ее жестокую тяжесть.

20 июня 1932 г., понедельник.

Говорят о следующей серии подлежащих уходу. Ими оказываются: Владиславский, Крекшин, Лукирский и Сапожников. Слухи давно идут (привезла и Женюша). Владиславская была у Ворошилова, тот: «Я заправивал у прокурора и он мне ответил, что подписал освобождение Вашего супруга».

Судаков (Павел Петрович, протоиерей), бывший долго лекпомом, был удален с этого поста (специальное начальство боролось, как могло) и попал на общие работы. Пришлось ему трудно, как третьекатегорийный добился сторожества и стал вахтером у ворот, т.е. пропускал входящих и выходящих заключенных. На днях прогнали его с этого поста, и заключили в карцер (слово уничтожено, как и «тюрьма», есть «изолированное помещение»). Пробыл он дней 5, выходя днем под конвоем на работы... Сегодня он освобожден и рассказывает Редемейстер Александре Ивановне следующее: его призвали (вероятно, представители ИСО, гепеусская прослойка в административном аппарате вплоть до лагпункта) и говорят: «Откажитесь от веры, от религии». «Не могу». «Ну тогда откажитесь в дальнейшем служить как священник». «Не могу». «Хорошо, Вы будете служить, проповедывать, будете свободны, но при условии, что вы сделаетесь нашим осведомителем». «И этого не могу». «Ну, тогда останетесь в карцере, пока не образумитесь. А за тем не видать Вам Вашей семьи, мы загоним Вас в такой уголок Якутии, из которого вам никуда не добратся»... Версию эту я слышал и раньше, но не верил. Теперь она передана Отцом Павлом Александре Ивановне в двадцати вершках от меня, за одним столом в канцелярии... По поводу этого случая мне говорят, что «всем батюшкам» предлагается служить в ОГПУ и при согласии они остаются

незыблемыми. «Все, оставшиеся целыми — агенты, особенно более или менее шаткие и красные», — говорит один рассказчик. Это говорил мне и Лебедев (на пути моем в экспедицию): он обещал и подписал, но в голове решил не исполнять... Скоро позвали: «Что ж вы смеетесь над нами?» И на три года в УСЛОН. Трудно верится, слишком уж это бесполезно, дико, мелко... измерять степень преданности согласием служить в охранке, до этого не додумывалось ни одно правительство Европы.

Я давно не писал; должность поглощает у меня и время и внимание, а между бывают события, над которыми надо бы подумать. У нас к 7 июня назначена Генеральная проверка. Состоит в том, что на каждого заключенного готовятся «установочные данные» (имя, отчество, фамилия, категория трудоспособности, год рождения, суд или ОГПУ, статья, начало и конец срока. Это бубновый туз з/к, с которым он ходит всюду), каждый их проверяет и собственноручно подписывает... Это есть обычная частная переписка. У нас все взбудоражилось, в канцелярии приказали бросить работу и заняться составлением списков (перечень имен в алфавитном порядке, один диктует с картотеки, другой записывает). Я с Александрой Ивановной составляли такую рабочую пару. Едва я лег днем соснуть, как меня разбудили к этой работе. Я просидел до 10 ^¼, когда мне приказано было через пять минут идти на Граждановку (8 верст) и Гришино (21 верста) с двумя списками, чтобы их реализовать (до меня кто-то отказался, ссылаясь на больные ноги). Я сверх рубашки надел меховую штучку, взяв накидку, палку и через 3–5 минут двинулся в путь... Сильный ветер грозил сюрпризами. Приходилось идти лесом ночью, но ночей сейчас нет: не только заря сходится с зарей, а даже свет со светом, полного потемнения не бывает. Я был в ботах, так как боялся дождя. Итак, проработав 14 часов подряд, я должен был сделать 8 верст, разбудить людей и проверить 47 человек (часа 2–3). Я выступил при сносной погоде, дождь моросил чуть-чуть, но едва я стал подходить (16 июня в 11 часов) к концу Важино, дождь забил шквалами, пришлось бумагу закрыть накидкой, а самому мочиться, было холодно, сыро, скользко. Я прошел мимо Курпово и должен был от часовни прямо направляться на Граждановку лесом, но я этой дороги не нашел и тропинкой прошел до берега Важинки у Купецкого и берегом пошел далее. Я встретил ночных рабочих-сплавщиков, которые мокрые и усталые спешили на ночлег в Курпово, они были мрачны и, хотя многие знали меня, мало кто меня приветствовал и только 1–2 бросили мне несколько приветливых слов. Они заняты были толканием баланов (бревен).

Река Важинка играет большую роль в основном труде заключенных, в ее бассейне произрастают лесные богатства, а по его водному

хребту плывут бревна и дрова. Осенью и зимой рубят лес, а летом сплавляют сначала баланы, а позже дрова... Вся организация дела вызывает много критики. Прав Сапожников, который говорил мне, что в смысле организации они бестолковые дети, не могут разумно решить самого маленького дела. Как устроена лесорубка и подвоз срубленного материала к берегу, я не знаю, но слышал много-много жестокого, ударного. Раз последнее имеет место, дело — швах. Ударность всегда результат каких-то организационных промахов. Природа бывает катастрофичной, как исключение, но в основе она эластична и эволюционна. Скучно рассказывать грустную повесть о том, как людей гонят в лес и заставляют работать в снегу, часто с имеющейся на дне водой, гонят босых, в лаптях. Много, вероятно, в рассказах вранья и преувеличений, но, судя по тому, что я наблюдал, основа рассказов правдива, хотя порою бывает нервна и форсированна. Но особенно неудачно и неровно ведется дело сплава. Река капризна (горная, быстрая, климатически данная, извивая) и режим ее сложен, полон неожиданностей. Начать с того, что режим этот не изучен, никаких предсказаний создать нельзя и набросать программу трудно: нет основы. Затем дирижируют люди не знающие, они сильны напором, руганью, они могут заставить работать, но им чужды знания, понимание техники, у них нет кругозора. И, наконец, что самое главное, люди подневольного труда: материал ленивый, хитрый, требующий усиленных наблюдений, ненавидящий как руководителей, так и работу, о которой он неизменно повторяет: «К чему?» И вот, то воды мало и все баланы сели на мель, произошли косы, заторы, пошла забивка... То вода высока, прорваны кошель, снесены запаны и бревна поплыли в Ладожское озеро... И вот ударничество — единственное спасение, гонят, кричат, собирают всех, бросая на произвол судьбы определенные отрасли... Но это можно наблюдать всюду. УСЛОН только резче выделяет явление на своей больной поверхности.

Возвращаясь к путешествию. Я прошел Ульино и пошел берегом, скоро береговая тропа стала неудобна, взял влево по дорожке, но она пошла слишком влево, удаляясь от берега, свернул вправо, и я очутился среди изгородей, а затем в болоте, пришлось прыгать по кочкам, проваливаться... Возвратился на уходившую влево тропу и по ней выбрался на ту дорогу, которая отходила от часовни, но на которую я не попал. По крутому спуску я сошел к берегу Важинки и пошел берегом. У дамбы ко мне вышел з/к, но не пошел со мною, а пообещал впереди «массу лодок», на которых я и мог переправиться на нужную мне сторону (Граждановка на левой стороне)... Нашел две лодки, но ни ту, ни другую я не мог сдернуть, а на противоположной стороне у костров сидели люди, но у них не было лодок. Я стал ругать

за такое дурацкое распределение лодочного материала, последовало новое вранье: «Что вы, товарищ, ругаетесь, пойдите вверх по речке и, минуя Граждановку, у Пичино найдете дежурного лодочника, он вас и перевезет». Еле передвигая ноги и совершенно мокрый поплелся дальше... Дежурного лодочника не оказалось (его и в действительности не было), я стал стучать в дома, старик отказался выйти и объяснить что-либо, старуха повторила версию о дежурном лодочнике, но в форме: «Здесь переправляются». Я начал орать: «Дежурный лодочник», орал больше получаса, но голос звучал одиноко над сонной рекой... Не было ответа, хотя, как потом выяснилось, многие слышали мой отчаянный глас. Наконец, меня догнал курьер, посланный вслед за мною через полчаса, отвязал чью-то лодку и, вооружившись колом, переправился со мною через реку. Я нашел Бабака (Николая Алек.) со стрелком в дежурке (бывшая баня на краю деревни) и по его совету отказался будить людей, было больше 2-х часов, до подъема оставалось 2 ½–3 часа и тревожить их не годилось. В 5 часов они встанут, в 5 ½ будут есть кашу и за кашей мы их всех и соберем. Зажгли железную печку и я начал просушиваться. Просушка шла удачно. Сам лег и часа на 2 прикорнул.

23 июня 1932 г., четверг.

В пять часов я проснулся вместе с людьми, одежда была сухая. Я оделся, поел каши (принес Ляпин) и стал ждать людей. Бабак мне помогал... Я заносил зачетные карточки, а Бабак выполнил генеральную проверку, часам к 8-ми мы были готовы. Гришинских я не записал 47–48... В 8 часов с небольшим я тронулся в путь на Гришино. Только что я двинулся, как вновь пошел дождь, не такой сильный как накануне, но упорный. В Екунде я зашел к Николаю Герасимовичу (Малютину) на 5 минут и двинулся далее... До Гришино я добрался около часа, вновь мокрый, усталый (17-го июня), но день стал ведрый, роскошный, и это меня вознаградило за муки. Люди были на сплавке (сплотке) и я мог получить их только в 7–8 часов вечера. Вновь сушка и блаженный отдых в теплой комнате... спал как убитый... Меня угощали обедом, чаем (Пётр Григорьевич Круликов); я вывалялся и к 7–8 часам был свеж, как младенец... Вечер был божественный, воздух, полный прохлады и особого аромата... Пейзаж красивый: холмистая канва лесов, ниспадающая к Вожинке, быстрая речка, шишки, обнаженные от леса. Хорошо было смотреть и после испытаний чувствовать покой, тишину и хороших людей.

Потом стали подходить люди и начался подсчет. Мне помогал Пётр Григорьевич. Около 11 я оставил его и пошел к Бриллиантову

(Александрю Ивановичу) и мы с ним наговорились всласть! Нам молча внимал воспитатель, дремавший под наш ученый разговор. Он достал Плиния Старшего (Hist Naturalis²) и стал мне переводить некоторые места. Он хорошо знает латинский и греческий языки. «Забыли, пожалуй?» «Нет, я так много в жизни читал на них, что это уже не забудется»... Он под рубрикой инвалида живет и ничего не делает. В этом плохо то, что позиция его не прочна и его могут прогнать. Напившись у него чаю, около 1–2 часов двинулся к себе. Пётр Григорьевич кончил работу и уже готов был спать. Спал хорошо, проснулся в прелестное утро, напился чаю у Семенова (Дмитрия Дмитриевича) и двинулся в путь. Тот самый костюм, который вчера, а особенно позавчера был слишком холоден, теперь был тяжел и душен. День обещал быть жарким. В Каягино (4 версты от Гришино) надо было засчитать 3 человека, между ними завхоза (каптера), Салихмалинов (?), лезгин, который отнесся ко мне с исключительным гостеприимством. Была суббота, канун Троицы и у хозяйки нашлись [неразб.]тки и молоко. Пробыл до 8 часов и двинулся дальше. Путь был тяжел, т. к. было жарко и я промок до костей, но от собственного соку. Заходил на 10 минут к Николаю Герасимовичу и выпил стакан молока. Прибыл в Граждановку часам к 3–4, немного отдохнул и с приходом людей с работы начал подсчет. Работал до 11 часов, послал курьера с бумагами, а сам около 12 лег в убогую кровать Бабака...

Утром (19 июня) проснулся в 6 часов и в 7 — в путь. Было более прохладно, но все же жарко. Думал: зайти к Анастасии Ивановне или не зайти? Решил зайти и застал женушку с 3 мальчишками... Они явились около 2 часов, а через 8 часов, гонимый инстинктом, я пришел к ним...

19-го я провел с ними, 20-го не был, 21, 22 и 23-го провел, в свободное от службы занятие, с ними по официальному разрешению (на 3 дня). Эти дни уюта, теплоты и ласки, чего я был лишен почти 3 года. Как многого я был лишен! Женюша не принесла никаких новостей, а если что и говорила, то это уже доходило до нас, может быть в более измененном виде...

26 июня 1932 г., воскресенье.

Женюша много говорит о Москве, и она, по-видимому, сама не знает всего ужаса тем! Москва полна крестьянства, которое кучами,

2 Hist Naturalis — «Естественная история» (лат. Naturalis historia) — составленная примерно в 77 году н. э. Плинием Старшим и посвященная римскому императору Титу энциклопедия природных и искусственных предметов и явлений.

чаще семейными, валяется на вокзалах, тротуарах, особенно у булочных, исхудалое, старое, просящее. Особенно много с Украины, предметы малороссийского обихода (палацы) заполняют базары. Можно представить, какая между ними смертность, особенно детская. Трамваи переполнены, иногда висят, штрафы не помогают. [Неразб.], ругань и драки... Эти драки — они характерное явление времени: дерутся в трамваях, очередях, на улицах. Люди дичают, на фоне бедности, голода, несчастий. Интересно убийство людей на мыло. Мыло дорого до исключительности, а его нет. И вот ремесло — добыча жира с трупов. Особенно убивали молочниц из-за большого жирового покрова, или их легче заманить, сказать трудно... Убийство продолжалось около 2 ½ месяцев. Беспризорных летом меньше, но они не переводятся... Словом, Москва ужасна.

Остальные эпизоды не столь красочны: наплыв иностранцев, их избалованность, дорогие оклады, униженность перед ними. Продолжается наплыв евреев, давший повод к легенде, что русских под разными предложениями выживают из Москвы, чтобы освободившиеся площади предоставить евреям...

Забавен эпизод с приемом турецкого премьера и занзибарского царька... Я из рассказа не много понял, думаю, что все это просто болтовня и выдумки, но характерная, как отражение коллективного настроения.

У нас сегодня вновь какой-то «ударничек». На сколько привилась эта большая идея, показывает уже то, что не только его часто осуществляют, но осуществляют склонения и (неразб.) умаление слова «ударность», «ударник», «ударничек», «ударнем» и т.д.

Меня ожидает большая работа, и как я ее доведу до исхода, и сам не знаю... Особенно опасно отсутствие табелей, необходимость которых я понял только сейчас... Слабость Александры Ивановны в том, что она хочет быть дамой, приятной во всех отношениях. Отсюда она меня покидает в самые роковые минуты. Я много хандрил и плакался, но поняла она мои скорби только теперь.

Добижа (Иван Андреевич) сказал, что меня потянут в отделение, дав предварительно окончить работу 3-го периода. Что это значит, никто толком сказать не может. Может быть это запоздалое выполнение директивы относительно ученых, тем более, что одно из правил Сталина говорит об «улучшении отношений к старым специалистам». Во всяком случае, это знаменует изменение моей внешней обстановки.

Как бы то ни было, я пробыл ровно 9 месяцев в Важино. 12 дней болел, 3 ½ месяца (до 1-го февраля) проработал «конторщиком» под начальством Драгонца, потом 3 ½ месяца был сторожем то при коптерке, то при такелаже, работая эпизодически по зачету рабдней... Наконец, с 10-го мая я работаю по АКУ вместо Лигнау. Во всяком случае,

один период кончился и настанет какой-то другой. Из 9-ти месяцев я захватил наблюдением 5 месяцев. Писал я урывками, неряшливо, под углом разных перспектив во времени. Иначе живописать нет возможности. УСЛОН, конечно, заслуживает более серьезного и пристального внимания и со многих сторон: 1) как бытовой опыт над десятками тысяч людей, волею политики поставленных в своеобразные условия; 2) как картина многочисленных людских переживаний при этих условиях, не разбираясь в сумме благ или зол, как конечного результата...; 3) как научно-политический опыт применения начал и практики социализма; и 4) как осколок от того огромного, что зовется Союзом и в сфере которого те же опыты малоуловимы и трудно синтезируются.

Конечно, при условиях заключения, моих годах и случайностей писания ждать большого толку от моих заметок не приходится, но они все же являются мало помутненной фотографией виденного и пережитого...

19 августа 1932 г., пятница.

Типы работ на нашем лагпункте Важино: 1) разлом дровяных кос (растаскивание дров, скопившихся на косах); 2) выкатка бревен (то же, но операция с бревнами); 3) окорка (снятие коры); 4) укладка бревен; 5) погрузка вагонов; 6) погрузка камня; 7) мытье снастей; 8) пропуск дров (толканье... на реке); 9) формовка гонок (приготовленние плотов, кошелей... чтобы потащил пароход); 10) угонка пучков (связь бревен б, 12...); 11) шланговка (укрепление) гонок; 12) мять прутьев (перекручивание их на станках, чтобы получить вицу); 13) ручная сплотка (создание плота вручную); 14) погрузка дров на баржи; 15) установка колец (на плотах); 16) строительные работы; 17) устройство дамбы...

Наш лагпункт — сплавно-погрузочный, т.к. прилежит к системам рек Свирь (погрузочная преимущественно) и притока ее Важинка с притоками (сплавные работы)... Если бывает зима, то дрова добываются из-под льда... На других лагпунктах, входящих в наше отделение, производятся, преимущественно, лесозаготовочные работы (на нашем мало... все уже крупное вырублено): повалка, очистка, распилка и кладка, перевозка или перетаскивание бревен-дров, погрузка (в вагоны)... Для регулирования реки Важинки производятся примитивные милиоративные работы, главным образом строятся дамбы и возводятся плотины, но все это очень примитивно, без техники и капиталов, людскими мускулами. Имеются, например, две плотины у Гришино и Каменного навода, поднимающие воду на $1/3$ – $1/2$ метра и непрерывно ломающиеся, к одной специально пристроены 6 человек, к другой восемь...

Такова типовая картина труда на 2-м Отделении Усвирлага. Отдельные типы работ отличаются между собой степенью трудности и удобств; погрузка, например, дров — самый трудный тип и притом мокрый... Распределение работ и людей (бригад) представляет собою сложное и путаное дело; ведут его примитивно рукраб (руководитель работ) и распределители, ведут, как на мелком хозяйстве... от «простого разуму»... Я недостаточно к этой стороне присмотрелся, да и мало в нем понимаю, но могу догадываться, что здесь много фантазий, недомысла, попыток... систематического дилетантизма... Дирижеры — безграмотные простые люди, взятые от сохи, безкругозорные; кое-как они натираются, кое в чем нанюхиваются, т.е. слегка подойдут к делу, не более... Есть 1–2 специалиста, но они теоретики, которым не верят как интеллигентам и которые тихи, опасливы, боятся сказать определенное слово... Чтобы им сесть на прочное кресло, надо стать иным: решительным, крикливым, спорщиком, обязательно опроститься (иначе не сольешься с массой и она будет сторониться)... даже матершинничать... Суть дела, вероятно, в том, что они устали и изнурены, спуститься до массы не могут, в успех не верят, да, может быть, политически остаются чужими... чужими, устранившимися, но не враждебными, а тем более активными, они для этого слишком устали и измочалены... Некоторые помоложе (Варваров — сплавной группы, Шокин — завчуж, эскадронный командир Сумского полка) ерепенятся, входят в роль, кричат, заряжают туфту, но выдержать долго им не удается, они слишком прозрачны, а кругом чутки, обидчивы и наблюдательны... И эти попытки дорого стоят некоторым: Шокин опустил, грязно ругается, запанибрата с грузчиками, но он уже спился и теперь, за отсутствием водки, по его же признанию, вливает в себя все, что содержит спирт... до денатурата с одеколоном и валерьяновыми каплями включительно...

И над всей этой трудовой системой, как зловещая тень Банко, лежит сложнейшая и мелочнейшая отчетность и канцелярия, она въелась в эту систему, отравила ее, сделала труд прискорбным и надоедливым... Много и с потом на челе пишет уже десятник (выводит проценты, «пропорционально» распределяет... он просто лжет и фантазирует, подделявает под предъявляемые требования и свои расчеты... его исправит «контрольный бригадир» (художник, дьякон Артемов Антон Агафонович). Этот вносит поправки, главным образом устраняет арифметические безграмотности, но заряжает свою туфту, т. е. лжет шире, а т. к. он работ не видел и судит лишь понаслышке, то от жизни он уходит еще дальше, перенося картину работы в деспотическое русло канцелярии... теперь картина покажется по проторенной дороге, без запинки и сомнений... Тут будут

добавлены поправки (один старший счетовод сколько добавит)... и от серой и сложной действительности не останется и следа... Трудкоэффициент — очень важный фактор и попытка в экономике — предстанет перед обществом и исследователями не в своей скромной и грязноватой одежде, а в лощеном костюме с маской на лице, — дитя канцелярской переделки, прослоенной разнородной туфтой... Что может дать такая система? А если не забыть, что она покоится на ссыльной массе, работающей — помимо прочего — «подневольным» трудом, то можно проникнуться самым нехорошим пессимизмом...

Еще два слова о труде. Я уже говорил об этом, рисуя картины развода («выгона», как остряк здесь). Дополню: 1) прежний начальник Отделения Честных лишал зачета рабдней за 1 отказ от работы, т.е. в ином случае — 45 дней, укорачивающих время его ссылки; 2) в ближайшем приказе по Отделению упоминается об удлинении сроков на 3, даже на 5 лет, т.е., может быть, об удвоении и даже почти утроении пребывания в лагерях, за отказ от работы... между прочим в 1–2 случаях за отказ «по религиозным убеждениям». Вольный ли это труд или невольный?..

20 августа 1932 г., суббота.

Олесово — 454 мужчины и 22 женщины, Курман — 74/9, Гришино — 120/2, Граждановка — 84 = 732 + 33 = 765.

...

27 августа 1932 г., суббота.

Вчера получил от женки посылку; основа — сухари, а затем: масло, мед и икра (мелкая красная); груши не дошли, 3 яблока — целы... и всегда небольшой привет, в форме 10–15 подсолнечных семян, завернутых в бумажку... Жenuшка в последнее время мало писала, т. к. ее товарка по службе куда-то уезжала и приходилось ее заменять. Зато дочка разошлась и подарила меня 2-мя огромными письмами. Она несомненный литературный талант: остроумна, жива, мило-мечтательна и натуральна, последнее, пожалуй, самое важное, — не видны натяжки, все вытекает легко и само собою, как течет ручей, струями и пеной ниспадая по камням. Как она даровита, моя драгоценная дочка...

Обувной кризис надвигается. Один из начальников командировки телефонограммой умоляет о «присылке лаптей», т. к. люди босы, работать им трудно; работы пойдут вяло, да и начнутся заболевания... Эти два основания выставлены как-то не отчетливо, нащупыванием

(а кричать, ругаться, быть яркими в своих требованиях мы умеем), да и вся телефонограмма написана в тонах вялых, пробных... Объективно, начальник стоит перед крахом, драмой; люди босы, кругом сырость, вода холодная, посылать на работу — ждать массовых заболеваний (да где-то в глубине сознания, пожалуй, звенит еще и жалость, едва ли УСЛОН умеет у всех ее выскресть), не посылать — срывать работы: ведь бревна-то с началом дождей пошли, довольные поднятой водой... Конечно, при условиях иного труда, драма вызвала крик, как сильная боль у человека вызывает стон, но ведь начальник з/к, прежде всего, у него своих мыслей нет, а чужие, дотекающие до него сверху. А он их еще не знает. Может быть, обуви нет, а работать надо quand tete³; может быть, наоборот — нельзя создавать эпидемических заболеваний и надо бросить работы... О, если бы он знал, как мыслят в Лодейном Поле и какой об этом не сегодня, так завтра, последует приказ. Он бы закричал, он бы заругался, он бы развернул вовсю свою активность и усердие! Ведь он актер с первых шагов в Услоне.

Поехал завхоз куда-то... Здесь это обставляется если не тайной, то порядочным туманом... Может быть, отбывать в ИЗО (т. е. карцер) наказание за то, что испортил бочку мяса, или чтобы хлопотать о наших невзгодах... Говорят, что он добился чего-то «кожаного». Теперь мы знаем результат: 50 чиненых ботинок. Если допустить, что, по крайней мере, 1/3 ходит в лаптях, а всего 750, то лапотников получим 250... 1/5 часть будет удовлетворена... А в каком состоянии остальная кожаная обувь? Я едва ли ошибусь, сказав, что кроме десятников, я ни на ком не видел обуви целой (может быть, я плохо наблюдал, суровая тема требует осмотрительности); вся она перелатана (лучший случай) или вся в дырах (обычный)... Что такое эти «50 залатанных ботинок», слать их нам босым это тушить пожар дома водою чайного блюдечка... «50 залатанных ботинок», — это целый символ. А ведь он господствует не у нас одних, а, вероятно, во всех лагерях... он идет шире. Так какая-то ошибка в административной системе (например, может быть, обналоживание коров, отобрание их в колхоз) потом на далеких лагерях отзовется картиной босоногих заключенных, обязанных холодной осенью выполнять мокрую работу...

Сегодня опять для нас ударник, но III-я категория исключена — вышел приказ не брать нас на работы (под угрозой наказания до суда включительно). Рукраб сегодня запретил, но позиций не сдал: «на эти работы не надо брать, я их использую иначе».

3 Quand tete (франц.) — во что бы то ни стало, несмотря ни на что.

28 августа 1932 г., воскресенье.

Сейчас люди на разводе. Утро сырое, но достаточно теплое... (около 7 утра). Я, к удивлению своему, нахожу мало лапотников, хотя 2–3 совершенно босых... Кожаная обувь действительно плохая, но все же она явно преобладает. Может быть, это особые партии подобрались? Коллективы, конечно, обуты приличнее других. Не есть ли предо мною явление самосохранения, о котором я много думал при изучении Индии... Люди ее, при существующем режиме должны бы вымирать тысячами. Экономическая литература набрасывает такие краски, что получаешь впечатление о полной невозможности для индуса сохранить свое бытие, но он — вне сомнения тягостно и бедно — но живет, цепляясь за худосочные ресурсы жизни. Бытовая и физиологическая приспособляемость, пользование всякими травами и кореньями (своеобразная пищевая ботаника) в этой цепкости играют немалую роль, но более важны прямые способы; сводящиеся к широкой утайке хлеба (на корню и в зерне), земли, скота, инвентаря и т.д. Я припоминаю эти мысли, наблюдая нашу обувь. З/к знает, что вода Свири холодна, а осенью она будет холоднее, что морозы здесь люты, ветры бывают шквальные и он бережет обувишку (свою и казенную), как зеницу ока, как якорь спасения в суровые дни непогоды... он ходит в лаптях до последнего момента, пойдет — пока можно — босый, чтобы грядущие испытания встретить в кожаной обуви. Он знает, что на работу он пойдет во всяком случае, если бы даже обувь не была подана в достаточном количестве... Ленинград должен быть отоплен, а он — услонец — пока его единственный согреватель...

Обувные недочеты, по-видимому, начинают вызывать эксцессы. Идет параша, что на одном из лагпунктов (2-м или 4-ом) заключенные, получив лапти, бросили их и на работу идти отказались. Но это вероятная «очередная параша», которые Услон так любит и которыми развлекает свое серое житье...

Такая же параша прошла по поводу начальника лагпункта (она передается шепотом, с добавлением: «пожалуйста, только вам одним», но обходит лагерь с быстротою телеграфа, Услон боится «выдачи секретов», — это наказывается, но болезненно любит сплетни, возьмите такие экземпляры, как Манзя (Павел Семёнович), моя дама, которые все знают), будто бы он подстрелен в живот из охотничьего ружья ревнивым супругом... Окно, в которое он «лез», ревнивый муж... вся эта романтическая красочность говорит о хорошо придуманной параше. Дело может объясниться просто. Отсутствующий (в этом все дело) или отбыл в Лодейное Поле на какие-либо длительные сове-

зания или сел в бест, т.е. в ИЗО (это здесь бывает и с начальниками лагпунктов)...

Возвратились 75 человек из посланных нами во 2-й лагпункт людей; они поработали в лесу: валили, обделывали (баланы и дрова) и грузили на узкоколейку лес... Один из них рассказывает, что на 2-м лагпункте с обувью дело обстоит хуже нашего... «Все босые так и на работу ходят». «А какой процент этих босых?» Фетровский (имя з/к) думает немного: «Да поди все босые». «Устроили мастерскую, дерут кору с березы и плетут, да мало выходит толку: лаптя хватает дня на три... Да и мастеров-то мало — им и не успеть...»

3 сентября, 1932 г., суббота.

...
Наш лагерь расположен на коротком скате, покрытом березовой рощей; скат кончается площадкой в 30–40 аршин ширины, к которой примыкает обрыв, висящий вплотную над Свирью (вдоль ее воды идет тропа). Березовая роща, которую я еще застал густой и красивой, раньше так привлекала мой взор и слух, когда раскачиваемая шквалами ветра она дружно наклонялась то в обрыв, то в другую сторону, издавала своеобразный гул, похожий не то на стон, не то на гнев. Удивительны в ней березы, стволы которых, как у сосен, идут сверху без ветвей, стройные и высокие, завершаясь небольшой лиственной короной. Это была дача, известная в Важиана своей красотой. Теперь она наполовину вырублена, пеньки торчат между деревьями, рассказывая грустную повесть о прошлом. Со стволов, начиная с аршинной высоты и кончая кольцом, куда достанет рука человека, содрали кору и темно-красная рана растения свидетельствует или о жестокости или о нужде нынешнего обитателя рощи... Почему и зачем обижено растение, которое от этого ущерба если не высохнет, то понесет большой ущерб? Объясняют двумя нуждами заключенного: нуждой в растопке и таковой же для уборной (особенно это относится до мусульман).

Вечером на склоне можно видеть группы людей от 2–3 человек до 8–10, которые готовят себе пищу. Ряд котелков подвешен на железных проволоках к поперечной палке, упертой на концах ее в рогаки, под палкой горит небольшой продольный костер. Варят картошку, готовят жидкую кашу, стряпают какую-то похлебку из грибов, а то и просто кипятится вода для чая... Откуда берут материал, кто может догадаться и надежно поведать? Люди голодны, систематически недоедают, а это такой двигатель, который как вера седой старины, двигает горы... Чем Дуров воспитывает своих животных

и доводит их до поразительной виртуозности? Голодом и лаской. Последнее, я думаю, занимает очень скромное место в его педагогических ресурсах, и тогда остается голод как могучий владыка в достижении поразжающих результатов над животными разной дикости, разной степени приручаемости и разного интеллекта. Что говорить про людей? Конечно, нас держат в голоде не в целях трудовых или педагогических достижений, а просто потому, что нечем кормить не только нас, но, по-видимому, и всю страну, но ресурс остается в силе. Боязнь недополучить порцию хлеба страшит многих, и об этом говорят на каждом шагу... III-категорийный плетется на сплавную работу. «Зачем идешь, ты можешь отказаться?» — «А что же я с 400 граммов сыт буду?» Плотникам в мае (или июне) сбавили хлеб с 1300 грамм на 1000, но оставили повышенную — те же 1300 грамм — для производственников (скоро и этим сбавили) и нужно было видеть, каким поголовным оказалось бегство от топора... 300 грамм произвели целую эволюцию в труде: человек с детства манипулировавший топором, приучивший для этого труда мозжечок, глаз, распределивший для сего специально сетку мускулов и естественно полюбивший это дело, пошел на мокрую работу — толкать баланы и дрова, таскать их и т. д.

Повторю, ресурс все-таки остается ресурсом и им играют всячески: снижение до 400 грамм отказавшихся, убавление для не выполнивших урока, всякие питательные надбавки для привилегированного или более продуктивного труда (например, котлеты, громкое слово, сводящееся здесь к неуклюжему содержанию... когда кашу заменяют этой котлетой, все стонут... «много с этого наработаешь?», с иронией бросит з/к, неся от кухонного окна жидкий суп в котелке и малюсенькую рыбную или «круповую» котлетку в ладони или в металлическом блюде)... Может быть, голод не только посильнее других факторов, но пожалуй, едва ли не единственный... Ценность остальных для меня еще недостаточно ясна и я о ней поговорю как-нибудь после, когда у меня накопится больше наблюдений и фактов...

6 сентября 1932 г., вторник (баня).

Севрук (начальник филиала Гришино) телефонирует, что люди отказываются, за отсутствием обуви, работать на дамбе и сплаве, «просьба выслать». Не из-за этой ли дерзкой переправы его хотят заменить Крутенковым? Но младший Петрович не дурак (индюшонок плавать не умеет, но в степях разбирается прекрасно), он отказывается. Он со мной делится своими «почему». «Я человек молодой, мне еще надо учиться... для самостоятельной работы, да еще

столь сложной, как в Гришино, я не готов... Здесь я под крылышком более опытных (так он говорит): не понимаю, попрошу объяснений, ошибусь — получу дружеский нагоняй, да мне молодому извиниться нетрудно: голова не отвалится». Все это красиво оформленное решение — и достаточно мудрое — чисто шкурного вопроса, хорошо учтанного среди обстановки Услона. Мальчик пойдет далеко, и шею если и сломит, то не много...

Прибыла обувь в количестве 400 сапог. Количество на 806 человек небольшое (в Граждановку на 54 человека посылается, кажется, 30, если не 40), но все же нас не забыли... Конечно, дают только производственникам (телефонограммой приказано выдать «кожаную обувь» конюхам и пастухам) и таковые получают на 2/3 их состава. Вчера я с удовольствием смотрел на людей во время дневного развода, одетых в новые сапоги; у них и походка стала какой-то иной... Сапоги хорошие, новые, хорошо сшитые... Если будет смазь, то пойдут надолго, а не будет — то заскорузнут, будут обижать ногу и скоро кончатся (работа мокрая) ... Во всяком случае, насколько я огорчился раньше босоногими, настолько рад теперь обутом: словно меня самого обули (в мокрую погоду я хожу в своих ботах, которые начинают давать течку)...

9 сентября 1932 г., пятница.

Так, как я мыслю об обычае и особенно об его происхождении, довольно легко помогает объяснению явления этой устойчивости. Это заклепка — психологическая и физиологическая — многотысячных переживаний под диктовкой реальных деспотических обстановок, которая дает о себе знать еще долго после исчезновения старых, реальных предпосылок... Это вековое эхо длительных мук, страха, голода, физических страданий, борьбы за жизнь, торжества одолений, неудовлетворенной любви; эхо, застывшее в воздухе накрепко и надолго...

Вчера был дождь, ливший день и ночь. Люди работали и пришли промокшие насквозь. Я пробую одного из своих друзей, лезу рукой под его толстый «бушлат» (короткое, не достигающее до колен одеяние на «вате», которое является шинелью услонца... из чего вата состоит, сказать трудно, — какие-нибудь отесы, пенка, стружки... внешний вид бушлата как будто массивный, но он мало греет и быстро промокает насквозь) и нахожу, что он весь мокрый до тела... мокро и последнее... он все еще улыбается, потому что палатка в десяти шагах, работу он кончил, да и в воздухе еще довольно тепло... Заключенные работают при всякой погоде и обстановке. Это, по-видимому, правило, напоминающее такое о стрельбе в старой армии (в уставе имелаь подчеркнутая фраза

«стрельба из-за погоды не отменяется»), но насколько это правильно, конечно, разумея вопрос со строго деловой точки зрения?.. педагогики, морали, человеколюбия и других тонких вещей не касаясь. Успех работы при ветре и проливном дожде будет слабый, люди измочаются и дадут изрядный процент заболевших, одежда ускоренно истреплется (особенно обувь)... (Мне не приходилось ни говорить со знатоками, ни наблюдать самому процесса изнашиваемости одежды, лапти живут 3–5 дней, при каменистой обстановке — 1–2 дня... но думаю, она должна быть очень высока: на это много причин, начиная с подневольного труда)... Да, наконец, Услон выбросит из своих недр измочаленных и конченных работников, которые лягут бременем на плечи страны... Из Услона рискует выйти не воспитательный аппарат, а пожирающая и преждевременно истрепывающая людей машина... Такой вывод подсказал бы даже скромный синтез в постановке планов и задач работы, но мальчикам он недоступен; они как женщины, работают от случая к случаю, слепыми нащупываниями, переживаниями...

...

20 сентября 1932 г., вторник.

...

Вчера утонул з/к старик Ищенко. Стоял на запани, поскользнулся и исчез в воде... на глазах многих. Никто не шевельнулся, чтобы хоть принять в первый момент меры. «Я не приметил», «Я вытаскивал бревно», «Не умею плавать», «Не спохватился» и т.д., такие пошлые фразы полетели из уст. Насчет болтовни этот тип силен. А где же инстинкт спасания жизни человеческой? Где чувство фразы: «Блажен, если душу положишь за други своя»? Узко, голо, серо. Я помню на Дону, как все беззаветно бросались вперед, не думая о риске, когда гиб человек. И не было погибших. Конечно, и плавали, как рыбы...

После долгих нащупываний Ищенко был вытасчен, его откачивали около трех часов, но к жизни не вернули. Мне говорят, что иногда откачивают человека чуть ли не целые сутки... и вертают к жизни (на радость ли?), так упорно теплится жизнь в человеке! Если правда, то это очень интересно. Я, например, удивляюсь, как мой организм сопротивлялся полученному яду. «Красота», как говорят теперь о человеке, который свалился с трамвая и которому отчетливо отрезало (может быть, вернее, отдавило) ногу или как во внутренней тюрьме профессор Скрябин (гильматолог?) говорил о человеке, у которого мошонку раздуло до пятипудовой массы... была подвешена на тачке...

В Услоне торгуют все, больше меняют, т.к. деньги являются предметом очень неустойчивым... Интересно колебание курса. Те 2 сорта, которые здесь функционируют (советские и услонские), постоянно

борются между собою: то одни выше, то другие... Сейчас услонские вдвое дороже советских... Главная причина, поднимающая ценность денег, это их приложимость. Тут имеется прямое соответствие: деньги растут в своем курсе тем больше, чем большее количество предметов входит в их кругооборот, и чем больше эти предметы необходимы... Конечно, будут и другие причины, например, излишняя инфляция, но приведенная доминирует. У нас, например, и в Услоне и в деревне советские знаки хотя бросай в воду: за них ничего не купишь, или слишком мало чего, а за услонские из ларька кое-что и перепадет. Появится водка, и советские знаки быстро подымутся в ценности и обгонят услонские. Это очень примитивная картина, но она, как когда-то картина переживаний курса рупии на Памирах, очень назидательна... Законы намечаются и они одни и те же как на Памирах или Услоне, так и в капиталистической Англии... Но вернусь к торговле: торгуют все, больше ведут меновую торговлю... Специалистов торговцев мало, или они хорошо прячутся. Я знаю Молодцова (ушел), Кузнецова Исидора (с Дону... бывший комиссар, расстреливавший и обиравший людей, и с внешности гнусная тварь в очках), Мельник, временами Ульянов, больше в качестве агента при покупках, вероятно, Докучалов... Но агентов — пропасть: каждый готов вам купить молока (конечно, за что-то надежное: хлеб, махорку, селедки... деньги уже при удаче дадут вам требуемое)... Надо будет вернуться.

21 сентября 1932 г., среда.

Вчера весь полдень после 2 часов лил дождь, лил он и всю ночь почти. Я возвращался домой в самый водослив, да еще около 1/2 часу должен был ждать лодки... Сушился до утра, накидка висит и сейчас... Темь была страшная, а между тем люди должны были грузить... Какие были причины для такой неизбежности, не знаю (может быть, невыполнение контракта как угроза, может быть северная столица бушует, боясь топливного кризиса), но здесь было много суетни: были отказы, падали духом десятники, понесли на место работ непромокайки, кому-то давали сапоги... позже кого-то из пришедших хотели лишать сапог, чтобы надеть их на уходящих. Печальная картина высасывания чего-то из пальца при полной нищете... И на дне где-то там объект этих опытов в лице босых полуголодных людей, гонимых новым голодом, карцером и ужасом надбавки сроков... Но кого винить? Ленинграду нельзя оставаться без дров? Оставлять неиспользованной армию молодого и здорового люда — непозволительная небрежность и при том с широкой государственной экономии. Заставлять их работать при такой обстановке сурово, но что делать, когда мы бедны

как церковная мышь. Получается страшный и безысходный *circulus vitiosus*⁴, в котором приходится кружиться. И страдают при этом все, — не только рабочие, но и десятники (Сучак со слезами объясняет, что он с людьми ничего не может поделывать... получает в ответ: «Какой же ты десятник?»). Страдают и более высокие. Все дело ведет помначальника лагпункта, а начальник сидит нервно у телефона и нервно ждет; пройдет ли или сорвется... Это моменты, когда падают одни десятники и выдвигаются новые: те ли, которые в этот момент не теряют головы или более наглые, которым терять нечего... В этом случае приходит в голову, что, может быть, и правильно, что техперсонал (бригадиры, десятники, рукаб) преимущественно из урков... Сырые 58-тники быстро бы размякли и сдрейфили...

Вчера отправляли (точнее сплавляли) более 30 человек на какой-то иной пункт... Это вышел просто долг платежом красен. Каждый лагпункт при возможности старается сбить от себя все негодное, т. е. прежде всего слабое по трудоспособности (III-я или II-я категории, ленивых, неумелых), затем недисциплинированное, а затем урков... Получивший такую физическую или моральную калочь при первой возможности сплавляет ее другому лагпункту или возвращает назад... Вчерашняя партия, почти вся из урков, пришла к нам 3–4 часа тому назад, но месяц тому назад мы же их сплавили к теперь дарящему нам лагпункту... Это такая же картина, как откомандировки в войсках в иную часть (может быть, формирующуюся) людей, лошадей, оружия, имущества... Начинается отбор худшего: сбываются пьяницы, штрафованные, калеки, идиоты, лошади с пороками, телеги старые и т. д... Я несколько нюансирую; в действительности делалось тонко, исподтишка, отчасти. В Услоне это делается напрямую, прочно, сознательно... И никто не обижается. Это простое узаконенное бытом мошенничество. Но в указанной выше отсылке были интересны детали, которые я наблюдаю впервые. Получив 3–4 дня назад 50 человек — босых, оборванных, известным образом отобранных, пробуют их обольстить: переобувают (главный подарок), некоторым дают спецодежду (очень ценны брезентовый костюм, брезентовая накидка), переводят на ударную позицию... и смотрят. Начинается воровство, отказы от работ, переполнение карцеров, грубость и ругань... Выясняется, что пришли урки или что навязан брак... Тогда готовится процесс сбывания назад: выбирается сносное (после, видимо, широких наблюдений), а совсем уже негодное готовится к выбросу, все делается в строгой тайне

4 *Circulus vitiosus* (лат.) — порочный круг.

и я, например, служащий в канцелярии, не могу даже догадаться об этом (и тайна очень понятна: иначе пойдут просьбы, связи, сцены, хлопоты и мысль основная будет изуродована... и то успевают как-то достучаться до начальника отделения)... Наконец подходит момент отсылки; делается ряд обходных приемов, чтобы ребят сбить с толку: ведут на работы (хотя им предстоит большой путь), делают разборку по десятникам, о чем-то расспрашивают, дают сапоги (их через несколько часов возьмут обратно)... Люди сбиты с понталыку... Зовут конвойных, готовят подводу для вещей, делают переключку, приказав выйти с вещами... Начинаются движения, но поздно... Остается тонкий момент: снять сапоги и спецодежду (вчера лил непрерывный дождь)... На это имеется несколько способов... Выводят в поле (дело было летом), окружают часовыми, приносят тряпье, если у кого ничего нет и приказывают раздеться. Вчера отдельными группами или всех (я не знаю) загнали в арестантскую, и там выполнили операцию.

22 сентября 1932 г., четверг.

Несмотря на продолжающийся дождь, массу погнали в путь в темноту и дождь. Что было с этой оборванной и холодной группой, и представить трудно. Во всяком случае, представлять не хочется: картина не веселая. Вчерашняя же ночь дала исход и другим, вскрыла результаты тех стараний, которые стремились заставить людей работать при невообразимых условиях. Кроме отказов, ругани, носки спецодежды, сапог... оказалось, что многие разбрелись, 13 обнаружались только к завтраку, многие не выполнили уроков... Табелю не были закончены, получка хлеба (а благодаря ему и обеда... напомним про систему билетов) не была регулирована. В результате скандалы, ругань, бестолковщина... Весь день вышел какой-то несуразный... «Невежество, — говорил Будда, — самый ужасный из людских пороков»... Неглупый малый был этот Будда...

Ночью получен приказ, который Александра Ивановна принимала по телефону около 2 часов. Суть его сводится к тому, что ввиду прорыва на нашем отделении, город Ленина находится под угрозой топливного кризиса и поэтому надо подтянуться... Подтяжка сводится к определенным мероприятиям: соревнование, пересмотр единиц, тройки, внушения, ответственность... мелькают военные термины: боевой приказ, штурм... Говорят, несколько месяцев тому назад был такой же приказ... «Что вы читаете, приказ? Слова, слова, слова...» И ничего реального, питающего, ободряющего... Как это странно, что «реалисты» так могут мыслить идеологически!

Генерал А. Е. Снесарев награждает бойцов

Генерал А. Е. Снесарев
с семьей

Дневники генерала А. Е. Снесарева

Трагедия юксовских деревень

*Ольга Макаровна Волошина,
краевед*

Говоря о раскулачивании крестьян в юксовских деревнях, нельзя обойти историю раскулачивания в стране, так как, естественно, все взаимосвязано. Конечно же, рамки статьи не позволяют это сделать масштабно, но основные моменты выделю.

В Юксовской волости колхозы образовались достаточно поздно. Было сильное сопротивление и нежелание вести коллективное хозяйство. В юксовских деревнях никогда не было помещиков. Никогда не было крепостничества, и крестьянские семьи привыкли к индивидуальному укладу жизни и самостоятельности. Но с конца 1920-х гг. советским руководством был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства путем создания колхозов и совхозов. Если брать Присвирье, то первый колхоз создается в 1926 году в Кондушях. Но широкого распространения колхозное движение в Ленинградской области, включая Олонецкий уезд и Лодейнопольский уезд, в состав которого входила Юксовская волость, до начала 1930-х гг. не получило. Уровень коллективизации в Ленинградской области был одним из самых низких по стране. В Лодейнопольский уезд коллективизация пришла в 1931 году и сразу же встретила мощное сопротивление сельских жителей. Большое число крестьян отрицательно отреагировали, рассматривая коллективизацию как отказ Советской власти от идей декрета о земле. В народе даже говорили: «ВКП(б) — второе крепостное право большевиков». Конечно же, активное сопротивление политике коллективизации было редкостью. Но и пассивное сопротивление колхозам власти не собирались терпеть.

Раскулачивания и высылки затронули широкие слои сельского населения, даже те, которые нельзя было считать зажиточными. Термин «кулак» во многих регионах страны толковался весьма расширительно, и Ленинградская область в этом отношении не была исключением: здесь достаточно было иметь в хозяйстве больше двух коров, чтобы попасть в «кулаки» со всеми вытекающими последствиями. В реальности удар наносился по зажиточным крестьянам и середнякам, и деревня лишалась крепких хозяев. Многие семьи, квалифицированные как кулацкие или зажиточные, облагались непомерно высокими налогами, которые они

не были в состоянии заплатить, и тогда у них конфисковывали все или почти все имущество.

А также был пресловутый человеческий фактор. Есть такая поговорка: *«Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет»*. Многие из тех, кто занимался раскулачиванием, кто делал свою партийную карьеру, просто «доказывали» свою приверженность новому советскому строю количеством высланных и расстрелянных людей. Репрессии на местах сопровождались необоснованными осуждениями и сфальсифицированными уголовными делами ради отчетности. То есть определением, кто есть «кулак», а кто «средняк», занимались непосредственно на местах. Единой и точной классификации не было. В некоторых районах к кулакам приписывали тех, у кого было две коровы или две лошади, или хороший дом, несмотря на то, что в семье 10 малолетних детей. Кулачество делилось на три категории: первая («контрреволюционный актив») — подлежала аресту и могла быть приговорена к смертной казни; вторая (активные противники коллективизации) — выселению в отдаленные районы; третья — расселению в пределах района. Искусственное разделение на группы, неопределенность их характеристик создавали почву для произвола на местах. Повторюсь — составлением списков семей, подлежащих раскулачиванию, занимались местные органы ОГПУ и власти на местах при участии деревенских активистов. В документе Леноблземуправления от 1930 года предписывалось выселять кулаков без отлагательства на лесозаготовки и апатитовые разработки, а кроме того, на Урал, в Якутию и в Сибирь. Рекомендовалось не отправлять уроженцев одной местности на одно поселение. На каждые три семьи оставлялось от отобранного у них имущества по одной корове и по три овцы, а также самый необходимый инструмент. Все это на месте поселения объявлялось обобщественным. Жили раскулаченные семьи чаще всего в палатках и в землянках. Страна все гуще покрывалась сетью лагерей, поселков «спецпереселенцев» (высланных «кулаков» и членов их семей). К январю 1932 года было выселено 1,4 млн человек, из них несколько сотен тысяч — в отдаленные районы страны.

Высланных отправляли на принудительные работы (например, на строительство Беломорско-Балтийского канала), рубку леса на Урале, в Карелии, Сибири, на Дальнем востоке. Многие гибли в пути, многие — по прибытии на место, поскольку, как правило, «спецпереселенцев» высаживали на голом месте.

Из докладной записки прокурора Ленинградской области Кондратьева в обком ВКП(б) С. М. Кирову. 24 апреля 1930 г. (подлинник документа хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Фонд 393. Опись 43. Дело 1796. С. 376–387) № 157 (Совершенно секретно): *«Наряду с возбуждением уголовных дел прокуратурой, ГПУ по линии контрреволюционных выступлений кулачества с 1 января по 1 апреля с. г. пропустило че-*

рез тройку ПП ОГПУ 1563 чел., кои приговорены: 1. Высшая мера — 102 чел.; 2. Концлагерь (10 лет) — 190 чел.; 3. Концлагерь (8 лет) — 5 чел.; 4. Концлагерь (5 лет) — 488 чел.; 5. Концлагерь (3 года) — 525 чел.; 6. Концлагерь (менее 3 лет) — 64 чел.; 7. Ссылка в Северный край и Сибирский край — 67 чел.; 8. Лишение свободы — 123 чел. Итого — 1563 чел.»

Каждый район получал свою норму раскулачивания. Не обошло стороной это бедствие и юксовские деревни. Члены крестьянских семей арестованы были примерно в одно время (в декабре 1937 года) и обвинения у них были почти одинаковые. Более 30 семей было выслано из юксовских деревень в начале 30-х годов, а в числе осужденных в 1937–1938 годах было 29 жителей Юксович. Многие из них были расстреляны. В 1959 году большинство из них было реабилитировано за недоказанностью обвинений.

А теперь надо умножить это количество высланных «кулаков» на число членов семей. В каждой семье было от 6 до 15 человек. Вот и получается, что около четырехсот, а то и более жителей юксовских деревень вынуждены были оставить родные места. Нужно еще добавить к ним тех местных крестьян, которые вынуждены были тайком грузить свои пожитки на телеги и под покровом ночи сбегать из родной деревни, понимая, что следующими на очереди будут их семьи. А сколько крестьян, побросав дома и оставив родные края, уехали спасаться в города? Власти понимали, что люди массово бегут из деревни, поэтому для недопущения неконтролируемой миграции населения в декабре 1932 года были введены паспорта и система прописки. Крестьяне паспортов не получили. Без этого документа уже нельзя было переехать в город и устроиться там на работу. Покидать колхоз можно было только с разрешения его председателя. Подобное положение сохранялось вплоть до 1960-х годов двадцатого века.

Террор 1937–1938 годов в Ленинградской области был особенно страшен. В ходе операции по репрессированию, начавшейся в Ленинградской области 5 августа 1937 года, до конца того зловещего года было арестовано и осуждено особой тройкой УНКВД 28 588 человек, из которых 13 384 человека были приговорены к расстрелу, остальные 15 204 арестованных оказались в тюрьмах и лагерях.

Очень много архивных документов этого периода находятся в Выборге (Ленинградский областной архив) и в Санкт-Петербурге (Государственный исторический архив). Часть личных дел находится в архиве ФСБ Ленинградской области. В их числе списки колхозников и документы о деятельности волостных исполкомов, личные дела репрессированных и заявления Всесоюзному старосте Калинину с просьбами о том, что крестьян той или иной деревни ни за что раскулачили, и много-много других интереснейших официальных свидетельств.

Изучая архивные документы по Юковскому сельсовету 20-х и 30-х годов, можно сказать, что первые репрессивные действия в отношении юковских крестьян были сделаны пришлыми людьми.

В первые послереволюционные годы, когда создавались сельские советы, Юковский сельский совет испытывал трудности при выборе председателя сельского совета. Не умели мужики работать с документами, с бумагами, да и процент неграмотных был очень высок. Не у всех была за плечами даже церковно-приходская школа. Да и некогда им было сидеть в сельсовете: семьи кормить надо. Урожай сеять-собрать, корм для скотинки домашней заготавливать. Поэтому очень часто назначенный вновь председатель сельсовета сменял другого, назначенного менее 2–3 месяцев назад.

Именно в середине 30-х годов появились пришлые люди в Юковичах, которые и развернули борьбу с юковскими крестьянами. Один из них — Рубаев. В послереволюционный период крестьяне юковских деревень одними из последних в Лодейнопольском уезде создавали колхозы. Такие структуры власти как сельские советы, и тем более руководство ими, считалось пустой тратой времени. Как я уже писала, один председатель сельсовета сменялся другим постоянно. Именно поэтому так плохо сохранились актовые записи о браке, смерти и рождении детей в Юковском сельсовете. Работаешь с архивными документами и видишь запись в Вознесенском ВИКе или Юковском ВИКе (волостной исполком, отдел записи актов гражданского состояния): «Записано с черновой записи Юковского сельсовета». Находишь черновую запись (при условии ее сохранности). А там карандашом, на огрызке папиросной или газетной бумаги, чуть видная запись. Повторюсь, это в лучшем случае. В худшем, при смене руководителей и даже эти «огрызки» терялись. То есть документация практически не велась.

Вот выписка из отчетного доклада Юковского сельсовета за 1925–1926 годы (написано карандашом): *«Плановая работа в сельсовете отсутствовала, календари заседаний не велись. Причину являлось то, что члены сельсовета вместе с председателем уходили на побочные заработки»*. А вот среди именного списка лиц, избранных в сельсоветы в 1925 году, встречаем и характеристику на вновь избранного председателя Юковского сельсовета Анушкина Ивана Максимовича (пишу как в документе): *«крестьянин, 27 лет, образование нисшее, бедняк, безпартийный, был в Красной Армии, избирается в 1 раз, безлошадный»*. Потом его сменил Мухин Александр Фёдорович, потом Алешкин, потом Мухин Иван Николаевич, потом Елькин Андрей Иванович. Еще ранее председателем сельсовета был Котов Иван Кузьмич, далее Ишанин И. П.

Так вот, возвращаюсь к Рубаеву. Многие юковские мужики при создании колхозов не желали туда вступать и устраивались работать либо

в водное хозяйство Вознесенской пристани, либо на лесопункт в Вязострове (Вязостровский сплавной участок), который занимался заготовкой и вывозом древесины, сплавом лесозаготовок. Вот именно там и работал Рубаев. Лесоруб, член ВКП(б), тов. Рубаев, как писалось во многих протоколах тех лет. Как тогда говорили, проявлял свою партийную бдительность и политическую активность. После нескончаемой смены местных жителей в должности председателя сельского совета было решено назначить товарища Рубаева председателем Юковского сельского совета, а секретарем сельсовета — также пришлого товарища Петухова. В дальнейшем, Рубаев стал председателем одного из юковских колхозов (деревень по берегам Юковского озера было много и, соответственно, было несколько колхозов). Очень интересно читать ранние документы этого периода, которые хранятся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга.

23 марта 1931 года в Юковском отделении лесозаготовок было проведено совещание, где было обозначено, что зажиточный Стирин В. Н. разлагает лесорубов своим поведением. А также наметить к выселению за пределы Юковского сельсовета Лукина А. М., Вахроева С. М., Анисимова, Ишаниных В. М. и А. М., Кузьмина В. М., Лукичева А. Е., Абрамова И. Н., Стирина В. Н., Пикачева Н. Я. Далее уже вновь образованная ячейка ВКП(б) провела свои совещания.

В протоколах собраний Юковской сельской ячейки ВКП(б) часто обозначены следующие вопросы: «Чистка коммунистов и материалы к ним», «О чистке кулаков». На одном из совещаний было вынесено решение: *«Разбить остатки группировки Котова (Котовы из деревни Кишковщина), усилить классовую бдительность по выявлению кулаков, решительно разоблачать вылазки исключенных из партии, окончательно разбить группировки группы Котова»*. Уже достаточно долго занимаясь историей юковских деревень, зная практически всех ее жителей, очень обидно мне было читать в выписке из протокола заседания Бюро РК ВКП(б) от 31.08.1935 года об исключении из членов ВКП(б) тов. Ругозину Т. А. как бывшую торговку. Подписал данное постановление председатель Юковского сельсовета Рубаев. А ведь Татьяна Алексеевна Ругозина — одной из первых юковских крестьянок приняла советскую власть и была зачинщицей самых лучших начинаний в юковских деревнях. Это создание детского садика (был создан в деревне Соболевщина, заведующей была Польшкина Мария Алексеевна из Соболевской, а поваром — Архипова Е. И.), организация женских трудовых артелей. Она принимала самое активное и искреннее участие в создании первых юковских колхозов. Люди ее очень уважали и прислушивались к ней. После смерти мужа она, вдова, терпеливо и мужественно поднимала своих детей. Некоторое время она выезжала в Петроград и там торговала на рынке, опять же, только чтобы выжить.

И вот это ей и вменили в вину. Читала ее характеристику: «Ругозина Татьяна Алексеевна, 1875 г. р., член ВКП(б) с 1931 года. С 6 до 11 лет няня, с 11 до 19 лет — прислуга. В 19 лет вышла замуж». Не проживая в деревне, не понимая ее жизни, пришлые руководители выносили свои вердикты. В одном из отчетных докладов юковской парторганизации прочитала интересную характеристику на племянника моего родного дедушки, Якушева Ивана Ивановича, Якова Максимовича Якушева, который перед войной возглавлял юковский колхоз «Наш путь»: «тов. Якушев Яков Максимович совершенно не читает краткий курс ВКП(б) и даже не всегда читает газеты, а также не читает историю ВКП(б), а также тов. Якушев не доводит до масс партийных решений и колхозники ничего не ведают об авангардной роли коммунистов, но как руководитель колхоза справляется хорошо со своей работой и колхоз „Наш путь“ — в передовых». А следом идет характеристика на Терешкина Фёдора Прокопьевича, 1887 г. р.: *«над повышением своего идейно-политического уровня работает слабо. Краткий курс ВКП(б) читает 6 глав, но не конспектирует»*. Да, некогда было мужикам этим заниматься. Сеять надо было, урожай убирать и выполнять привычную сельскую работу.

Списки раскулаченных крестьян Юковского сельсовета

Списки неполные. Поисковая работа продолжается. В этих списках указан только глава семьи. Все остальные члены семьи указаны в деле репрессированного главы семейства. В скобках мною указано старое, дореволюционное название деревни.

♦ Мухин Александр Фёдорович, уроженец и житель деревни Кустово (Старая Тарага), 1897 г. р. — председатель колхоза «Прожектор». Арестован 6 августа 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области, 22 августа 1937 года приговорен по ст.ст. 58-7-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинграде 24 августа 1937 года.

♦ Лукин Василий Иванович, уроженец и житель деревни Габаново (Новая Тарага), 1895 г. р. — десятник лесокombината Свирьстрой-2. Место проживания: п. Свирь-2 Подпорожского р-на Ленинградской области, 19-й квартал. Арестован 16 декабря 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области, 30 декабря 1937 г. приговорен по ст.ст. 58-8-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

♦ Лукин Никифор Михайлович, уроженец и житель деревни Габаново (Новая Тарага), 1887 г. р. Арестован 27 февраля 1938 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области, 14 марта 1938 года пригово-

рен по ст.ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в 1938 году.

♦ Лукин Пётр Михайлович, уроженец и житель деревни Габаново (Новая Тарага), 1869 г. р. В 1932 году был выслан вместе со всей семьей. 17 декабря 1937 года вновь арестован по ст.ст. 58-9-10-11 УК РСФСР. Осужден 30 декабря 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

♦ Климов Иван Матвеевич, 1873 г. р., уроженец д. Наволок (дер. Марковская) Юковского с/с Вознесенского р-на Ленинградской области. Перед арестом проживал в деревне Габаново Юковского с/с. Арестован 18 декабря 1937 года, приговорен 30 декабря по ст. ст. 58-9-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

♦ Владимиров Тимофей Васильевич, уроженец деревни Соболевской Юковского прихода, 10 лет лагерей.

♦ Владимиров Пётр Васильевич, уроженец деревни Соболевской Юковского прихода, 10 лет лагерей.

♦ Ивановский Апполон Николаевич. Родился в 1880 году в селе Юковичи (дер. Юковский Погост) в семье юковского священника. Служитель культа — священник, проживал в с. Деледино Молоковского р-на Калининской обл. Арестован 10 февраля 1938 года. Приговорен тройкой УНКВД по Калининской области 13 февраля 1938 года к высшей мере наказания. Расстрелян 15 февраля 1938 года.

♦ Ишанин Павел Егорович, 1885 г. р., уроженец и житель д. Рябовщина Вознесенского р-на Ленинградской области, русский, беспартийный, член колхоза «Красный труженик». Арестован 24 февраля 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 марта 1938 года приговорен по ст.ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 18 марта 1938 года.

♦ Ишанин Илья Иванович, 1881 г. р., уроженец деревни Рябовщина (деревня Отхожие Поля). Арестован в марте 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 17 апреля 1938 года приговорен по ст.ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в 1938 году.

♦ Анисимов Георгий (в некоторых документах Егор) Петрович, 1877 г. р., уроженец деревни Рябовщина (дер.Отхожие Поля). Обвинен по ст. СНК и ЦИК от 01.02.1930 года. Осужден в 1931 году Вознесенским РИК. Приговорен к выселению в Мурманскую область, Кандалакшский р-н, п. Нива-3.

♦ Белоусов Терентий Егорович, 1876 г. р., деревня Гришкино (дер. Лыткинская), Юковского сельсовета Вознесенского р-на Ленинград-

ской области, член колхоза «Прожектор». Арестован 8 декабря 1937 года по ст.ст. 58-9-10-11 УК РСФСР. Осужден 30 декабря 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

♦ Назарков Андрей Иванович, 1894 г. р. уроженец и житель деревни Конец (дер. Поташевская) Вознесенского р-на Ленинградской области. Десятник Лесокомбината, место проживания: ст. Свирь-2 Подпорожского р-на Ленинградской области, Нижний городок, д. 5, комн. 2. Арестован 16 декабря 1937 года. Обвинен по ст.ст. 58-10-11 УК РСФСР. Осужден 30 декабря 1937 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области по статье: 58, п. 10–11 УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

♦ Кузьмина Евдокия Савельевна, 1882 г. р., жительница деревни Конец (дер. Ключинская) Вознесенского р-на Ленинградской области. Обвинена пост. СНК и ЦИК от 01 февраля 1930 года. Осуждена в 1931 году Вознесенским РИК. Приговорена к выселению в Мурманскую область, Кандалакшский р-н, п. Нива-2.

♦ Кузьмин Василий Николаевич, 1897 г. р. житель деревни Конец (дер. Ключинская) Вознесенского р-на Ленинградской области. Обвинен пост. СНК и ЦИК от 01 февраля 1930 года. Осужден в 1931 году Вознесенским РИК. Приговорен к выселению в Мурманскую область, Кандалакшского р-на Карельской АССР (Трудпоселенец Белбалтлага НКВД, т/п Нивастрой, техник-геодезист) был снова арестован 1 ноября 1937 года по ст.ст. 58-2-10-11. 29 ноября 1937 года приговорен к высшей мере наказания и 15 декабря того же года расстрелян. Место расстрела: станция Медвежья Гора (Сандормох), Карелия.

♦ Тавзин Николай Дмитриевич, 1870 г. р., д. Кишковщина (дер. Кишковская) Вознесенского р-на Ленинградской области, крестьянин. Арестован 27 февраля 1938 года по ст.ст. 58-7-10-11 УК РСФСР. Осужден 14 марта 1938 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в 1938 году.

♦ Полькин Василий Васильевич, 1889 г. р., Ленинградская область, Вознесенский р-н, д. Соболевщина (дер. Соболевская), бригадир колхоза «Красный труженик». Арестован 2 ноября 1937 года по обвинению за «систематическое проведение контрреволюционной агитации, направленной на развал колхозного строя». Осужден 20 ноября 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области. Приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. (Его сын, Глеб Полькин был призван в Красную Армию и погиб в плену в лагере: шталаг VIII Е (308), Лагерный номер: 25052; племянник, старшина Красной Армии Олег Георгиевич Полькин погиб 14 января 1944 года).

◇ Вохруев (Вахруев в некоторых документах) Семён Михайлович, 1892 г. р., Ленинградская область, Вознесенский р-н, д. Соболевщина (дер. Соболевская). Обвинен пост. СНК и ЦИК от 01 февраля 1930 г. Осужден в 1931 году Вознесенским РИК. Приговорен к выселению в Мурманскую область, г. Кировск.

◇ Захарков Пётр Иванович, 1900 г. р., дер. Залесье Юковского сельсовета Вознесенского р-на Ленинградской области, бухгалтер Продторгпита. Проживал в деревне Берег Подпорожского р-на Ленинградской области. Арестован 16 декабря 1937 года. Обвинен по ст.ст. 58-10-11 УК РСФСР. Осужден 30 декабря 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области по ст. 58, п. 10–11 УК РСФСР. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

◇ Стирин Михей Иванович, 1870 г. р., деревня Посад (дер. Клишинская) Юковского сельсовета Вознесенского р-на Ленинградской области. Арестован 16 декабря 1937 года. Обвинен по ст.ст. 58-10-11 УК РСФСР. Осужден 30 декабря 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области по ст. 58, п. 10–11 УК РСФСР. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

◇ Яшкин Терентий Михайлович, 1868 г. р., дер. Посад (дер. Клишинская) Юковского сельсовета Вознесенского р-на Ленинградской области, член колхоза «Красная Заря». Арестован 16 декабря 1937 года. Обвинен по ст.ст. 58-10-11 УК РСФСР. Осужден 30 декабря 1937 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области по ст. 58, п. 10–11 УК РСФСР. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 января 1938 года.

◇ Сытов Николай Егорович, 1893 г. р., уроженец и житель деревни Родионово (дер. Ольховская) Вознесенского р-на Ленинградской области, русский, беспартийный, формовщик Карнаволоцкого завода. Арестован 1 марта 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 марта 1938 года приговорен по ст.ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 18 марта 1938 года.

◇ Котов Пётр Васильевич, 1880 г. р., уроженец деревни Кишковщина (дер. Кишковская) Вознесенского р-на Ленинградской области, русский, беспартийный, рабочий коммунального хозяйства, проживал: Свирьстрой-3 Лодейнопольского р-на Ленинградской области, 3-й стандартный городок, барак № 1077. Арестован 5 августа 1937 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 13 сентября 1937 года приговорен по ст. 58–10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 13 сентября 1937 года.

◇ Гладышев Василий Андреевич, 1890 г. р., уроженец деревни Посад (дер. Клишинская) Вознесенского р-на Ленинградской области, русский, беспартийный, член колхоза «Красный труженик», проживал: д. Соболевщина (дер. Соболевская) Вознесенского р-на. Арестован

27 февраля 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 марта 1938 года приговорен по ст.ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

♦ Игнашков Дмитрий Егорович, 1890 г. р., уроженец деревни Гришкино (дер. Лыткинская), Вознесенского р-на Ленинградской области, лесник леспромхоза Свирлеса. Место проживания: д. Гришкино Вознесенского р-на Ленинградской области. Арестован 5 марта 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 марта 1938 года приговорен по ст. 58–10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в 1838 году.

♦ Игнашков Иван Егорович, 1895 г. р, уроженец деревни Гришкино (дер. Лыткинская) Вознесенского р-на Ленинградской области, член колхоза «Прожектор». Место проживания: д. Гришкино Вознесенского р-на Ленинградской области. Арестован 10 февраля 1938 года. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 марта 1938 года приговорен по ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в 1838 году.

♦ Голубев Никифор Иванович, 1887 г. р., деревня Посад (дер. Климшинская) Юксовского сельсовета Вознесенского р-на Ленинградской области, крестьянин, плотник. Арестован 28 февраля 1938 года. Обвинен по ст.ст. 58-10-11 УК РСФСР. Осужден 14 марта 1938 года Особой тройкой УНКВД Ленинградской области по ст. 58, п. 10–11 УК РСФСР. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в 1938 году.

♦ Тюрин Василий Филлипович, 1890 г. р. дер. Семёновская 1-я деревни Соболевщина. Обвинен по ст. СНК и ЦИК от 01 февраля 1930 года. Осужден в 1931 году Вознесенским РИК. Приговорен к выселению в Мурманскую область.

♦ Варапайкин Григорий Максимович, дер. Посад (дер. Климшинская). Обвинен пост. СНК и ЦИК от 01 февраля 1930 года. Осужден в 1931 году Вознесенским РИК.

Были выселены по решению бедняцкого собрания, совместно с партийно-комсомольским архивом, который подготовил характеристики для высылаемых глав крестьянских семей, Юксовского сельсовета от 27 марта 1931 года. Обвинены пост. СНК и ЦИК от 01 февраля 1930 года. Осуждены в 1931 году Вознесенским РИК. Приговорены к выселению в Мурманскую область:

♦ Абрамов Иван Николаевич, 1870 г. р. из деревни Кустово (бывшая дер. Старая Тарага);

♦ Стирин Василий Николаевич из деревни Посад (дер. Климшинская);

♦ Лукичев Андрей Егорович из деревни Родионово (дер. Соболевская);

- ◇ Кузьмин Василий Николаевич, 1897 г. р., житель дер. Конец (дер. Ключинская), Вознесенского р-на Ленинградской области (уже после выселения в 1931 году 29 ноября 1937 года приговорен к высшей мере наказания и 15 декабря 1937 года расстрелян);
- ◇ Анисимов Егор Петрович, 1877 г. р., уроженец дер. Рябовщина (дер. Отхожие Поля);
- ◇ Ишанин Василий Михайлович, дер. Рябовщина (дер. Отхожие Поля);
- ◇ Вахроев Семён Михайлович, 1892 г. р. уроженец д. Соболевщина (дер. Соболевская);
- ◇ Пикачев Никита Яковлевич, уроженец д. Семёновской (в советское время вошла в состав деревни Соболевщина);
- ◇ Ишанин Алексей Михайлович, дер. Рябовщина (дер. Отхожие Поля);
- ◇ Ишанин Фёдор Васильевич, 1902 г. р., уроженец дер. Рябовщина (дер. Отхожие Поля).

Жизнь на Севере в спецпоселениях

Ольга Макаровна Волошина,
краевед

Немного напишу о поселке Имандра, в который была выслана семья Абрамовых из деревни Кустово (дер. Старая Тарага): глава семьи, Абрамов Иван Николаевич, его жена (обоим было уже за 60), дочь, зять Анушкин Александр Максимович, родом из деревни Родионово (дер. Ольховская) и двое малолетних внуков, Иван, 1926 г. р. и Василий, 1929 г. р., соответственно, на момент высылки в 1931 году, 5-ти и 2-х лет.

Итак. Поселок Имандра, Мурманская область, Кольский полуостров. Даже сейчас на Кольском полуострове есть немало глухих уголков. Одно из таких мест — Имандра. Небольшая станция, открытая, как и вся дорога, в 1916 году, и маленький поселок, выросший при ней. А вокруг всего этого — лес, величественные Хибины и озеро Большая Имандра, от которого станция и поселок и получили свое название. Именно в эти глухие места и были высланы потомки моей прапрабабушки по женской линии (одна из дочерей Абрамовых была выдана за Мухина в деревню Габаново (Старая Тарага).

Спецсообщение УНКВД от 29 января 1939 г. Совершенно секретно.

«На лесопункте Имандра, подпункте „Новостройка“ Кольского лесокомбината, находящемся от ст. Имандра в 30 км работают 26 человек рабочих. Недопустимо безобразные жилищно-бытовые условия рабочих. Рабочие не имеют белья, одеял, простыней, наволочек и стирать белье не предоставляется возможным, так как в сушилке готовят пищу. Снабжением спецодеждой руководители Кольского лесокомбината не занимаются. За все время рабочие подпункта „Новостройка“ получили лишь 2 фуфайки и 3 брюк.

На имеющейся одной торговой точке в течение всего декабря 1938 года и января 1939 года не было мяса, рыбы, белого хлеба и овощей. Абсолютно нет никаких промтоваров. В ларьке имеются только консервы по 4 р. 90 коп., что рабочим не доступно. Хлеб забрасывается в торговый ларек один раз в три дня, вследствие чего он всегда бывает черствый. У рабочих нет предметов бытовой необходимости, как-то: вилок, ножей, стаканов, тарелок и т.д. Медицинской помощи на подпункте нет. Фельдшер на подпункт не заезжает. В баню рабочие вынуждены ходить за 7–8 км, так как в имеющейся бане живут люди.

Такое же положение и на остальных подпунктах Имандровского лесоучастка: Печозеро, Кука и на самом участке на ст. Имандра.

Руководство Кольским лесокомбинатом (Управляющий Родькин, член ВКП(б), и Батарин, беспартийный) мер к улучшению жилищно-бытовых

*условий рабочих не принимают и на лесопунктах в 1938–39 годы не были. Спецпоселенцы размещаются в бараках со стенами из жердей. Щели за-
тыкают тряпками, мхом, дощечками. Семья Кинслеров из девяти человек
живет на четырех квадратных метрах. Из двух железных бочек сделали
печки, где сушили одежду после работы на лесоповале...»*

То есть условия для проживания и работы были ужасными. Смерт-
ность страшная. Особенно — детская. Вероятно, малые дети, внуки Абра-
мовых, Ваня и Вася, умерли, либо во время пути на поселение, либо
не вынесли тягот жизни уже на месте. Работали на лесопункте. Лесо-
пункт — это примерно то же самое, что и леспромхоз, только масштаба-
ми меньше. Заготавливали лес вручную, по пояс в снегу зимой, техники
тогда особой не было. Из зарплаты каждого человека высчитывалось
10 процентов на содержание коменданта. Комендант был царь и бог.

Официальная часть работы коменданта — выгонять на работы, следить
за выполнением норм выработки и за порядком. Неофициально — все
зависело от личности коменданта. Комендант мог застрелить человека,
и ему никакого наказания за это не было. Если комендант был холостой,
то он позволял себе всякие мерзости в отношении женщин. В поселке
комендант следил за поведением поселенцев, ловил беглецов, которые
пытались сбежать из поселка. В непроходимой тайге удавалось это не-
многим. Многие были с детьми, с которыми далеко не уйдешь. Беглецов
находили с овчарками и возвращали обратно, после наказывали, сажали
в карцер. При повторной попытке бегства отправляли в лагерь. То, что
высланная семья Абрамова была там достаточно долго, я смога просле-
дить через судьбу зятя, Анушкина Александра Максимовича. Именно с пос.
Имандра он был призван на защиту Родины, когда началась война. Воевал
в 1044-м стрелковом полку 289-й стрелковой дивизии. По одним сведени-
ям пропал без вести, по другим — погиб в бою в Карелии на Кестеньгском
направлении (сведения 1944 года). Похоронка была отправлена в Архан-
гельскую область, Емецкий район, д. Жадовка, Анушкиной Екатерине Ива-
новне, 8 июня 1846 года. Вероятно, семья переехала туда после войны.

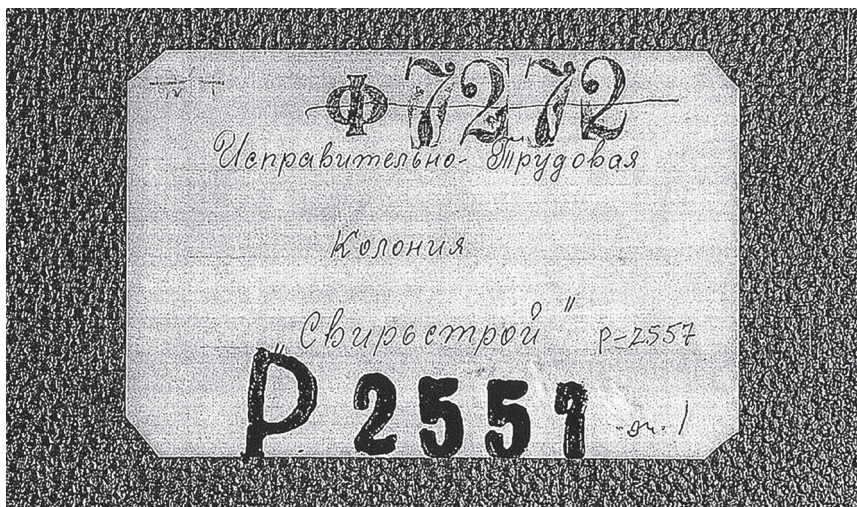
И еще об одном юксовском крестьянине мне хочется поведать земля-
кам. А именно об Ишанине Фёдоре Васильевиче, 1902 г. р. Фёдора Ва-
сильевича вернули из армии по решению того же бедняцкого собрания
совместно с партийно-комсомольским активом Юксовского сельсовета
от 27 мата 1931 года. «...просить вышестоящие органы власти об от-
зыве сына кулака Ишанина Фёдора Васильевича из рядов Красной Армии
(он служит в Архангельске, в 10-й стрелковой дивизии имени Северного края
20-го артиллерийского полка командиром взвода). Фёдору на тот момент
было 29 лет и он решил стать профессиональным военным. В 1924 году
Фёдор пошел в армию, а потом в военное училище. Он хотел посвятить
свою жизнь защите Родины. Но нет. Его вызвали из армии в 1931 году и вме-

сте со всей семьей отца выслали на Кольский полуостров, на лесоповал. Когда-нибудь я более подробно опишу его жизнь. Сейчас же, просто, приведу его послужной список в годы Великой Отечественной войны, один из его подвигов, по которым станет ясно, что, если бы он состоялся как военный, то это был бы настоящий офицер с лучшими качествами военного. Войну он, кстати, закончил в 1947 году в должности капитана. Служил в воинской части 260-й отдельной бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота, 136-го опаб. ОВМБ КБФ, 136 отдельном пулеметном артиллерийском батальоне, осуществлял береговую оборону Главной базы Краснознаменного балтийского флота. Служил достойно. Получил награды: 4 медали «За боевые заслуги», 2 Ордена Красной Звезды, медаль «За оборону Ленинграда», 2 медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Приведу краткое изложение подвига (из наградного листа в 1942 году): «Как командир огневого взвода проявил себя стойким, знающим командиром. В течение 3-х месяцев совершенствовал оборону своего участка на льду. В самый тяжелый период пребывания на льду, когда сверху появилась вода, достигавшая 40 см, и лед под пушками прогибался, он личным примером увлекал краснофлотцев на борьбу со стихией, чтобы удержать плацдарм. Будучи болен и ранен, не покидал передовой полосы. Благодаря находчивости, правильной и своевременной оценке создавшегося положения командир огневого взвода тов. Ишанин своевременно принял и спас все пушки и боезапас. За весь зимний период не имел потерь ни в технике, ни в живой силе». Прочитала, написала и прямо гордость взяла за простого юксовского крестьянина. Орел. Как и многие многие другие защитники нашей Родины, ребята и девочки, родившиеся и выросшие в старинных деревнях по берегам Юксовского озера. Об этом я еще напишу. Обо всех воевавших, выживших, погибших, раненых, попавших в плен, но сумевших защитить Родину, несмотря на то, что у многих была трудная полоса в жизни, связанная с коллективизацией родных мест.

Всем, кто хочет узнать о судьбе своих репрессированных прадедов, я бы порекомендовала обратиться в Информационный центр ГУ МВД РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Литейный пр., д. 4, Санкт-Петербург, 191123), в архив Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Литейный пр., д. 6, Санкт-Петербург, 191123), а также в Ленинградский областной архив города Выборга (ул. Штурма, д. 1, г. Выборг, Ленинградская область, 188800). Информация о спецпоселенцах, раскулачивании находится, как правило, в региональном Информационном центре МВД РФ. На первоначальном этапе, конечно же, можно посмотреть интернет-источники (электронные книги памяти жертв политического террора в СССР, расстрельные списки, форум по поиску репрессированных (ВГД), форум по раскулачиванию (ВГД)).

Архивы свирских лагерей

Елена Эдуардовна Мясж,
начальник отдела использования
и публикации документов ГКУ «Ленинградский областной
государственный архив в г. Выборге»

В XX веке Россия пережила немало трагичных периодов политических репрессий. Самые массовые репрессии пришлись на тридцатые годы прошлого столетия. Пострадали практически все слои населения страны: рабочие и крестьяне, военные, интеллигенция, священнослужители. Массовые аресты и ссылки, казни и расстрелы прокатились в те годы по стране. Счет жертвам велся на миллионы.

История политических заключенных, исправительно-трудовых колоний, лагерей — тема, которая не оставляет равнодушными до настоящего времени большое число исследователей. Особый интерес вызывает история тех исправительно-трудовых колоний и лагерей, деятельность которых проходила под грифом «Совершенно секретно».

В двух фондах Ленинградского областного государственного архива в городе Выборге отложились отдельные документы по Свирлягу.

Это фонд «Исправительно-трудовой колонии № 1 Свирьстрой — отдела мест заключения Управления НКВД по Ленинградской области». Дела фонда поступили в Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области в 1952 году из архивного отдела НКВД Ленинградской области. 14 ноября 1960 года документы были рассекречены. В 1961 году данный фонд был передан в Государственный архив Ленинградской области в Выборге.

И фонд «Отдел лагерей и мест заключения Управления НКВД Ленинградской области» поступил из архивного отдела УМВД в 1940 году. В 1960 году этот фонд был рассекречен, а в 1961 году передан в Государственный архив Выборга.

В документах фонда исправительно-трудовой колонии «Свирьстрой» за 1931 год содержатся циркуляры, приказы, распоряжения по содержанию заключенных.

В документах за 1932 год содержатся приказы, распоряжения, списки лишенных свободы, прибывших в ИТК из других мест заключения, заявления доверенных лиц о готовящихся побегах, письма заключенных к своим родным с описанием жизни в колонии.

В документах за 1933 год содержатся циркуляры Управления исправительно-трудовых учреждений Ленинградской области, приказы по Исправительно-трудовой колонии, списки лишенных свободы и этапированных из других исправительно-трудовых колоний (с указанием ФИО, социального положения, статьи, срока наказания, отчеты о политико-моральном состоянии лишенных свободы с разделением на сословия, заявления заключенных о готовящихся побегах, письма заключенных, сведения об использовании рабочей силы из числа осужденных, акты обследования ИТК).

В документах за 1934 год содержатся приказы Начальника Управления ИТУ ЛО о порядке конвоирования и охраны заключенных, статистические данные о наличии и движении лиц, лишенных свободы, обязательства бригад из числа лишенных свободы по круговой поруке, списки заключенных.

Наибольшее количество документов содержится в делах фонда Свирьстроя за 1935 год. К этому периоду относятся: циркуляры, приказы и распоряжения начальника отдела мест заключения, акты о несчастных случаях, табели выхода на работу лиц, находящихся в заключении. Статистические сведения о наличии и движении заключенных с левого берега реки, непосредственно из Свирьстроя, на правый берег реки — в Свирлаг, о количестве бежавших, заболеваниях и смертности, ведомости движения заключенных специалистов, списки штрафников, списки, удостоверения и другие сведения о сотрудниках исправительно-трудовой колонии, выписка из временной инструкции о снабжении за-

ключенных продуктами питания, статистические сведения о заболеваемости и смертности в колонии.

Последние документы этого фонда датированы февралем 1936 года и содержат приказы, отчеты о производстве работ и обязательства бригад заключенных о круговой поруке на производстве.

Среди дел этих фондов есть дела, относящиеся непосредственно и к Свирлаг, самому близкому к Ленинграду «острову» ГУЛАГа.

Так, в делах фонда «Отдел лагерей и мест заключения Управления НКВД Ленинградской области» за 1935 год содержатся приказы, свод движения железнодорожных маршрутов, сведения о планах работ политико-воспитательного отдела Свирлага, отчеты о соревнованиях и ударничестве, квартальные отчеты этого же отдела за второй квартал, статистические сведения о культурно-воспитательной работе Свирлага за второй квартал, о работе женских бригад лагеря, отчет о культурно-воспитательной работе за 3 квартал 1936 года.

Из документов мы видим, что главное управление Свирлага находилось в Лодейном Поле. А сам лагерь занимал территорию Лодейнопольского и Подпорожского районов. В Свирлаге содержались и уголовные и политические заключенные. Задача руководства лагеря, как и всей системы ГУЛАГа, была двоякой: во-первых, наказать «несогласных» и держать в страхе остальных, во-вторых, использовать труд заключенных в качестве бесплатной рабочей силы. Узники Свирлага занимались заготовкой дров для Ленинграда и области — рубкой леса, распиловкой, сплавом.

С 1931 года в Свирлаге культурно-воспитательным отделом лагеря издавалась газета «Свирский ударник». Один экземпляр этой газеты № 57 от 10 июля 1935 года также находится в делах фонда.

Особый интерес вызывают справки об установочных данных заключенных Свирлага, заявления заключенных, список детей заключенных, находящихся с родителями (возраст таких детей от 1 года до 15 лет), ходатайства руководства лагеря об отправке детей в детские дома. К примеру, обращение гражданки Абрамовской от 17 ноября 1936 года к руководству лагеря с просьбой уведомить ее о месте нахождения сына — Баранова Николая Фёдоровича и ответ начальника УРО Логинова о его смерти еще в мае 1936 года. Имеется также отчет по культурно-воспитательной работе за 3-й квартал 1936 года.

Все эти документы еще мало изучены исследователями, но интерес к ним, как и к трагическому периоду массовых репрессий, только возрастает. Надеемся, что все эти документы, хранящиеся в Ленинградском областном государственном архиве, помогут исследователям и историкам в изучении этой темы и смогут детальней раскрыть прошлое Свирлага.

№/Л № 71346

СПРАВКА

ОБ УСТАНОВОЧНЫХ ДАННЫХ ЗАКЛЮЧЕННОГО СВИРЛАГ НКВД

Фамилия, имя, отчество ЗАТНЕВ
ФЕОДОР ДМИТРИВИЧ,

Год рождения 1908 Кат. трудосп. Историк.

Соц. происхождения из рабочих

Соц. имущ. положение до суда рабочий.

Специальность Котельник

Прежние судимости судим по ст. 72 и 74 УК

Кем и когда осужден О Деж. кам. Г. Л. - да 18.8.84 г.

По ст. ст. УК 72 и 74 сроком на 2 лет.

Начало срока 11 августа 1937 г. Зачтено _____ р/дней

Конец срока 193 г. Прибыл в лагерь 11 XI.34 г.

Выполняемая работа в лагере _____ года.

ЛОГАВ. Ф. Р-2534. Оп. 1. Д. 217. Л. 10.

ХАРАКТЕРИСТИКА

№/ Заключен ЗАТНЕВ работал рабочим плаварезки, к отношению не всегда ответственно. В 1935г. отсутств. на лагеря длительн. зачета рабочих дней, в общ.ной и к/конт. мащ.обозв. работе себя не проявил, в свободное время по болезни не работал.

Начальник Управления _____

11 Октября 1938 г.

2-МР-26-УР 636 Р

К 230

д. № _____ Вх. № _____ На № _____

(При ответах ссылаться на наш номер и дату)

НАЧАЛЬНИКУ ОЛМЗ УНКВД ЛЕНОБЛАСТИ

Л Е Н И Н Г Р А Д

В ответ на наше отношение от 17/1-36 г. за № 53-153 с приложением списка на детей, родители которых находятся в заключении в СВИРЛАГЕ НКВД, Вы нам сообщили, что детям будут предоставлены места в детдома и несмотря на это до сего времени нам не предоставили ни одного места.

Считаем необходимым еще раз Вам напомнить, что в настоящее время, количество вышеозначенных детей не уменьшилось и с наступлением учебного года стоит неотложный вопрос об их учебе. Лодерно-польский Районный отдел Народного Образования, несмотря на наше к ним обращение, за неимением детдомов от детей отказался. Ждем Ваших срочных указаний.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ _____

НАЧАЛЬНИК 1У ОТДЕЛА _____

31 АВГ 1938

777 1000

ЛОГАВ. Ф. Р-2534. Оп. 1. Д. 217. Л. 18.

1. Карамышину и. м. г. Свирский.
 2. Дворовых бр. 188
 3. Саран. К. м. л. 328.
 4. Иодеревит. Ал. др. 244.
 5. Задвелевич.
 6. Наставнику довозку до вагона
 сведения метаморфозу из дог.
 К. С. соображениях и семантике.
 1. К. Ардудимовича. Крестовник.
 2. Карамыш.
 3. Исаков Ал.-св. Св.
 4. Тафолов. амурский дог.
 5. Исаков. Крестовник.
 6. К. Алеников.
 Ал. м. о. 6. Глазов.
 1940-41. Д. Р. Ардудимович

ЛОГАВ. Ф. Р-2557. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.

11

№№ по порядку	Наименование работ в течение месяца	Единица измеренная единица	Примечание
1	Св. Карамыш		
2	Св. Карамыш		
3	Св. Карамыш		
4	Св. Карамыш		
5	Св. Карамыш		
6	Св. Карамыш		
7	Св. Карамыш		
8	Св. Карамыш		
9	Св. Карамыш		
10	Св. Карамыш		
11	Св. Карамыш		
12	Св. Карамыш		
13	Св. Карамыш		
14	Св. Карамыш		
15	Св. Карамыш		
16	Св. Карамыш		
17	Св. Карамыш		
18	Св. Карамыш		
19	Св. Карамыш		
20	Св. Карамыш		
21	Св. Карамыш		
22	Св. Карамыш		
23	Св. Карамыш		
24	Св. Карамыш		
25	Св. Карамыш		
26	Св. Карамыш		
27	Св. Карамыш		
28	Св. Карамыш		
29	Св. Карамыш		
30	Св. Карамыш		
31	Св. Карамыш		
32	Св. Карамыш		
33	Св. Карамыш		
34	Св. Карамыш		
35	Св. Карамыш		
36	Св. Карамыш		
37	Св. Карамыш		
38	Св. Карамыш		
39	Св. Карамыш		
40	Св. Карамыш		
41	Св. Карамыш		
42	Св. Карамыш		
43	Св. Карамыш		
44	Св. Карамыш		
45	Св. Карамыш		
46	Св. Карамыш		
47	Св. Карамыш		
48	Св. Карамыш		
49	Св. Карамыш		
50	Св. Карамыш		
51	Св. Карамыш		
52	Св. Карамыш		
53	Св. Карамыш		
54	Св. Карамыш		
55	Св. Карамыш		
56	Св. Карамыш		
57	Св. Карамыш		
58	Св. Карамыш		
59	Св. Карамыш		
60	Св. Карамыш		
61	Св. Карамыш		
62	Св. Карамыш		
63	Св. Карамыш		
64	Св. Карамыш		
65	Св. Карамыш		
66	Св. Карамыш		
67	Св. Карамыш		
68	Св. Карамыш		
69	Св. Карамыш		
70	Св. Карамыш		
71	Св. Карамыш		
72	Св. Карамыш		
73	Св. Карамыш		
74	Св. Карамыш		
75	Св. Карамыш		
76	Св. Карамыш		
77	Св. Карамыш		
78	Св. Карамыш		
79	Св. Карамыш		
80	Св. Карамыш		
81	Св. Карамыш		
82	Св. Карамыш		
83	Св. Карамыш		
84	Св. Карамыш		
85	Св. Карамыш		
86	Св. Карамыш		
87	Св. Карамыш		
88	Св. Карамыш		
89	Св. Карамыш		
90	Св. Карамыш		
91	Св. Карамыш		
92	Св. Карамыш		
93	Св. Карамыш		
94	Св. Карамыш		
95	Св. Карамыш		
96	Св. Карамыш		
97	Св. Карамыш		
98	Св. Карамыш		
99	Св. Карамыш		
100	Св. Карамыш		

ЛОГАВ. Ф. Р-2557. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

518 Шел
 11/17
 Областному Прокурору
 г. Свирь, З/к. Зейцев ср. Д.
 Заслуженный
 Прошу Вашего расследования
 дело по поводу моего пособия
 и инвалидности, так как я
 работаю срок неказану при
 бирских исправительно трудовых
 лагерях, с 1934г. и по 1936г. где я
 работал сезонно и во время
 работы на цинко-резерв мне
 резало левую ногу выше колен
 и состояние брши и нервов.
 и левую ногу и не могу сейчас
 работать и мне не посто существовать
 и свободился в 18го мая и отнес пор
 моему подругам пособие для
 и существованию, Начальник сан-отдела
 Свирлага обещал мне к тому времени

Опыт создания икон Свирских новомучеников

*Александр Васильевич Медведев,
член Союза художников и Союза писателей России,
руководитель иконописной мастерской Леушинского подворья*

Юбилейный Архиерейский Собор 13–16 августа 2000 года постановил «прославить для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской XX века, поименно известных и донныне миру не явленных, но ведомых Богу».

21 мая 2017 года в храме св. апп. Петра и Павла г. Лодейное Поле Пресвященным Мстиславом, епископом Тихвинским и Лодейнопольским была совершена праздничная литургия в день памяти Собора Свирских новомучеников. Среди икон Крестного хода была новописанная, созданная художницей иконописной мастерской «Хризолит» храма святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова Людмилой Соколовой. Икона включала семь образов:

- ♦ священикомученик Сергей (протоиерей Сергей Мечёв),
- ♦ мученица Кира (княжна Кира Оболенская),
- ♦ священномученик Борис (диакон Борис Семёнов),
- ♦ священномученик Августин (архиепископ Калужский, в миру Александр Александрович Беляев),
- ♦ священномученик Иаков (иерей Иаков Бобырев),
- ♦ преподобномученик Аристарх (иеромонах, в миру Александр Фёдорович Заглодин-Кокорев),
- ♦ преподобномученица Мстислава (монахиня, в миру Мария Семёновна Фокина).

В дальнейшем иконописец Светлана Медведева написала икону «Собор Свирских новомучеников» и отдельные иконы священномученика Сергея (Мечёва) и священномученика Бориса (Семёнова).

Опыт создания икон святых нового времени только складывается, поэтому рассказ о методе нашей мастерской в работе по данной теме может быть интересен.

После закрытия в 1920-х годах иконописных мастерских источником возрождения современной иконописи становится Троице-Сергиева лавра. Стараниями монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой) в стенах Московской духовной академии в 1950-е годы возродилась

Икона «Собор новомучеников и исповедников Свирских»
(храм святых апостолов Петра и Павла, г. Лодейное Поле)

иконописная школа, затем ее ученики продолжили дело в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Возрождение традиции шло с богословским осмыслением и историческим исследованием.

Первым делом в иконописной школе, согласно традициям, разработали образы новомучеников и исповедников Русской Церкви. Монахиня Иулиания под руководством святителя Афанасия (Сахарова) создала икону «Все Святые, в земле Русской просиявшие». Благодаря участию богословов, церковных историков и опытных иконописцев Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в разработке иконы, композиция, основанная на типах XVI века, получила глубокое развитие.

«Собор новых мучеников и исповедников Российских за Христа пострадавших, явленных и неявленных» символизирует образ Церкви,

Икона «Собор новомучеников и исповедников земли Рудного Алтая»

торжествующей в Царстве Небесном.

Исследования и разработки монахини Иулиании и ее последователей для иконописной мастерской «Хризолит» стали ориентиром в создании образов Свирских новомучеников. В поле зрения мастерской были и новые иконы пострадавших за Христа в годы гонений в Петрограде (иконы Князь-Владимирского собора Санкт-Петербурга), а также на всей земле нашей, в частности, погибших на Бутовском полигоне в 1937–1938 гг.

Для Русской Православной Церкви создание иконографии новомучеников имеет неопределимое

значение, это неотъемлемая часть ее новейшей истории. Занимаясь практической работой, иконописцы нашей мастерской участвуют в этом движении, восстанавливая традиции русской школы XIV–XV веков, анализируя произведения своих коллег.

Современная иконопись обнаруживает новые изобразительные элементы в трактовке образов новопрославленных святых. Это гражданская одежда и воинская форма, огнестрельное оружие, ландшафт и архитектура. Их изображения в иконе требуют художественного чутья и мастерства. Часто святителей изображают с раскрытым Евангелием в архиерейских мантиях, в повседневной монашеской одежде, иногда сидящих, также встречаются изображения святых в очках. В основе образов — фотографии, и они нередко способствуют привнесению в иконописный образ случайного, преходящего, лицо заслоняет лик страстотерпца.

Появление в храмах подобных икон в то время, когда иконография прославленных в лике святых еще не вполне установилась, ведет к восприятию прихожанами и клиром этих икон образцами и ориентирами для дальнейших списков. Также в заблуждение может ввести идеально

полированная поверхность и «сковородный» блеск золочения, отвлекающий от неканонического решения, и отсутствие или слабо выраженное богословское осмысление и историческое исследование.

Мастерская, следуя традициям русской школы иконописи, стремится следовать канону — точному раскрытию богословских истин художественными средствами, чтобы образ побуждал и поддерживал обращение к Богу в молитве.

Для написания образов святых нового времени художникам приходилось проделывать сложную работу — преобразование лица в лик. Образ не зеркальное перенесение внешности на картинную плоскость. За жизнь человек внешне меняется порою до неузнаваемости. В образе выявлено нечто большее, чем сходство. Образ — неизменный лик, который иконописцу надо распознать в лице, изменяемом временем и судьбой. Лик проявляет сущность человека, озаренную искрой Божией. Задача иконописца — придать зримые очертания невыразимому — молитвенному предстоянию. Именно в молитвенном предстоянии стремились выявить образы свирских новомучеников иконописцы мастерской, чтобы иконы говорили о подвиге христианского самоотречения святых.

Святые изображены в месте принятия мученической кончины. Трагическое время и человеческие страсти преобразили свирскую землю в Свирлаг: сад Эдема становится скорбным Гефсиманским садом. Подобная аллегория привела иконописцев к сдержанному решению среднего пространства, в которое помещены святые. Свирь, впадающая в Ладогу, являет время, поглощаемое вечностью. В то же время данная аллегория выступает свидетельством высшего понимания реализма как символа абсолютного. Символ раскрывает религиозное осмысление реального.

Соприкосновение с историческим материалом и судьбами людей, непреклонных во Имя Господа Иисуса Христа в безбожную годину, позволило представить, как подходили к своему делу иконописцы былых эпох. Прихожане, глядя на ново-написанные иконы, могут подлинно ощутить связь времен: иконописная традиция проявилась в реалиях современной жизни, когда работа художника становится завершением молитвенных усилий многих людей, связанных единым стремлением увековечить память подвижников Веры православной. Наряду с документом икона позволяет увидеть свирских новомучеников непосредственно в рамках времени, но она также и раздвигает эти рамки, перенося их подвиг во вневременное пространство.

Тема новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви в становлении. Со временем она разрешится образами, достойными их бессмертного подвига и, как говорится в молитве ко святым Бутовским мученикам, «возродит в земли нашей дух разума и благочестия, дух святости и страха Божия, дух братолюбия и мира».

Узница Свирлага монахиня Вероника (Враская-Котляревская)

Михаил Витальевич Шкаровский,
доктор исторических наук, главный архивист
Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Одной из немногих узниц Свирлага, оставивших воспоминания о своем пребывании в этом лагере была монахиня Вероника (Варвара Степановна Враская-Котляревская). У этой сестры была необычная биография. Она родилась 26 ноября 1885 года в Киеве в семье сенатора и тайного советника Степана Борисовича Враского. Позднее на допросе в ОГПУ в феврале 1932 года инокиня Варвара бесстрашно заявила следователью: «Произошла я из дворянской великосветской семьи, выросла и воспитывалась в верноподданнической среде, которая являлась преданной царю и Отечеству»¹.

При этом будущая монахиня воспитывалась в безрелигиозной среде.

В своих воспоминаниях она писала: «Выросла я в неверующей русской интеллигентной семье. Меня окружали широко образованные люди, жившие научными и литературными интересами. Врожденная любовь к искусству и поэзии еще усилилась и развилась, благодаря частым поездкам за границу и знакомству с лучшими музеями и галереями Западной Европы. Из картин раннего детства смутно помню путешествие с няней по пещерам Киево-Печерской Лавры, темные своды, лики святых... Самое сильное впечатление на мою детскую фантазию произвел Владимирский Собор; Вас-

Монахиня Вероника
(Враская-Котляревская)

1 Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. арх.-след. дел. Д. П-75829. Т. 1. Л. 15–16.

нецовские лики святых на всю жизнь врезались в мою память...»². После того, как ее семья переехала в Тифлис (ныне Тбилиси) — к месту новой службы отца, Варвара Степановна в 1903 году окончила там Закавказский девичий институт и в том же году поступила на Высшие Бестужевские женские курсы в Санкт-Петербурге, где проучилась два года.

В 1905 году В. С. Враская увлеклась актерским искусством и, переехав в Москву, поступила в школу Московского Художественного театра, завершив учебу в начале 1911 года. По традиции, одновременно с обучением она играла в спектаклях МХТ и была первой исполнительницей целого ряда ролей: Танцующая (спектакль «Жизнь Человека», 1907 год), Неродившаяся душа (спектакль «Синяя птица», 1908 год), Машенька (спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», 1910 год), Соня (спектакль *Miserege*, 1910 год); вводилась на роли Натальи Дмитриевны в спектакле «Горе от ума», Души Света в «Синюю птицу». Ссылаясь на слабость здоровья и настояния семьи, В. С. Враская простилась с МХТ полным благодарности письмом и вернулась в Санкт-Петербург. Знаменитый режиссер К. С. Станиславский, ценивший ее преданность делу и тонкую воспитанность, в записных книжках выражал огорчение ее уходом и считал ошибкой театра, что В. С. Враскую не сумели удержать.

31 марта того же 1911 года Дирекция императорских театров подписала с ней контракт о зачислении с 1 сентября в русскую драматическую труппу Петербургского Александринского театра. В нем под сценическим псевдонимом Стахова Варвара Степановна играла 13 лет, а во второй половине 1914 года, после начала Первой мировой войны, некоторое время также служила (вместе с Лидией Дмитриевной Блок — женой знаменитого поэта) сестрой милосердия в военном лазарете. Вскоре она стала гражданской женой основателя и первого директора Пушкинского Дома (ныне Института русской литературы Российской Академии наук) академика Нестора Александровича Котляревского (1863–1925)³.

В начале 1922 года скончался горячо любимый отец В. С. Враской, и это событие стало одной из причин ее обращения в веру. Вскоре она подала заявление о приеме в число вольнослушателей Петроградского Богословского института, сообщая в прилагаемом жизнеописании, что «окончательный перелом в духовной жизни ее произошел во время семимесячной тяжелой болезни отца», а ее духовной руководительницей стала игуменья Воскресенской Покровской обители Евфросиния

2 Вероника (Котляревская), монахиня. Воспоминания монахини // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 47–48.

3 АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-75829. Т. 1. Л. 16; РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 219. Л. 1–2.

(Арсеньева). В первый раз Варвару Враскую причастил один из руководителей Александро-Невского братства новомученик иеромонах Варлаам (Сацердотский), позднее она написала о нем: «В своих проповедях отец Варлаам напоминал нам Иоанна Крестителя: врожденный аскет и отрешенный от мира инок»⁴.

Как сообщала будущая монахиня в своих воспоминаниях, в конце мая 1922 года она получила в Лавре благословение священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского): «В летний вечер мы однажды были на акафисте св. Александру Невскому в Лавре. Выйдя из собора, мы направились по средней аллее к митрополичьим покоям, смутно надеясь увидеть Владыку. Обернувшись к собору, мы действительно увидели митрополита, шедшего по дорожке. Он поравнялся с нами, улыбнулся, спросил наши имена и благословил нас. Мы поднялись в помещение, занимаемое архимандритом Гурием, так много потрудившимся для Александро-Невского братства. В его келии было прохладно. Зеленые ветви склонялись прямо в окно. Мирно теплилась лампада. Везде были навалены книги. Он, как всегда, с интересом расспрашивал нас о жизни, кто как живет, как молится. Уходить не хотелось, точно мы предчувствовали, что это было его последнее прости. В эту ночь митрополита, его и еще нескольких близких к ним монахов арестовали. Начался прогремевший на всю Россию процесс. Многие верующие не пропускали ни одного заседания. День расстрела митрополита был днем всеобщего горя»⁵.

Весной 1922 года Варвара Степановна впервые посетила Иоанновский монастырь и познакомилась с монахиней Серафимой (Голубевой): «В первые недели своего обращения я попала в женский монастырь на Карповке, основанный отцом Иоанном Кронштадтским. Здесь же в монастыре, в подвальной церкви находилась его гробница. Мы долго молились, стоя на коленях подле мраморной плиты. Потом поднялись в келью монахинь. Чувствовалось, что уже недолго можно будет им оставаться в обители... Здесь я встретилась с матушкой С[ерафимой]. Она была убежденной делательницей Иисусовой молитвы и усердно направляла меня на этот путь. Здесь довелось мне вести первые беседы о подвиге монашества»⁶.

2 мая 1922 г. В. С. Враская была зачислена вольнослушательницей Петроградского Богословского института. Возможно, это поступление произошло под влиянием ее мужа. Н. А. Котляревский был связан

4 Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 49.

5 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2779. Оп. 1. Д. 20. Л. 56–59; Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 49.

6 Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 48.

с институтом, в частности, в 1921 году выступил в нем с речью, посвященной 40-летию со дня смерти писателя Ф. М. Достоевского. Но вскоре начался обновленческий раскол, положение Богословского института стало крайне затруднительным, и осенью 1922 года Варвара Степановна перестала посещать занятия, в связи с чем была отчислена из числа слушателей I курса⁷.

В конце 1924 — начале 1925 года в жизни В. С. Враской произошли серьезные изменения. 29 ноября расценочно-конфликтная комиссия при дирекции государственных театров уволила ее со службы «за сокращением штатов». Это решение стало тяжелым ударом для актрисы, которая растила троих детей своего скончавшегося еще в 1918 году брата Бориса. 4 декабря она написала в ходатайстве директору академических театров: «Очень прошу пересмотреть вопрос о моем сокращении. Мое материальное положение совершенно безвыходное: я содержу троих сирот — племянников, учащихся. Мое жалование — единственный мой заработок, других средств к существованию у меня нет». При этом актриса много играла, она была занята в спектаклях «Маскарад», «Смерть Парухина», «Царство скуки», «Женитьба Фигаро» и других.

Очевидно, что В. С. Враскую уволили из-за ее дворянского происхождения. 16 января 1925 года расценочно-конфликтная комиссия заслушала заявление заведующего художественной частью бывшего Александринского театра о возвращении на службу актрисы, как «безусловно ценного работника», но отклонила его. Вскоре скончался муж Варвары Степановны Н. А. Котляревский, он был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры (могила сохранилась). После его смерти В. С. Враская решила не искать места актрисы. В воспоминаниях она отмечала: *«Неожиданная смерть моего мужа оборвала последние нити, связывающие меня с прежней жизнью... Я не могла больше принудить себя выйти на сцену. Жизнь сама толкала меня на путь, которым мне следовало идти. Надо было только склонить голову и следовать благой воле Божией. Три ночи провела я в часовне у иконы Божьей Матери. Незабываемые часы!»*⁸. В 1924–1927 годы Варвара Степановна работала в библиотеке Академии наук.

С 1925 года В. С. Враская проживала в монашеской общине бывших сестер Иоанновского монастыря при церкви иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», а в марте 1927 года перешла вместе с ней

7 Бовкало А. А. Последний год существования Петроградского Богословского института // Минувшее. Вып. 24. СПб., 1998. С. 485, 488, 521, 522.

8 Российский государственный архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 13. Д. 219. Л. 14–18; Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 55.

в Александро-Невскую Лавру, где поселилась вместе с другими сестрами в отдельной 36-й келье («квартире») Федоровского корпуса. Эту общину, как уже говорилось, возглавляла монахиня Серафима (Голубева).

Сестра Варвара активно собирала, переписывала и распространяла среди верующих церковные стихи, акафисты и другие подобные произведения. На допросе 5 марта 1932 года она показала: *«Все свои знания, всю свою интеллектуальную силу я направила с 1925 года к тому, чтобы заставить церковно-славянский язык быть сочно-красноречивым и понятным для русского народа, у которого загублена родина и отечество. Собираю и распространяю наиболее выразительные стихи, псалмы, акафисты и всевозможные сочинения всех тех людей, которым дорога была Россия с самодержавным царствующим домом. Нашлось одних только акафистов, которые, по-моему, представляли из себя по содержанию сильнейшее оружие против существующих порядков, одних этих акафистов было собрано до ста пятидесяти единиц... Мне они стали давать глубокое душевное удовлетворение, и считаю, что для всех ущемленных существующей властью служили и служат сильнейшим ободряющим средством»*⁹.

В воспоминаниях монахини Вероники говорится о богослужениях в Лавре, на которых присутствовали сестры общины¹⁰. В конце 1920-х годов в обители спасалось много знаменитых подвижников благочестия. Монахиня Вероника сберегла ценные свидетельства о схиигумене Гурии (Комисарове), архимандрите Сергии (Бирюкове) и прежде всего о последнем духовнике Лавры перед ее закрытием преподобном старце иеросхимонахе Серафиме Вырицком (Муравьеве), келейницей которого стала: *«Мне Бог привел в это время быть келейницей у о. Серафима. Много светлого и много тяжелого переживала я в эти годы. Надо было уметь поговорить со всеми приходящими и очень внимательно следить, чтобы воля и благословение батюшки были переданы в точности. Иногда он принимал очень многих. Под конец уставал так, что валился с ног. Мне было жаль его, и я пыталась уговорить стучавшихся в поздний час в дверь его келий прийти на другой день, но батюшка строго выговаривал мне за это: „Нельзя: обидятся. Я сам скажу, что и когда надо“. И, еле живой, приказывал допустить к себе пришедших...»*¹¹.

В 1928 году в общине бывших сестер Иоанновского монастыря в стенах Лавры произошло разделение: большинство из них вместе с частью монахов обители и прихожан лаврских храмов присоеди-

9 АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-75829. Т. 1. Л. 17–18.

10 Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 56–57, 70.

11 Там же. С. 56–61.

лось к иосифлянскому движению, а две сестры, в том числе Варвара Враская-Котляревская, остались верны Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому)¹². В связи с этим приезжавший в Александро-Невскую Лавру в апреле 1928 года бывший управляющий Петроградской епархией епископ Мануил (Лемешевский) взял послушницу Варвару и еще одну сестру «из-под руководства матушки С[ерафимы]» и передал «под руководство отца Серафима [преподобного Серафима Вырицкого]». Владыка Мануил еще несколько лет, до арестов 1932 года, переписывался с сестрами, давая им духовные наставления¹³.

Тем не менее, по прежнему возглавлявшая общину монахиня Серафима (Голубева) в первой половине 1930 года постригла в рясофор сестру Варвару Враскую-Котляревскую. Она оставалась келейницей иеросхимонаха Серафима (Муравьева) до конца весны этого года, когда он переселился в дачный поселок Вырица¹⁴.

Сама инокиня Варвара была арестована агентами ОГПУ в ночь с 17 на 18 февраля 1932 года в келье вместе со всеми сестрами общины. Тринадцать из них проходило по групповому монашескому делу, объединявшему около 60 подсудимых: 14 монахов Александро-Невской Лавры, 15 иноков из ленинградских подворий Валаамского монастыря и Киево-Печерской Лавры, 12 насельниц Воскресенского Новодевичьего монастыря, пять монахинь из Вырицы, два священника и несколько мирян.

Фактически все сестры из лаврской общины мужественно говорили следователям о своем неприятии антирелигиозной политики советского правительства, именно в тот период осуществлявшего так называемую «безбожную пятилетку». Так, монахиня Евтропия (Петрова) заявила: *«Советскую власть я ненавижу, ибо раньше царская власть была наша власть, она помогала монахиням, а советская власть ненавидит и церкви, и монастыри, следовательно, отсюда ясно, что эту власть мы ненавидим»*. Почти также говорила монахиня Саломия (Загорельская), распространявшая на улицах духовную литературу: *«Советскую власть ненавижу потому, что она... занимается открытым грабежом, отобрала дома и имущество у хороших людей... Я считаю себя грешной, что от советской власти получала хлебную и продуктовую карточку и получала продукты. Наша обязанность*

12 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7383. Оп. 1. Д. 25. Л. 26–36.

13 Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 65–66.

14 Там же. С. 62.

была как можно больше привлекать людей в свою семью». Подтверждали сестры и свою верность Иоанновскому монастырю, в том числе принятые в общину во второй половине 1920-х годов, например монахиня Иоанна (Кундрюцкая) назвала себя на допросе последовательницей отца Иоанна Кронштадтского и подчеркнула: «Когда монастырь был закрыт, я... была в нем и молилась у стеночки»¹⁵.

Наибольшее внимание следствия привлекла старшая монахиня общины Сергия (Васильева). Она вела дела с ЖАКТОМ, переписывала духовную литературу, отправляла сосланным сестрам посылки... Монахиня Сергия не скрывала своих убеждений и рассказала о жизни общины: «...при наступлении существующих порядков, определяемых преимущественно большинством над меньшинством, я первое время держалась кое-как в той окружающей среде, с которой приходилось иметь дело на службе в советских учреждениях, но между тем и вместе с этим постепенно нарастала неприязнь к этой новой и чуждой для меня среде, вследствие чего я стала искать выхода, но выхода в преобладающей советской общественности не нашла. Приспосабливаться к ней — не в моем характере, и поэтому оказалось единственно для меня возможным приблизиться к церковной жизни. Перестала вовсе служить в советских органах. Летом в 1930 году приняла монашество... До пострижения в монашество и в особенности после того, как я стала монахиней, я являлась последовательницей антисергиевского церковного течения, всецело приняла ту платформу, которая проводилась и проводилась иосифлянской церковной организацией. Когда еще не было это наше течение разгромлено, я посещала церковь „Воскресения на крови“, где был еще не утрачен дореволюционный церковный уклад. После же разгрома я осталась верной иосифлянству и примыкала к тем людям, которые группировались вокруг священника Сергия Иосифовича Батышева.

В Александро-Невской Лавре в общежитии монахинь проживала около пяти лет. Общежитие наше в своем роде в миниатюре является монастырем. Жили сообща всего нас тринадцать человек.

1. Имели общую кассу, которой заведовали те, кто пограмотнее (я и другие).

2. Производились общие закупки необходимых в жизненном обиходе предметов, которыми ведала по преимуществу кто-либо из нас одна (Загорельская и др.).

3. Общежитейские дела устраивала тоже одна из нас монахинь (именно я).

15 АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-75829. Т. 1. Л. 31, 71, 79.

4. Сообща устраивали утренние и вечерние молитвы, а общее идейное и нравственное руководство лежало на свящ[еннике] Сергии Иосифовиче Батышеве (к нему ездили, и он к нам приезжал).

5. Читали только „жития“ святых и вообще книги из священного писания. Кроме того, пользовались (доставали и размножали путем переписки и проч.) различные сочинения из обновленной духовной гимнологии (акафисты, икосы, тропари, гимны и т. п.), которые диссонировали советским порядком...

6. Советских печатных материалов (журналов, газет и т. п.) мы не читали»¹⁶.

Следует также упомянуть, что в графе анкеты «партийность и политические убеждения» монахиня Сергия написала: «Беспартийная, политику соввласти считаю для себя неприемлемой». При аресте ее обвинили в систематическом ведении контрреволюционной агитации и распространении литературы церковно-монархического характера¹⁷. Инокня Варвара, как и другие сестры, мужественно заявила следователю о своем неприятии антирелигиозной политики советского правительства.

Следствие по монашескому делу оказалось недолгим. Уже 19 марта было сфабриковано обвинительное заключение на 52 человека (в том числе 11 сестер лаврской общины), в котором говорилось: «В 1931–32 гг. ПП ОГПУ в ЛВО стало известно, что в Александро-Невской Лавре, б[ывшем] Новодевичьем монастыре и б[ывшем] Киевском подворье сосредотачиваются контрреволюционные элементы, ведущие систематическую контрреволюционную агитацию, а также изготавливающие и распространяющие церковно-монашеские сочинения в виде гимнов, стихов и акафистов. С целью ликвидации упомянутых контрреволюционных очагов были произведены обыски, арестовано и привлечено к ответственности 50 человек. При обысках были обнаружены церковно-монашеские сочинения (стихи, гимны, акафисты) и пишущая машинка, на которой печатались все эти антисоветские произведения. В процессе следствия показаниями всех обвиняемых установлено, что привлеченные к ответственности лица вели агитацию против советской власти и коллективизации сельского хозяйства, стремясь к подрыву и свержению советской власти. Устраивали паломничества на могиле „блаженного Матвея“ и „молчальника Патермуфия“ (Александро-Невская лавра), превращая эти паломничества в антисоветские демонстрации...»¹⁸.

16 Там же. Л. 6, 8–8об.

17 Там же. Л. 5–6.

18 Там же. Т. 2. Л. 447–448.

По существу советские власти считали уже само существование «нелегальных» монашеских общин, устройство «нелегальных» богослужений, паломничество, распространение церковной литературы и материальную помощь ссыльному духовенству опасной антисоветской деятельностью. 22 марта 1932 года Коллегия ОГПУ вынесла приговор. Освободили лишь Анастасию Тараканову, остальных сестер отправили на 3 года в ссылку в Среднюю Азию, а инокиню Варвару Враскую-Котляревскую и монахиню Сергию — на 3 года в лагерь. Одна из насельниц лаврской общины — монахиня Евтропия (Петрова) — одновременно проходила по другому делу — общины сестер, оставшихся в здании Иоанновского монастыря. Она проживала в Лавре с 1928 г., работала уборщицей в церкви и ездила в родную деревню Поречье Гдовского района Ленинградской области «проповедовать слово Божие». Монахиню Евтропию приговорили к 3 годам ссылки в Среднюю Азию¹⁹.

Инокиню Варвару отправили отбывать срок в Свирский лагерь на востоке Ленинградской области (в районе реки Свирь). В ее воспоминаниях говорится и о пребывании сестер в Свирском лагере, оказавшихся в заключении вместе с членами разгромленного тогда ОГПУ Александро-Невского братства: *«В концлагерь нас везли в одном поезде со многими монахами и священниками. На распределительном пункте мы встретились и во время общих работ в первые дни могли немного говорить. На другой день после приезда их всех обрили и одели в штатское платье. Несмотря на всю печаль и скорбь, нам невольно стало смешно. С трудом узнавали мы их бритье, изменившиеся, помолодевшие лица. Живописное лагерное тряпье делало их похожими на бандитов. Архимандрит Л[ев Егоров] был прямо заправский шпана, да у отца В[ениамина Эссена] был такой вид, что не знавшие его могли, при его появлении, с опаской схватиться за карман...*

Потом распределили, кого куда. Нас отправили сестрами в госпиталь. Часть духовенства увезли в другие лагеря. Иеромонах В[ениамин] остался в Гулаге. Талантливый художник, он получил определение в театр писать декорации, иллюстрировал также газету, писал плакаты. Красивый, молодой, он пережил много искушений. Но убежденный монах очень строгой жизни, он оставался непоколебимым... Иногда нас отпускали по делам в Гулаг, и мы забегали в его маленькую комнату, рядом с театром.

Однажды, в начале лета мы выбрались на опушку леса подле наших барачков, за земляничкой. Трава выше нас ростом закрывала нас с головой. Мы разбрелись в разные стороны, тихонько напевая псалмы, или читая наизусть молитвы. Я присела на кочку. И вдруг, в шелесте тра-

19 Там же. Д. П-84994. Т. 1. Л. 41–42.

вы ясно услышала голос: „Ты будешь свободна на Преображение“. Это повторилось три раза. В Гулаг меня не пустили, но братчице Н[адежде Павинской] удалось достать пропуск. Я просила ее рассказать отцу В[ениамину] о случившемся со мною. Вернувшись назад, Н. передала следующее: Отец В[ениамин], услышав от нее то, что было мне сказано, очень взволновался...

Промелькнули летние месяцы. Наступил Праздник Преображения Господня. Накануне вечером мы с Н[адеждой], как обычно, потихоньку правили всенощную. Не помню уж, по какому поводу мы немного поссорились и, недовольные собою; улеглись. Утром, как всегда, с кошелками пошли в кухню получать завтрак. Главный повар, тоже ээк, конечно, окликнул меня: „Вы слышали, сестрица, всех инвалидов освобождают в чистую, без высылки, прямо на все четыре стороны, на свободу. Не зевайте, сестрица!“ Так на Преображение получила я первую весть о возможности свободы.

Медицинских сестер не хватало. Меня не хотели отпускать. Я воевала, просилась в инвалидный лагерь. „Да вы там с голоду погибнете, задохнетесь в общих бараках“, — грозил комендант. Но я так приставала к нему, что у него, наконец, лопнуло терпение, он разозлился и объявил, что отправит меня завтра же в инвалидный лагерь, если я такая глупая. Это было накануне Успения. Я сложила вещи и приготовилась к отъезду. Ночью, часа в два, стук в дверь нашей комнаты. Комендант приказывает впустить его. Входит и торжественно читает телефонограмму из Гулага: я и еще одна сестра досрочно освобождены. „Утром уезжайте в Гулаг за бумагами“. Приехав в Гулаг, бегу к отцу В[ениамину]. Он встречает меня на пороге. „Батюшка! Я освобождена!“ Он смотрит на меня: „Сегодня Успение!“»²⁰

Инокня Варвара Враская-Котляревская вместе с еще одной сестрой была освобождена из Свирского лагеря в августе 1933 года досрочно по инвалидности. После освобождения вернуться в Ленинград ей не разрешили и оставили на поселении. В дальнейшем она эмигрировала в Финляндию, потом переехала в Эстонию, где приняла монашеский постриг в мантию с именем Вероника, а позднее поселилась во Франции.

Монахиня Вероника была прихожанкой церкви Воскресения Христова в городе Медоне (в предместье Парижа), принимала активное участие в работе союза Покрова Пресвятой Богородицы, основанного архиереем Русской Православной Церкви за границей епископом Нафанаилом (Львовым). Последние годы жизни она провела в Русском старческом

20 Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 75–76.

доме в Сент-Женевьев-де-Буа, где и скончалась 11 февраля 1950 года. Монахиня Вероника была похоронена на знаменитом Русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Во Франции она написала очень интересные по содержанию «Воспоминания монахини», впервые напечатанные в журнале «Православная Русь» (Джорданвилль, США), затем изданные в 1955 году в Сан-Франциско отдельной книгой и переизданные в 2002 году в журнальном варианте в России.

Потомок казненных священников

*Пётр Александрович Васильев,
журналист, краевед, писатель*

Нонна Евгеньевна Воронина всю свою долгую и трудную жизнь бережно хранила память о родственниках — священниках Лодейнопольского уезда, по которым молох репрессий смертельно ударил в 1937 году, в год ее рождения. Хранить документальную память о них и даже семейные фотографии было в те годы опасно, но она сберегла все, что могла и очень надеялась издать книгу о своем роде и замечательных людях из него, немало хорошего сделавших для родной земли. Ее уважали многие наши земляки, и, в первую очередь, те, чьи родственники также были расстреляны или сосланы в лагерь по ложному обвинению. Потому и была она руководителем Лодейнопольского общественного клуба «Молох», в котором насчитывалось около двухсот наших земляков, чьи родственники были репрессированы.

Нонна Евгеньевна Воронина

За несколько месяцев до смерти, после 85-летия, остро ощущая приближение своей кончины, Нонна Евгеньевна попросила в октябре 2002 года записать ее воспоминания, сделать копии старых фотографий для будущей книги...

Выполняя последнюю просьбу уважаемой и неравнодушной женщины из рода священников, я воссоздал рассказ, основанный на ее воспоминаниях и семейных документах:

«Первым в нашей семье был арестован дедушка Александр Яковлевич Никольский. Он родом с Вытегорского уезда, закончил до революции Петрозаводскую духовную семинарию, женился на девушке своего круга и имел приход — сначала в Спасской Губе, потом в Ладве, что находится в Карелии. Взяли его в апреле 1931 года, как раз в то время на свирских берегах разворачивались лагеря для заключенных. Но кровь невиновных еще не полилась рекой, дали ему по знаменитой в те годы статье 58–10 УК РСФСР три года срока в УхтПечлаге. И выпустили досрочно, уже в октябре 1932 года. Но покоя не давали после возвращения, вызывали несколько раз на допросы. Дед понял, что добром внимание чекистов к нему не кончится,

Преподаватели и гимназистки семинарии, фото из семейного архива Н. Е. Ворониной

и уехал в Псковскую область, почти на границу с Эстонией. Больше мы о нем ничего не знали. Лишь после смерти Сталина выяснилось, что скончался наш дедушка в 1950 году. Было ему 77 лет.

Прапрадед мой был с Заонежья, звали его Михаил Чернянский, он отдал сына Тихона, родившегося в 1864 году, учиться в семинарию. Семинарию он

не окончил, а окончил духовное училище. Тихон Михайлович получил место в храме Ефремово, похоронил там отца. А прабабушка Стручкова Мария Семёновна родом из семьи священника Семёна Петровича Стручкова из деревни Руссконицы, у нее очень рано отец умер, ей было всего 16 лет. Тихон Михайлович женился на Марии. Он преподавал в начальных классах слово Божье и служил в двух церквях. Одна церковь была деревянная, вторая — кирпичная. По его архитектурным чертежам была построена. По свидетельству очевидцев, прихожане очень любили своего батюшку. Был он справедливым и трудолюбивым, держал пасеку, коров, лошадей, сам много трудился и старался помогать другим. Было у него десять детей, которых он воспитал духовными и трудолюбивыми людьми.

Его арестовали прямо в церкви — перебив иконы, разрушив стены. Бросили старого человека в кузов грузовой машины и увезли сначала в Алёховицкуну, потом — в Лодейное Поле, а затем — в Ленинград. Там расстреляли. Меня Тихон Михайлович успел крестить. Я родилась 27 июля, а его в октябре расстреляли... Когда его сюда привезли, тетя Сима, дочь Тихона Михайловича, в будущем заслуженный учитель РСФСР, была награждена орденом Красного Знамени, прибежала с батоном, чтобы передать отцу. А милиционер пнул этот батон и пригрозил: если не уйдет, и ее отправят вместе с отцом.

Вскоре расстреляли и его сына Михаила Тихоновича, хотя он уехал далеко, был преподавателем в техникуме Южно-Алтайска. В Гражданскую войну он воевал на стороне Красной Армии, был даже инспектором краевого отдела образования. Хотя Михаил Тихонович ушел из священнослужителей, его тоже расстреляли, когда его маленькому сыну было всего 6 лет, он помнил всю жизнь, что катался с горки, когда отца вели под конвоем, тот улыбался, и пообещал вернуться...

Приговорили к высшей мере наказания в том же году и учителей Лодейнопольской железнодорожной школы, которые были женаты на его дочерях

Юршу Ивана Эдмундовича, которому было всего 36 лет, и Грекова Михаила Ивановича, ему было всего 42 года...

Многие годы мы боялись расправы как родственники „врагов народа“, бабушка постоянно говорила, что надо держать язык за зубами, а папа плакал по ночам, хотя был примерным работником, героическим пожарным. Какой-то человек по фамилии Нодаль постоянно его страшил, что расскажет, чей наш папа сын и внук. А отец боялся не за себя, а за нас с мамой, страшился расправы над нами, вот и не мог сдержать слез... Прекрасно понимая зловещую суть слова „репрессированный“, старался оберегать близких от мельчайших подозрений.

Родился папа в 1913 году и с малолетства напитался духовностью и культурой в семье священников Никольских. В юности он многое видел и понимал, поэтому старался не говорить посторонним о своем светлом и духовном прошлом. В 1933 году устроился пожарным в Лодейнопольскую команду, как раз во время расцвета Свирлага, героически тушил пожары и выполнял все необходимое в годы войны в прифронтной полосе, сорок лет отдал борьбе с пожарами только в штатной должности, а потом еще около десяти был водителем добровольного пожарного общества. Все удивлялись его интеллигентности, литературным и музыкальным вкусам, а ведь это от предков передалось, которые пострадали без вины...

Несколько раз мы ездили на Левашовскую пустошь, где лежат наши убитые без вины родные. Я там в колокол била, про себя говорила с бабушкой, вдруг его душа слышит меня».

Когда мы в последний раз беседовали с Нонной Евгеньевной, собиравшей материалы о репрессиях на свирских берегах и в семьях своих предков, я даже не догадывался, что наши родственники проходили в роковом для многих наших земляков 1937 году по одному уголовному делу и были, после допросов с пристрастием, казнены по надуманному обвинению в один октябрьский день. По странному стечению обстоятельств, а, быть может, специально по задумке чекиста, состряпавшего это дело, жертв было тринадцать, как и участников Тайной вечери...

Официально его назвали делом протоиерея Сергея Елпидинского, но приговор был вынесен всем тринадцати обвиняемым в день Покрова Божией Матери, 14 октября 1937 года.

Сергей Семёнович Елпидинский был моим родственником. Он родился в Каргиничах, в семье, многие годы дружившей с семьей моих предков Голубевых. И если его старший брат Яков прославился как преподаватель, писатель и краевед, то Сергею выпала трудная доля сельского священника в Михайловском храме Гедевичей. В Синодике, подготовленном в 2017 году по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия, указано, что сельский батюшка Елпидинский остался верен

Патриаршей церкви, хотя сын его Николай, бывший священник Лодейнопольского Петропавловского собора, уклонился в обновленчество. Он также был арестован за трое суток до расстрела отца, будучи в статусе архиепископа Череповецкого и Тихвинского, признал вину и был расстрелян в декабре того же 1937 года...

Поводом для преследований стало традиционное ранее собрание в Лодейном Поле благочинных, служивших на территории Присвирья и Приоятья. По мнению чекистов, священник Сергей Семёнович Елпидинский завербовал для проведения контрреволюционной работы священников и церковных активистов, которые и были вскоре арестованы.

Были выбиты признательные показания: *«После того, как был опубликован в печати проект Конституции, я стал проводить среди колхозников агитацию, что большевики признали религию, и в воскресные дни нужно не ходить на колхозную работу, а нужно ходить в церковь».*

Всех обвиняемых, получается, расстреляли за то, что они «пропагандировали» новую Конституцию.

В протоколе допроса это звучит так:

«Елпидинский дал установку, чтобы я проводил через надежных людей к/р агитацию».

Ответы священников и их помощников написаны, словно под диктовку, возможно, проводились и очные ставки, быть может, у них получилось попроситься перед расстрелом или передать весточку родным. Удивительно в этой истории и то, что буквально на днях мне рассказали о недавно умершей уроженке деревни Пиркиничи, которая всегда вспоминала доброту местного батюшки отца Евгения, которому было в год казни всего сорок пять лет...

В Синодике не нашлось записи про церковного старосту Филипова, а данные остальных двенадцати расстрелянных имеются (дата приговора у всех одна):

♦ Богданов Кирилл Мокеевич, 1880 года рождения в деревне Сторожево. Член приходского совета. Арестован 7 августа 1937 года;

♦ Елпидинский Сергей Семёнович, 1868 года рождения в деревне Каргиничи. Священник Михайловской церкви в Гедевичах Аলেখовщинского сельского совета. Арестован 17 августа 1937 года;

♦ иеромонах Гермоген, Иванов Герман Иванович, 1872 года рождения, служил в часовне поселка Ребовский Оятского района. Арестован 29 августа 1937 года;

♦ Калинин Михаил Иванович, родился в Вязикиничах в 1873 году, председатель приходского совета деревни Имоченицы. Арестован 3 сентября 1937 года;

♦ иерей Александр, Крылов Александр Семёнович, 1900 года рождения в деревне Муромле, служил в деревне Гонгиничи Винницкого района. Арестован 28 августа 1937 года;

♦ иерей Василий, Кудрявцев Василий Андреевич, 1867 года рождения, служил в Казанской церкви деревни Мустиничи, арестован 28 августа 1937 года;

♦ Макаров Алексей Егорович, 1881 года рождения в деревне Сторожево, член колхоза «Комсомолец». Арестован 3 сентября 1937 года;

♦ брат его, Макаров Пётр Егорович, 1885 года рождения, бригадир колхоза «Комсомолец». Арестован в этот же день;

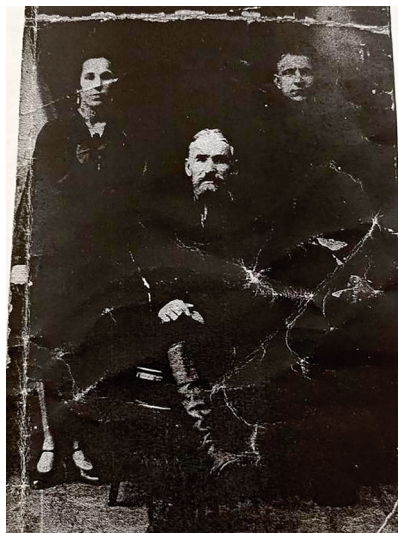
♦ Максимов Осип Семёнович, 1872 года рождения в деревне Гонгиничи, портной-одиночка. Арестован 3 октября 1937 года;

♦ Румянцев Евгений Иванович, иерей Евгений, 1892 года рождения в деревне Пиркиничи, священник Христорождественской церкви Пиркинского прихода. Арестован 13 сентября 1937 года;

♦ Стручков Павел Семёнович, 1871 года рождения, иерей Павел, Соцкий погост Новоладожского уезда, жил в Винницах. Арестован 16 сентября 1937 года;

♦ Чернянский Тихон Михайлович, 1864 года рождения в деревне Космозеро, настоятель Дмитриевской Соцкой церкви, жил в деревне Ключниково. Арестован 29 августа 1937 года.

Вместе со служителями храмов арестовывали нередко и тех, кто им помогал. В числе очередной партии из троих арестованных в деревне Печеницы оказался и староста церковной десятки Евдокимов Василий Кононович. Когда он последний раз шел по родной занесенной снегами деревне 13 февраля 1938 года, еще надеясь, что вернется, ему было уже больше 65 лет. Дети ждали его всю свою жизнь, а приговор о расстреле был вынесен через несколько недель после ареста, в женский праздник 8 марта. Семье «врага народа» пришлось покинуть родную деревню, а близким брата Василия даже сменить фамилию, чтобы избежать расправы. И только в сентябре 1959 года справедливость восторжествовала, близкие получили справку о реабилитации, но узнали о месте расстрела и захоронения в Левашово только в нынешнем веке.

Евдокимов Василий Кононович с сыном Алексеем и дочерью Марией

Благодарю вдову земляка — писателя Николая Михайловича Коняева — Марину Викторовну за помощь в сборе материалов

Род расстрелянных Пятницких

*Пётр Александрович Васильев,
журналист, краевед, писатель*

На родной и намоленной столетиями земле святого подвижника православия преподобного Александра Свирского служители храмов из поколения в поколение укрепляли не только духовные, но и родственные связи. Получив образование в Новгороде, в Петрозаводске, в Олонце или при Александро-Свирском монастыре, они начинали служить псаломщиками, становились и священниками, готовя к служению Богу и верующим землякам своих детей. Архивные документы прошлых веков наглядно показывают, насколько тесно были переплетены семьи церковнослужителей Лодейнопольского уезда и соседних с ним территорий, включая малую родину преподобного Александра Свирского — молитвенника за русских царей, нашего главного небесного покровителя, что родился и вырос у стен древнейшего в Присвирье Введенского Островского монастыря, возле места слияния Ояти и Свири. Это крепкое родословное древо с глубокими корнями и постарались уничтожить в годы репрессий враги Русской Православной Церкви.

И, видимо, символично, что тополя, посаженные накануне октябрьской революции возле старого Винницкого погоста дочерью местного дьякона Петра Евсеевича из рода Преображенских, учителем Александрой Петровной Преображенской (Пятницкой), живы и в нынешнем веке, когда здесь растёт интерес к своим корням. На эти могучие тополя теперь смотрят ее праправнуки Матвей и Платон, которым бабушка с символическим именем Надежда рассказывает о славных предках Преображенских и Пятницких, которые были духовными учителями Присвирья и Приоятья.

В наших беседах о периоде репрессий Надежда Михайловна Лопатина вспоминает, что в 1937 году расстреляли не только дедушку Василия Алексеевича Пятницкого, но и всех его братьев, а также священников из материнского рода Преображенских:

«...Расстреляли нашего дедушку одновременно с братом моей бабушки Преображенским Михаилом Александровичем. Когда его уводили, кто-то сорвал с него шубу. Уже будучи арестованным, находясь в тюрьме, дедушка нашёл возможность переписать в Винницы записку: „Жена,

Зина, Игорек, учитесь, читайте, маму слушайте. Я не виновен, оклеветан. Жив буду, увижу". Через месяц после ареста его расстреляли...

У бабушки было своих трое маленьких детей: Игорь, Женя и моя мама Зина, а она еще взяла на воспитание двух девочек учителей Лесковых, которых тоже расстреляли, а жили они в Винницах по дороге на кладбище. К бабушке нашей все в Винницах хорошо относились и поэтому всегда предупреждали о планируемом аресте: „Ирина Петровна, дома сегодня не ночуй, за тобой придут“. И она пешком уходила с детьми малыми то в деревню Чикозеро, то в Немжу, то в Артюшино. Бабушка десятки лет работала учителем. Жила в Винницах до войны, потом эвакуировались... Уехали по совету командира воинской части в Кировскую область, а когда вернулись после войны, увидели, что их дом был разворован соседями, кое-что удалось вернуть из резной мебели. А большую библиотеку дедушки с книгами на разных языках вывезли на Кавказ. Хотели в 1937 году арестовать и нашего родственника Суханова, но бабушкина сестра Анастасия Петровна Преображенская ездила на прием к всесоюзному старосте Михаилу Калинин и спасла от ареста своего мужа, привезла нужную бумагу. А из братьев дедушки никого в живых не осталось, всех расстреляли...»

А первым был расстрелян еще в 1918 году архимандрит Августин (Александр Алексеевич Пятницкий), родившийся в Лодейном Поле. После окончания Олонецкого духовного училища он избрал монашеский путь в обителях на Онежском озере, потом переехал в Тобольскую губернию, был знаком с Григорием Распутиным, а в 1917 году стал настоятелем Оранской мужской пустыни в Нижегородской губернии.

Новые власти занялись им уже летом 1918 года. Перед казнью молодого архимандрита спросили:

Архимандрит Августин (Пятницкий)

Священник Николай Пятницкий

— Признаете ли советскую власть?

— Не признаю и никогда не признаю! — твердо ответил он своим палачам.

Архимандрит Августин, по воспоминаниям очевидцев, шел на расстрел в хорошем настроении и сам по себе отслужил панихиду. Упал он только после четвертого залпа и был похоронен там же, на омываемом великой рекой Волгой Мочальном острове...

К лику святых расстрелянного одним из первых архимандрита Августина (Пятницкого) в настоящее время еще не причислили. А его младший брат Николай был прославлен на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года и признан новомучеником и исповедником. Он тоже родился и был крещен в Лодейном Поле, где в соборе Петра и Павла служил их

отец, позже переведенный в Сермаксу. В 1911 году он принял сан дьякона, в 1913 году был рукоположен в сан священника, служил в храме в городе Тюмени. В годы Гражданской войны он с войсками знаменитого адмирала Колчака отходил до Томска, но после их разгрома вернулся на прежнее место служения. В первый раз его арестовали в 1931 году. После освобождения он продолжал служить в Московской области, пока осенью 1937 года его снова не посадили, после чего 16 ноября, так и не получив признательных показаний, расстреляли на полигоне в Бутово.

Их брат Сергей Алексеевич Пятницкий был учителем и директором школы в Верхних Аремзянах Тобольской области. В годы репрессий не побоялся встать на защиту маленькой церкви, в которой венчались родители великого ученого Дмитрия Ивановича Менделеева. Его арестовали и расстреляли в октябре 1937 года, а реабилитировали посмертно только в 50-е годы, но в школе хранят память о достойном учителе и в новом веке, что является частью общей народной памяти о духовных учителях России Пятницких.

Путь священника Алексия Западалова

*Вадим Игоревич Западалов,
правнук расстрелянного протоиерея Алексия Западалова*

Протоиерей Алексий (Западалов)

В нашей семье от отца к сыну, а от него следующим поколениям Западаловых, передавалась и бережно хранилась история нашего известного предка — магистра богословия, протоиерея Алексия Иосифовича Западалова, который перед арестом мужественно служил управляющим иосифлянкой Ленинградской епархией.

Мой прадед родился 5 февраля 1870 года в обычной крестьянской семье Тверской губернии.

В 1891 году он окончил Вифанскую духовную семинарию, а через четыре года — Московскую духовную академию. Служил в канцелярии Святейшего Синода. Весной 1900 года был назначен в Казанскую церковь слободы Тосны. С 1904 года отец Алексий служил священником Павловского собора города Гатчины, возглавлял там Общество трезвости, преподавал в воскресной школе.

Отец Алексей помогал писателю Алексею Куприну в сборе материалов для рассказа «Анафема».

В период с 1910 по 1918 годы отец Алексей являлся епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ Санкт-Петербургской (Петроградской) епархии, с 1911 года служил в Покровской церкви на улице Боровой в Санкт-Петербурге.

В 1913 году возведен в сан протоиерея, удостоен ученой степени магистра богословия. Также был удостоен звания потомственного почетного гражданина Российской Империи.

10 августа 1921 года отец Алексей Западалов отпевал поэта Александра Блока и руководил церемонией его похорон. Отец Алексей Западалов был дружен с известным поэтом Николаем Клюевым, который в 1927 году присутствовал при крещении моего будущего отца, внука отца Алексея, Игоря Борисовича Западалова.

В первые послереволюционные годы отец Алексей Западалов служил секретарем Петроградского епархиального управления, заместителем благочинного храмов Васильевского острова. Почти все 1920-е годы отец Алексей Западалов служил на Смоленском кладбище.

За свое служение отец Алексей был награжден орденами, золотым наперсным крестом и другими наградами.

Отец Алексей был впервые арестован по делу епископа Мануила и его наиболее активных сторонников, но арест был недолгим. Отец Алексей был изгнан из Смоленской церкви и с тех пор, не имея своего храма, около пяти лет совершал требы на могилах Смоленского кладбища.

К иосифлянам батюшка присоединился почти через два года после возникновения движения. С конца 1929 года он служил в нижнем иосифлянском храме Малоколоменской церкви Михаила Архангела. Отец Алексей совершал и тайные богослужения на квартирах иосифлян.

В 1931 году он принял участие в организации иосифлянского Епархиального совета с целью добиться от властей его легализации.

А осенью 1932 года ленинградские органы ОГПУ приступили к организации дела «контрреволюционной монархической церковной организации истинно-православных». Отец Алексей Западалов был арестован по этому делу 4 октября 1932 года. Ему было предъявлено обвинение в том, что, *«являясь одним из руководителей остатков ИПЦ, состоял во главе Мусеевской к/р ячейки и создал культы почитания могил Марии Гатчинской и бывшего городского Петра Алексеевича Богомолова, пытался создать церковно-монархическое движение, посредством которого ставил целью влиять на органы советской власти с тем, чтобы достичь послабления в репрессиях».*

Постановлением заседания выездной сессии Коллегии ОГПУ от 8 декабря 1932 года отец Алексей Западалов был приговорен к заключению

в концлагерь сроком на 10 лет, отбывал срок заключения в Свирлаге. Сначала батюшка использовался на тяжелых физических работах при строительстве каскада Свирских ГЭС — в возрасте 62–65 лет рыл котлованы, валил лес, «но был крепок духом», затем работал счетоводом на лагпункте № 2 «Промкомбината». Согласно учетно-статистической лагерной карточке его срок был уменьшен «по зачетам» за перевыполнение норм к лету 1937 года на 324 дня.

Поводом для репрессий стал поступивший 7 марта 1938 года лагерному начальству донос одного из заключенных о том, что в бараке № 22 произошел антисоветский разговор между священниками А. Западаловым и А. Новиковым.

За батюшкой в лагере велась постоянная слежка, о чем свидетельствуют сохранившиеся в деле агентурные донесения секретных осведомителей. 9 марта были взяты под стражу отец Алексей Западалов и еще три проживавших с ним в одном бараке священника: Георгий Бесчастный, Алексей Новиков и Алексей Виноградов.

Отец Алексей Западалов на допросе заявил, что и в 1932 году был осужден несправедливо: *«Контрреволюционной деятельности у меня не было, а судили меня за то, что я был на нелегальном собрании среди верующих, где мы писали заявление об открытии церкви, и статья 58–10 мне дана неправильно»*. На утверждение следователя о различных антисоветских высказываниях отца Алексея батюшка, как правило, отвечал: *«Таких разговоров у меня ни с кем не было... Об этом я ни с кем не говорил»*. Протоиерей подтвердил лишь одну свою фразу: *«Да, совершенно верно, я говорил, что при царизме священникам жилось хорошо, а также я говорил, что, когда отделили церковь от государства и духовенство лишили прав и отобрали собственность, часть духовенства сразу же стала реакционной, а часть, которая пристроилась к советской власти, им тоже жилось хорошо»*. На вопрос: *«Признаете ли Вы себя виновным в том, что Вы, будучи враждебно настроены к советской власти, вели антисоветскую агитацию среди заключенных, направленную на поражение Советского Союза в будущей войне, а также клеветнически высказывались о советской прессе?»* — он ответил: *«Виновным себя не признаю, так как это не совпадает с моим мировоззрением»*.

Расследование было недолгим. 19 марта заместитель начальника Управления НКВД по Ленинградской области утвердил обвинительное заключение, в котором говорилось:

«Указанные заключенные Западалов, Бесчастный, Новиков и Виноградов, оставаясь непримиримыми врагами советской власти, имея на этой почве между собою тесную связь и группируя вокруг себя контрреволюционный элемент в лагере, собираясь в разных помещениях лагпункта под видом богослужения, систематически проводили среди заключенных к/р агитацию, выражавшуюся в следующем:

1. Доказывали о преимуществе монархического строя перед советской властью.

2. Распространяли всевозможные клеветнические измышления о материальном положении трудящихся в СССР, доказывая, что народ голодает, а, мол, Советское правительство „сидит на шее трудящихся“.

3. Доказывали, что судебная и исправительно-трудовая политика сов. власти приводит к массовой гибели невинного народа.

4. Одобряли агрессивные намерения Японии и Германии в отношении СССР, утверждая, что фашизм победит, а сов. власть погибнет, высказывая при этом повстанческо-пораженческие тенденции.

5. В связи с процессом а/с право-троцкистского блока особенно оживили свою к/р деятельность и активно выступали среди заключенных в защиту врагов народа — Бухарина, Рыкова, Ягоды и других, доказывая, что они „погибают за интересы трудящихся“, высказывая при этом террористические тенденции в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства».

29 июня 1938 года Особая Тройка Управления НКВД по Ленинградской области приговорила всех четырех обвиняемых к высшей мере наказания с конфискацией личного имущества. 10 июля приговор был приведен в исполнение. Реабилитация отца Алексия произошла в 1989 году.

Внук батюшки, Игорь Борисович Западалов писал:

«Отец мой... не терял надежды, что Сталин вернет духовных пастырей в приходы и вместе с ними вернется и отец Алексий. С этой странной надеждой он и умер от голода в блокадную зиму, упав на уличный сугроб. Умер, не зная, что отец его, мой дед, уже три года назад был расстрелян».

Сын арестованного священника не побоялся в 1933 году добраться до свирских лагерей, чтобы попытаться найти отца. Борис Алексеевич в эпоху Свирлага писал замечания в разные инстанции по поводу безобразной организации работ, а также в местную газету, что, возможно, даже привело к аресту части начальников.

Публикуем без редактуры в полном объеме тексты частично сохранившихся записок Б. А. Западалова.

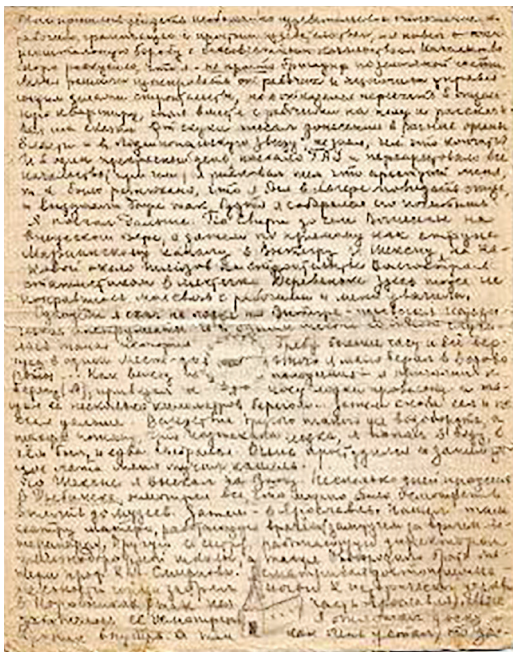
Лист 1. «Ленинград — Астрахань по воде. Такой маршрут я собирался проделать уже давно, а зимой 193 (последняя цифра неразборчиво — ред.) года у меня создалось вообще непреодолимое стремление куда-либо ехать, оставив позади себя всякую грязь и недоразумения. Случайно зашел на биржу труда — вижу: вербуют в село Мандроги на р. Свири на разработку камня и песка. И у меня сразу созрел план, т.б. что очень захотелось увидеть отца, находившегося в лагере на Свири. Я завербовался землекопом и на пароходе вместе с завербованными доехал до Свири (город), где строилась гидроэлектростанция. Парохода непосредственно до самых Мандрог не было, и мы отправились лесом в Мандроги. Это было накануне 1-го мая. В лесу везде стояла грязь, и дорога представляла непролазную грязь. Итти (так

в тексте. — Ред.) нужно было километров 15, но мы проголодались и искали клюкву, заблудились и попали в какое-то место, где было много ягод и змей. Одну убил, висевшую на кусте, под которым было много ягод. С большим трудом выбрались на тропинку и пошли по ней. Подходим к огромному и весьма мирного вида забору. Мы решили, что это и есть место нашего назначения. Тем более, что ворота были открыты настех. Мы всей гурьбой ввалились туда. И вдруг бежит какой-то в форме ГПУ и загораживает нам дорогу — кто такие?.. Оказалось, что это — Свирский лагерь ГПУ... В виду того, что мы не имели туда направления, нас выгнали, но указали дорогу. Мы вышли на песчаную отмель Свири — по другую сторону находились Мандроги. Мы принялись кричать... и наконец, спустя долгое время, к нам направилась лодка. Перевозили по несколько человек. Я оказался у Мандрог во 2-ой или 3-ий рейс. Мы были мокры до костей и голодны, как мастодонты. Но никакого начальства найти не могли. Улеглись вповалку в нетопленной избе. На следующий день оказалось, что хлеб... необходимо сначала выписать. И кроме того был обещан килограмм, а давали по 400 гр. Тогда, после тщетных поисков (неразборчиво) прибывшие вместе с уже работавшими устроили общее собрание и объявили меня председателем: мы никакого другого начальства не признаем... кроме тебя... а будешь отказываться — шею намнем...».

Записки Б. А. Западалова, лист 1

Лист 2. «Мне пришлось увидеть необычайно издевательское отношение к рабочим, граничащее с простым издевательством, и я повел ~~с ним~~ решительную борьбу с бессовестным начальством. Начальство скоро раскусило, что я — не просто бригадир по земляной части. Меня решили изолировать от рабочих и назначили управляющим делами строительства, но я отказался переехать в отдельную квартиру, спал вместе с рабочими на полу и рассказывал им сказки. От скуки писал донесения в разные органы

Записки Б. А. Западалова, лист 2

месте со мной случилась такая история... Гребу больше часу и все верчусь в одно месте — до этого я мало верил в водовороты... Как выход из положения — я причалил к берегу, привязал к носу лодки проволоку и тащил ее несколько километров берегом... затем снова сел и поехал дальше... Вследствие другого такого же водоворота, а также потому, что подтекала лодка, я попал в воду, в чем был, и едва выбрался. Очень простудился и затем целое лето меня мучил кашель.

По Шексне я выехал на Волгу. Несколько дней прожил в Рыбинске, осмотрел все что можно было осмотреть вплоть до музеев. Затем — в Ярославль. Нашел там сестру матери, работающую врачом (замужем за врачом-ветеринаром), другую ее сестру, работающую директором железнодорожной школы, а также двоюродного брата матери проф. К. А. Смирнова. Осматривая достопримечательности города забрел ночью к исторической церкви в Коровниках (также часть Ярославля). Мне захотелось ее осмотреть. Я отложил доску и проник внутрь. А так как очень устал, то зас- (далее текст записок на данном листе обрывается. — Ред.).»

власти и в «Лодейнопольскую звезду», не зная, чем это кончится. И в один прекрасный день наехало ГПУ и перарестовало все начальство (причем я рисковал тем, что арестуют меня, т. к. было разноухано, что я был в лагере повидать отца, и выдумали даже так, будто я собирался его похитить. Я поехал дальше. По Свири до села Вознесение на Онежском озере, а затем по прямому как струна Мариинскому каналу в Вытегру и Шексну, на (неразборчиво) около шлюзов (неразборчиво) строительстве Волгостроя статистиком в местечке Деревеньки. Здесь тоже не понравилась моя связь с рабочими и меня уволили.

Однажды я ехал на лодке по Вытегре — перевозил геодезические инструменты. И в одном

Память

*Михаил Семёнович Матусовский,
правнук расстрелянного протоиерея Павла Стручкова*

Левашово, Горское шоссе, дом 143 — этот адрес известен каждому из нас. Впервые я побывал здесь 5 лет назад со своей сестрой Ириной Юрьевной Казанцевой, которая за несколько лет до этого установила памятный знак на месте захоронения нашего прадеда Стручкова Павла Семёновича, о судьбе которого я и хочу рассказать.

Павел Семёнович родился 26 октября 1871 года в семье священнослужителя Соцкого прихода Семёна Петровича Стручкова. В Соцком приходе священники этого рода служили много лет. В семье, кроме Павла, было еще семь детей. Братья Александр и Василий тоже станут приходскими священниками. Сестры Мария (в замужестве Чернянская), Людмила и Александра выйдут замуж за священнослужителей.

Павел Семёнович в 1892 году закончил Олонецкую духовную семинарию и в январе 1893 года был определен учителем в Русскоденскую церковно-приходскую школу Лодейнопольского уезда.

В 1893 году он женился на дочери приходского священника Ольге Ивановне Рябиной. Таинство венчания совершил священник Соцкой Димитровской церкви Тихон Чернянский. В семье Павла Семёновича и Ольги Ивановны будет четверо детей: Александра, Ольга, Алексей и Серафим.

20 июня 1893 года Павел Стручков был рукоположен в священники церкви Рождества Пресвятой Богородицы Винницкого прихода Лодейнопольского уезда Олонецкой епархии.

Село Винницы протянулось вдоль правого берега реки Оять, между устьями Токши и Тукши. Бытует мнение, что название села произошло от вепсского слова «веняник», что означает «русский». О погосте под названием Увьюнице упоминается в уставной грамоте князя Святослава Олеговича еще в 1137 году.

С начала XVIII и до конца XIX века селение обладало статусом волостного центра. До второй половины XX столетия Винницы представляли собой объединение нескольких небольших селений. К 1913 году в Винницах помимо церковного прихода находилось волостное управление, две земские школы, фельдшерский пункт. В 1926 году Винницы состояли из 40 деревень. Центром было место вокруг приходской церкви.

С первых дней службы в Винницком приходе отец Павел отдавал много сил народному образованию, имел большую библиотеку, регулярно выписывал периодические издания, предоставляя доступ к книгам всем желающим местным жителям.

Внук Павла Семёновича, Борис Николаевич Великосельцев, пишет в своих воспоминаниях: «Павел Семёнович был добр, прям и справедлив. Он много читал, любил поэзию, был общителен. Отец Павел быстро завоевал доверие местного населения — как крестьян, так и интеллигенции. Сельчане шли к нему не только в храм на богослужение, но и домой за советом и даже медицинской помощью».

19 сентября 1903 года отец Павел был назначен на должность благочинного 2-го округа Лодейнопольского уезда.

Епископ Олонецкий и Петрозаводский Мисаил летом 1906 года совершил поездку для обозрения церквей и монастырей Олонецкого, Лодейнопольского, Вытегорского и Петрозаводского уездов. В своих путевых заметках о Винницком приходе он писал: «Местный священник и благочинный Стручков — ревностный, предприимчивый, деятельный и благонадежный» ... «Винницкий приход, сравнительно с другими приходами, отличается значительностью, благотворительностью и благоустройством прихожан, а в будущем, надо надеяться, будет восходить от силы к силе, от совершенства к совершенству. Помогите Господи!»

Начиная с 1906 года, священник Павел Стручков избирался депутатом на все общепархиальные съезды духовенства Олонецкой губернии. На последнем 1917 года Чрезвычайном общепархиальном съезде был избран большинством голосов в церковно-епархиальный совет при епископе. В 1918 году указом Святейшего патриарха и Святейшего Синода от 6–19 апреля за № 805 награжден саном протоиерея.

О периоде жизни Павла Семёновича с 1918 года по 1937 год я могу рассказать, опираясь на воспоминания близких, в том числе его внучки (моей мамы), Стручковой Маргариты Алексеевны.

Именно в этот период раскрылись качества Павла Семёновича как отца, как дедушки, как личности.

«Это был 1925 год, — пишет в своих воспоминаниях Маргарита Алексеевна, — В этом году дом у нас отобрали, в нем открыли начальную школу. Мы перешли жить к Колосковым, поселились на втором этаже. Очень хорошо помню, как дедушка крестил Олю (1926 г). В комнате было жарко, натоплено, на столе стояла купель, бабушка держала ревущую Олю на руках. Дедушка стал читать молитву, потом Олю опустили в купель... и... она успокоилась».

«Дедушка и папа, — продолжает воспоминания Стручкова, — задумали построить дом, сами валили лес, сами возили. И вот на горке появился сруб».

Здесь мне хотелось бы провести параллель с современностью. Видимо, сельские священники обладают особыми качествами. Они многое способны делать своими руками. Так, нынешний священнослужитель в Виннице отец Илья начал с того, что построил храм и дом своими руками.

Вернемся к воспоминаниям внучки отца Павла: «Дом стоял окнами на юг, до других домов далеко, с запада — поля, с севера — гора, с востока — кусты. Рядом — колодец с родниковой водой, из колодца течет ручеек». Надо сказать, что и дом и колодец, который ныне называют поповским, сохранились до сих пор.

Пока семья проживала на втором этаже, произошел один забавный случай. Мама вспоминает: «У нас была телочка Зорька, ласковая и любопытная. В те времена, да и много позднее, двери в домах не закрывались. Наша Зорька, никто не знал как, умудрилась подняться не только на второй этаж, но и выше по лестнице на чердак, да и застряла. Что тут было! Наверное, полдеревни собралось ее вытаскивать. Прямо как у Чуковского: „Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота!“»

К осени 1927 года папа с дедушкой построили дворовушку и половину дома, куда мы и переехали. Рядом с домом был двор, где стояла чистота, и хлев, где жили лошадь Рыжка и упомянутая Зорька, ставшая уже степенной коровой.

В свободное время дедушка нам, внукам, рассказывал интересные сказки. «Когда я стала взрослой девочкой, — вспоминает дальше Маргарита Алексеевна, — мы с классом поехали в Русский музей, и когда экскурсовод рассказывал нам сюжеты картин, то оказалось, что я многое знаю. Почему? Да потому, что дедушка нам, малышам, пересказывал Библию, и его рассказы я запомнила на всю жизнь. В богатой библиотеке дедушки помимо книг было много и журналов. Помню журнал „Нева“, в котором публиковались не только интересные рассказы, но и прекрасные репродукции картин русских художников; детский журнал „Ученик“, к которому прилагались цветные карандаши. Мы любили, когда дедушка рассказывал нам о жизни, а папа пересказывал книги».

«Сдавая в институте экзамен по всемирной литературе и делая обзор творчества Киплинга, — продолжает внучка отца Павла, — я сказала профессору, что читала роман „КИМ“. Женщина профессор не поверила, так как сама не читала и даже в глаза не видела этого произведения». Рассказывая про этот случай, Маргарита Алексеевна сказала, что, видимо, у профессора не было такого дедушки, как у нее.

В своих воспоминаниях Маргарита Алексеевна с большой теплотой отзываясь не только о Павле Семёновиче, но и о своем воспитателе Андрее Ананьевиче. Она пишет: «Моей нянькой был Андрей Ананьевич, звонарь, добрейшей души человек, который меня сильно любил. Он был

*На снимке семья
Стручковых.
Павел Семёнович
в центре
с внучкой*

очень близким нашей семье долгие годы. Сколько лет ему было, не знаю, он казался мне очень старым и умным, умел и успешно лечил тех, кто к нему обращался, даже вылечивал после укуса змеи».

Конец жизни Андрея Ананьевича печален. После ареста Павла Семёновича он остался без крова, скитался по добрым людям и однажды так и умер на пригорке. Видно, сердце прихватило. «Андрея Ананьевича я вспоминаю, — писала моя мама, — с благодарностью и молюсь за упокой его души».

В 1928 году сына Павла Семёновича Алексея пригласили на работу в газету «Лодейнопольская Правда», где до этого он работал внештатным корреспондентом. Алексей Павлович, его жена и двое детей, Серафим и Ольга, уехали в Лодейное поле, а Маргарита осталась с дедушкой. Осенью 1929 года Маргариту отвели в школу, находившуюся в бывшем доме Стручковых, но через неделю из школы ее выставили. Класс оказался переполнен, а девочке не было еще положенных восьми лет. Она очень плакала, возмущалась, что ребята в школе кричали «попова внучка». Через год Павел Семёнович отвез Маргариту к отцу в Лодейное поле.

Жизнь становилась тяжелой, продукты выдавались по карточкам, и тогда Павел Семёнович отдал родным в семью сына корову Зорьку. Это намного облегчило им жизнь. Корова Зорька стала их спасительницей. И пусть у них не было хлеба, но зато было молоко.

В 1933 году редактора лодейнопольской газеты перевели в Красногвардейск (Гатчину) и он взял с собой всех своих сотрудников, в том числе и Алексея Павловича. Так семья сына переехала в Гатчину. В 1930-е годы

в сельских приходах отношение к священникам у многих прихожан изменилось. За годы Советской власти подросло новое поколение, политика и пропаганда делали свое дело. Грубость и недоброжелательность распространились и на членов семьи Павла Семёновича. Изменения, происходившие в Винницах, сильно тревожили матушку Ольгу Ивановну, она очень волновалась за мужа, детей и внуков. Она поддерживала мужа, заботилась о семье, старалась быть опорой детям и внукам. Но случилось несчастье, однажды ее столкнули с крыльца магазина. Матушка пережила сильное потрясение, заболела и вскоре скончалась. Это был 1936 год.

Этот год выдался для семьи Стручковых очень тяжелым.

Умерла мать Павла Семёновича Александра, которая жила у своего зятя Тихона Чернянского. Был арестован родной племянник Семён Александрович, который тоже был священником. Его сослали в Свирлаг, где он скончался от воспаления легких в декабре этого же года.

Родной брат Василий Семёнович еще в 1935 году после закрытия храма в Тервеничах, где он был настоятелем, уехал к детям в Вельегонск.

Так отец Павел остался один.

В 1937 году по всей стране прокатилась волна арестов священнослужителей. Чтобы придать этим арестам видимость законности, НКВД стал выдумывать всякого рода организации, центры, блоки и просто группы. Не отставали от своих коллег и Лодейнопольские чекисты. Так на свет появилось дело «староцерковников».

Первые аресты начались в начале августа 1937 года.

В это время после состоявшегося у него в доме обыска, незадолго до ареста, Павел Семёнович поехал в Красногвардейск к сыну. В последний раз увидел своих внуков, будто прощаясь со всеми. Алексей уговаривал отца сменить место жительства, уехать из родных мест, ведь отец Павел уже овдовел, дети покинули родной дом. Казалось бы, в Винницах его ничего не держит. Но Павел Семёнович о переезде даже не думал. Сказал, что за ним никакой вины нет, покидать церковь и прихожан он не будет. Несмотря ни на что отец Павел вернулся в свой приход, к своим пастырским делам.

Аресты по так называемому делу «староцерковников» продолжались. 16 сентября 1937 года в числе последних был взят под стражу Павел Семёнович.

Всего по делу было арестовано 7 священнослужителей и 6 мирян.

20 сентября 1937 года состоялся допрос Павла Семёновича, и уже 21 сентября начальник Оятского РО НКВД лейтенант госбезопасности Вахроев С. И. оформил обвинительное заключение по делу, в котором было сказано: «Будучи непримиримым врагом Советской власти, систематически выступал против всех мероприятий, проводимых Партией и Советской властью в деревне. Вел вербовку в контрреволюционную группу

староцерковников, давал установки разваливать колхоз и дискредитировать все постановления Советской власти, записанные Конституцией».

Приговор по так называемому делу «староцерковников» был вынесен особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 октября 1937 года по статье 58, пункты 10–11. Все арестованные были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

В стихотворении моего деда Алексея Павловича Стручкова «Монастырь» есть такие строки:

«Ранним утром, средь темных лесов

Вдруг польется чарующий звон.

И, спугнув с колокольни таинственных сов,

Далеко, далеко льется он.

И напевы молитв в храме чуть-чуть слышны,

Грустно льются они, робко тают в тиши...»

Умолкли молитвы, затихли колокола. Осиротели храмы, прихожане остались без своих пастырей.

Приговор был приведен в исполнение 21 октября 1937 года. Так закончился земной путь протоиерея Павла Семёновича Стручкова.

Свидетельство о смерти отца Павла было получено только в 1990 году.

В этом же году его внук Борис Николаевич Великосельцев получил справку из Ленинградского областного суда о посмертной реабилитации Павла Семёновича Стручкова.

Два различных документа из двух разных ведомств. Но общая дата. По стечению обстоятельств и свидетельство о смерти и справка о посмертной реабилитации были датированы одним числом — 11 июня 1990 года.

Меня удивило это совпадение. Я обратил на него внимание, готовясь к своему рассказу.

Хочу сказать еще и о том, что в память о бабушке с бабушкой внучка Маргарита не стала менять фамилию в замужестве, оставаясь всю жизнь Стручковой.

В январе 2011 года моя сестра в ответ на запросы получила письмо из ФСБ Российской Федерации, в котором было сказано, что все жертвы массовых репрессий, имевших место на территории Ленинграда, с лета 1937 года захоранивались в районе поселка Левашово Выборгского района Ленинграда.

Так мы, правнуки, пришли в Левашово, проложили сюда дорогу нашим семьям, родственникам, друзьям.

На этом разрешите закончить мой рассказ. Закончить тем, с чего он начался.

Духовный подвиг священника Иоанна Великова

*Николай Михайлович Коняев,
писатель*

Наш дом стоял на берегу Свири, и река текла через саму нашу жизнь. На одном берегу жили мы, на другом — стояла школа, в которой отец работал директором. Он родился и вырос в республике Коми, а мать — в Остречиных, селе, которое перед тем, как уйти на дно Ивинского водохранилища, попало в самый центр страшного Свирьлага.

Уже когда я вырос, узнал, что отцу пришлось уехать из Коми, спасая, может быть, саму свою жизнь.

Репрессии там начались еще в 20-е годы, когда обрубали русскую, бабушкину, ветвь нашей семьи. Погиб на этапе брат бабушки — издатель выходившего до революции журнала «Вестник Севера» Иван Алексеевич Шергин, сгинули в лагерях и ее сестры — монахини Крестовоздвиженского монастыря.

Ну а зырянская родня пошла в лагерь в середине 30-х годов по делу коминационалистов. В лагерях погиб старший брат отца — Алексей. Самого деда спасли от ареста старость и смерть...

В 1937 году пришла очередь молодого поколения семьи, ставшего советскими учителями. Их сажали просто и без затей. Мужа моей тетки

Писатель Н. М. Коняев

Иону Степановича Дьяконова приговорили к высшей мере только за то, что обнаружили в календаре, висящем у него на стене, портрет врага народа.

Отец успел уехать с Вычегды после смерти деда, это и спасло его. В Ленинграде его направили работать в Остречины, и там отец встретил мою мать.

Но не лучше обстояло дело и с остречинской семьей матери. Ее отца расстреляли, а брат застрелился сам, ожидая ареста.

Вот такое родословие. Довольно много родни погибло на фронте, но в лагерях пропало все-таки больше.

Уже в 90-е годы я отыскивал уголовные дела большинства своих родственников и почувствовал даже какую-то противоестественную признательность следователям НКВД, благодаря которым услышал живые голоса своих дедов и дядек. Тогда и понял я, насколько мне не хватало их. Этой родней можно было гордиться...

Брат моей бабушки Иван Алексеевич Шергин незадолго до ареста написал статью «Ленинско-коммунистическое самооболванивание».

Двоюродный брат отца, Степан Алексеевич Коняев, хотя и был подвергнут страшным пыткам — в дело подшиты жалобы, в которых он сам описывает их — так и не признал никакой вины, так и не оговорил никого.

В 90-е годы узнал я и о семье матери. Мне стало понятно, откуда в ней была такая глубокая вера, которую не могли поколебать и десятилетия внецерковной жизни. Настоятелем церкви в Остречиных, который исповедовал и причащал мать, был новомученик российский Иоанн Великов, расстрелянный в 1937 году.

Когда я читал протоколы допросов отца Иоанна Великова, на глаза наворачивались слезы, а на душе становилось светло — с таким спокойным мужеством принял этот человек свой мученический венец.

Когда село Остречины, где родилась и выросла моя мать, где она встретила с моим отцом, уже исчезло, скрытое мелкой водой Ивинского разлива, образовавшегося после пуска Верхнесвирской ГЭС, посреди бескрайней как потоп воды стояла на пригорке только церковь Рождества Богородицы. Церковь эту хорошо было видно с проходящих мимо теплоходов.

Вспоминаю свою первую поездку в Ленинград... Поселковый мальчишка, впервые попавший в пароходный рай, я шалел от белых палуб, от ярко начищенных медных поручней, от огромных зеркал в салоне для отдыха. Все было ново, необычно, празднично. Позабыв обо всем, носился я по палубам, взбегал по сверкающим лестницам, кричал неведомо о чем — и вдруг, словно окликнули... Белая церковь стояла посреди воды...

«Мучительное это слово — „Свирь“!.. Не слово, а черта, отделившая одну жизнь от другой, юность от взрослости, волю от порабощения. Ведь „Свирь“ в тридцатые, полунепонятные годы была не столько названием порожистой реки, сколько половиной термина „СвирьЛАГ“... Множество мирных имен на географической карте было испорчено тогда добавкой этих трех букв! Невольником, рабом, заключенным был привезен тогда я на этот берег...»

Это из воспоминаний писателя Серафима Четверухина, сына московского священника. Какая страшная метаморфоза, какое жуткое противостояние! Озаренные тихим и ясным светом Православия монастыри, основанные преподобным Александром Свирским и его учениками... Это с одного края истории. А с другого — исполинская, дышащая мертвящей стужей тьма СвирьЛАГа. Самое же трагичное то, что и там, и тут находились одни и те же православные, русские люди.

- А где Ладвинский монастырь находился? — расспрашивал я.
 — Какой монастырь? Не слышали про такой...
 — Ну как же не слышали? Село Ладва...
 — Ладва?! Так это же станция. Там пересылка была...

Неприметная жизнь

Мне никто не рассказывал о священнике остречинской церкви Рождества Богородицы отце Иоанне Великове, но уже в детстве, пусть и не яркий, но чистый и ясный, отчетливо различался свет его жизни. Поскольку в шестидесятые-семидесятые годы немало разговаривал и общался с людьми, которые сохранили, пронесли через страшные годы испытаний привитую им отцом Иоанном веру...

Известно о нем очень мало. Родился Иван Александрович Великов 23 мая 1883 года в селе Люболяды Новгородской губернии в семье псаломщика. Как и положено было в сельской «поповке», вся будущая жизнь Ивана Александровича была определена без него. Обучался он в Новгородской Духовной семинарии, но, когда окончил три класса, в Троицкой церкви погоста Перетно-Крестецкого уезда освободилось место

псаломщика. Поэтому в 1902 году Иван Александрович оставил учебу и поступил на приход. В 1911 году двадцативосьмилетний псаломщик, получавший сто рублей в год жалованья, женился на двадцатитрехлетней дочери дьякона Марии Афанасьевне Ефремовой. Скоро Мария Афанасьевна забеременела, и Иван Великов устроился по совместительству учителем пения в Перетнинскую церковно-приходскую школу. Родилась первая дочь Муза, через год — Фаина. Незадолго до рождения третьей дочери, Веры, тещь-дьякон ушел на покой, и многодетный отец был назначен на его место. В 1914 году его рукоположил во дьяконы викарий Новгородской епархии преосвященный Алексей, епископ Тихвинский. Это рукоположение в сан диакона псаломщика Иоанна Великова — одно из первых деяний на архиерейском поприще будущего Патриарха Алексия I.

Одновременно с дьяконством Иоанн Великов работал законоучителем в земской школе. Скоро его доход вырос до 402 рублей 12 копеек в год. Доход вполне приличный, достаточный для безбедной жизни. На допросе 12 августа 1937 года арестованному Ивану Александровичу Великому зададут вопрос:

- Дайте показания, были у вас беседы с колхозниками о том, что «в старое царское время жилось лучше, все было, а сейчас замучили с этими колхозами?»
- В разговорах я действительно вспоминал про жизнь при царском режиме, — ответит Иван Александрович. — Тогда я имел отдельную дачу, моя жена не работала, мы имели работницу и няню, и тогда нам жилось лучше.

В целом же у батюшки была рядовая, неприметная жизнь... Размеренность и расчетливость ее любили осмеивать либеральные писатели, косность ее «разоблачали» на своих полотнах наши передвижники, но сколько осмысленности и мудрого покоя в этой жизни!

К сожалению, следующие два десятилетия вплоть до страшного 1937 года жизнь Иоанна Великова прослеживается только пунктирно. Мы не знаем, в каком году он был рукоположен в иереи, на каких приходах служил. С достаточной определенностью можно сказать, что все беды, которые претерпевала в те годы Русская Православная Церковь, не миновали и жизнь Иоанна Великова, и был, кажется, такой момент в его жизни, когда в результате чекистских гонений, накрытый мутной волной обновленчества, Иоанн Великов вынужден был оставить священническое служение. В «объективке», поданной на рассмотрение тройки

УНКВД ЛО, сказано: «*Великов Иван Александрович... служитель религиозного культа, бывш. священник Остречинской церкви Вознесенского р-на, до ареста проживал там же, б/п, образование среднее, женат — жена и сын 14 лет, проживают в г. Ленинграде, ул. Чайковского, д. 58, кв. 37, — работал в трамвайном парке*». Но кем, в какой должности работал Иван Александрович в трамвайном парке, нам тоже не известно.

С достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что иерей Иоанн Великов вернулся к священническому служению, когда началось контрнаступление Патриаршей Русской Православной Церкви против захвативших ее приходы и епархии обновленцев. К этим выводам мы приходим, анализируя ответы, данные отцом Иоанном на допросе в 1937 году.

- *У меня враждебных взглядов на советскую власть не было, так как до 1930 года я жил неплохо, — сказал тогда Иван Александрович.*
- *Почему с 1930 года вам стало хуже жить? — задал вопрос сотрудник НКВД Сопрунов.*
- *В 1931 году у меня все имущество было продано с торгов за налоги, после чего стало жить хуже. Налоги я не платил, потому что не хватало денег.*

Отвечая на вопросы о своей священнической службе, отец Иоанн постоянно ссылаясь на архиереев, активно борющихся с обновленчеством. Например, он признался, что «*в Вознесенский район я был направлен Ленинградским митрополитом Серафимом*». А митрополит Серафим — это священномученик Серафим (Чичагов), который занимал Ленинградскую кафедру с 19 февраля 1928 года по 11 августа 1933 года. В 1932 году, как это видно из показаний отца Иоанна на допросе, он находился в селе Ладва, где раньше был монастырь и к тому времени размещалась одна из главных пересылок в системе Свирлага. Именно в 1932 году было объявлено о «безбожной пятилетке». Декретом правительства за подписью Сталина к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто» по всей территории СССР. И в 1932 году отец Иоанн Великов был арестован органами ОГПУ Карельской республики. Начиналась «страстная пятилетка» отца Иоанна Великова.

Из протокола допросов

— Дайте показания, за что вы привлекались в 1932 году к ответственности по статье 58.10 УК? — допытывался у Ивана Александровича оперуполномоченный.

— Я привлекался органами НКВД в 1932 году по статье 58.10 УК за то, что я говорил в проповедях в церкви, что школа теперь безбожная, — отвечал отец Иоанн. — Пробыв 18 дней в НКВД, я был выпущен.

В 1933 году отец Иоанн принял церковь Рождества Богородицы в Остречинах... Три месяца он жил на квартире единоличника Андрея Ивановича Быкова, потом 14 месяцев прожил у колхозницы Шиперовой. Общался он здесь со священником П. П. Шевелёвым, осужденным на 10 лет и отбывавшим срок в 5-м лагпункте Свирлага, и со священником В. Н. Лавровым из прихода Гакручей. Сделано было отцом Иоанном за годы, проведенные в Остречинах, немало. Мы видим по материалам следствия, что в 1935 году при отце Иоанне Великове число прихожан церкви Рождества Богородицы увеличилось с 270 до 800–900 человек. Подготавливая обвинительное заключение на отца Иоанна, оперуполномоченный Скачков подчеркивал красным карандашом наиболее важные для обвинения показания... Сейчас перечитываешь эти подчеркнутые карандашом сведения и перед глазами возникает идеальный образ, которому и должен соответствовать настоящий служитель Церкви...

Вопрос: Как давно в вашей церкви священником работает Великов Иван Александрович?

Ответ: Служитель религиозного культа попом Остречинской церкви Великов Иван Александрович работает после того, как был выселен бывший поп Дикаревский. Всего примерно Великов работает около 3–4 лет, который в своей работе очень крепко убежден и стремится привить верующим и гражданам, посещающим церковь, веру.

Вопрос: Дайте конкретные показания о методах работы Великова, которыми он прививает веру в Священное Писание?

Ответ: Методами работы священника Великова, которыми он старается вовлечь верующих и граждан в церкви, а также им внушить Священное Писание, является, что он редко в каком-либо совершении религиозного обряда не говорит проповеди.

Вопрос: Дайте показания, что вам известно о попе Остречинской церкви Великове?

Ответ: Великова Ивана, священника Остречинской церкви Вознесенского района, знаю с момента его приезда в Остречины, т.е. более трех лет, и о нем мне известно, что он очень активно борется за укрепление церковного влияния на население... Во время переписи среди колхозниц, которые приходили к нему, он вел разговоры, чтобы все они записывались верующими, меня он тоже призывал записываться верующей, это, говорит, лучше для верующих... Среди колхозниц он говорил, что следует посещать церковь во все религиозные праздники, не считаясь с работой в колхозе, потому что вера выше всего, и что за это по Конституции ничего не будет.

Следует обратить внимание, что дело № 94651 по обвинению Великова Ивана Александровича начато 11 августа 1937 года, но открывается оно протоколом допроса его квартирной хозяйки Александры Ивановны Шиперовой, проведенным 30 июля 1937 года. Видимо, тогда и собирались арестовать Великова, но он был в отъезде. На том допросе Шиперова показала, что священник Иван Великов с января 1936 года по апрель 1937 года проживал в ее доме в деревне Шиперово. Когда Великов 12 августа вернется в Остречины и будет арестован, на допросе ему зададут вопрос:

— Укажите причину вашего отъезда из Остречин. Почему поспешно выехали?

— Я, согласно указу митрополита Николая, должен был выехать в Новгород, к месту новой службы в качестве священника, — спокойно ответит Великов.

Можно предположить, что тут Иван Александрович Великов говорит о митрополите Николае (Ярушевиче), который в 1936 году был назначен управляющим Новгородской и Псковской епархиями. Вероятно, владыка пытался спасти отца Иоанна, переместив его в другую область, в другой приход, но чекисты не дремали. В «деле» много свидетельств о том, что после общения со священником многие крестьяне уходили из колхозов. Особенно «роковые последствия» имела агитация отца Иоанна для остречинского колхоза им. «Завода № 23». Его председатель М. Е. Ванин утверждал: «До приезда Великова в нашем колхозе все время был рост. Единоличники активно вступали в колхоз, и было уже 70 хозяйств в колхозе. Колхоз был всегда на первом месте. После того, как приехал Великов, в нашем колхозе стало разложение. Попавшая под влияние пропаганды попа гражданка Новожилова, бывшая колхозница, сейчас из колхоза вышла. Бельков Иван, который часто посещал Великова, совершенно отказался от работы

и этим увлек за собой своих братьев. Демидова, которая от убеждения попа не выходит на работу во все праздники, большие и маленькие. В настоящее время в нашем колхозе... из 70 хозяйств осталось 50 хозяйств». Есть в «деле» и описание ареста. Священник пришел ночью за вещами к Шиперовой, но здесь его уже ждали сотрудники НКВД. При задержании у отца Иоанна были изъяты: часы карманные одни, денег в сумме 259 рублей, расческа одна, бумажник один, свидетельство о рождении, поясной ремень один, бутылка вина красного одна, чашка с блюдцем одна, чайных ложек две, нательного белья две пары, одна рубашка, одна скуфья, одна пара валенок, одна простынь, одна пара носок с резинкой, одна пара ботинок, три книги... Не считая бутылки церковного вина и сосудов, которые были необходимы для приготовления Святых Даров, все остальные вещи принадлежали отцу Иоанну Великову и составляли, по-видимому, все его имение.

На допросах отец Иоанн держался с поразительным достоинством.

«Вопрос: Дайте показания, высказывались вы о том, что „сколько в колхозе не работайте, все равно толку будет мало, они должны развалиться“?»

Ответ: Этого я не говорил и категорически отрицаю.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствие настаивает дать правдивые показания, т. е. следствие располагает свидетельскими показаниями, подтверждающими ваши высказывания колхозникам.

Ответ: Это ложь, я категорически отрицаю это».

И далее: «...Нет, в этом себя виновным не признаю».

Эти показания вполне можно было бы использовать в Настольной книге священнослужителя как живой пример того, как следует вести себя служителю Русской Православной Церкви в годину испытаний. В протоколе допроса есть фраза, где следователь после ряда прямых отрицаний священником наветов предлагает «дать правдивые показания». Это эвфемизм, обозначающий, что в этом месте допроса оперуполномоченный НКВД начинал избивать подследственного. Если посмотреть многие протоколы, то после этой фразы «враг народа» обычно начинал немедленно давать «правдивые» показания, оговаривая себя и других.

Для подтверждения приведу протокол допроса обновленца Николая Сергеевича Елпидинского, архиепископа Тихвинского и Череповецкого, состоявшегося тоже в 1937 году.

«Вопрос: Вы арестованы как участник к/революционной организации. Дайте показания о вашей к/революционной деятельности.

Ответ: Участником к/революционной организации я не состоял и к/революционной деятельности не проводил.

Вопрос: Вы даете неправдивые показания, настаиваем дать показания по существу вопроса.

Ответ: Участником к/революционной организации я не был и к революционной деятельности я не вел.

Вопрос: Вы вторично показываете неправду. Требуем дать правдивые показания, иначе будем вас избличать.

Ответ: Я вынужден отбросить препирательства и признать, что действительно с 1933 г. я состоял участником к/революционной организации церковников, которую возглавлял Ленинградский митрополит Платонов Николай. Я познакомился с Платоновым в 1924 году и в последующий период был обработан в к/революционном духе и завербован.

Вопрос: Назовите участников вашей к/революционной организации.

Ответ: Участников нашей к/революционной организации я знаю... Далее допрашиваемый называет семь имен.

Вопрос: Вы назвали не всех участников к/революционной организации.

Ответ: Да, я не назвал участников к/революционной организации, а именно...»

Называются еще два имени... И так далее, называются еще шестнадцать человек — весь так называемый список Елпидинского.

Эвфемизмов «следствие предлагает дать правдивые показания» немало и в протоколе допроса отца Иоанна Великова, но сломить отца Иоанна не удалось. В обвинительном заключении говорится, что «вещественных доказательств нет». Между тем на документе сбоку напечатано: «Великова Ивана Александровича — РАССТРЕЛЯТЬ... 4/IX 1937 г.» Приговор был приведен в исполнение спустя четыре дня, 8 сентября 1937 г.

Однако несправедливости для отца Иоанна на земле на этом не закончились. Месяц спустя после его расстрела уже упоминавшийся обновленческий архиепископ Елпидинский на допросе назовет Иоанна Великова в числе участников своей «контрреволюционной организации»... Видимо, он «разумно» посчитал, что отцу Иоанну уже все равно. Между тем, этот компромисс обновленцев, как и все прочие, вроде бы вполне разумные и безвредные, этот, ничем не грозящий отцу Иоанну оговор, обернулся серьезной неприятностью. Сейчас, когда встал вопрос о прославлении Иоанна Великова в сонме новомучеников, именно присут-

ствии его в «списке Елпидинского» стало серьезным препятствием для канонизации.

Разумеется, для самого отца Иоанна Великова это ничего не значит. Думаю, что можно не беспокоиться насчет загробной участи человека. Работая в архиве ФСК, я наткнулся на дело «оятских священников».

Тринадцать человек проходили по этому делу...

Т. М. Чернявский, В. А. Кудрявцев, С. С. Елпидинский, Г. И. Иванов, А. С. Крылов, П. С. Стручков, Е. И. Румянцев, А. Е. Макаров, П. Е. Макаров, К. М. Калинин, О. С. Максимов, И. В. Филипов...

Все они были расстреляны.

Фабула дела, которое вели Оятский и Лодейнопольский райотделы НКВД, проста и незамысловата.

Уполномоченный Карельской епархии Николай Степанович Надеждин собрал на квартире протоиерея Михаила Ивановича Романова в Лодейном Поле нелегальное (а были легальные?) собрание благочинных, на котором дал — так утверждает в следственном заключении — установку на развертывание контрреволюционной работы.

По его указанию священник Сергей Семёнович Елпидинский завербовал для проведения контрреволюционной работы протоиерея Тихона Михайловича Чернявского, священников Германа Ивановича Иванова, Александра Семёновича Крылова, Павла Семёновича Стручкова, братьев-кулаков Алексея Егоровича и Павла Егоровича Макаровых, а также старост других церквей района.

В результате была создана контрреволюционная организация, которая (подумать только!) ставила своей задачей «*проведение своих кандидатов в Советы при очередных выборах*».

Проводивший допросы помощник оперуполномоченного Оятского райотдела НКВД Чуркин довольно быстро — все следствие длилось чуть больше месяца — добился признательных показаний.

«Я дал старосте Филипову следующую контрреволюционную установку: “Вам надо теперь использовать в своих целях сталинскую Конституцию, надо разъяснять массам, что согласно новой Конституции в Советы могут быть избраны все лица, не считая их социального прошлого (кулаки, служители культа и др.), и можно не избирать тех, кто руководит страной в данное время”»...

«После того, как был опубликован в печати проект Конституции, я стал проводить среди колхозников агитацию, что большевики признали религию, и в воскресные дни нужно не ходить на колхозную работу, а нужно ходить в церковь».

Признания священников подтверждались справками из сельсоветов:

«Гр. Крылов Александр Семёнович на территории Гонгинского с/совета проживает с 1932 года при церкви Николая Чудотворца. На территории

с/совета ничего не имеет. С хозяйством не связан. Государственные платежи, как мясопоставки выполнял до 1937 года аккуратно, но в 1937 году мясопоставки не выполнил в установленный срок, мотивируя тем, что у него нет скота и найти мяса не может. Гр-н Крылов всячески старался во время пасхальных дней срывать колхозные работы. Устраивал в церкви митинги о том, что райисполком разрешил производить крестный ход, что мы вправе будем ходить, тогда как официального распоряжения не было у них на руках. После того как были выполнены постановления двух общих собраний колхозов о закрытии церкви и отобрании ее под культурные нужды, он сразу же организовал своих людей, то есть членов двадцатки и направил по участкам собирать лишние "руки" по населению против закрытия церкви».

Священников в результате расстреляли только за то, что они призвали жить в соответствии с советскими законами, за то, что они «пропагандировали» сталинскую Конституцию.

К сожалению, дела тридцать седьмого года скудны на детали и подробности.

Кто бы — офицер, священник или крестьянин — ни проходил по делу, в какой бы местности — в Ленинградской области или в Коми АССР — ни велось дело, все они похожи друг на друга. Редко-редко проникает в протоколы живая человеческая интонация, какая-либо конкретная деталь.

Мертвые, тяжелые словоблоки вопросов: «*Вы арестованы как участник к/р организации. Расскажите, кем и когда вы были завербованы в эту организацию?*» — сменяются мертвыми, уставными ответами: «*Елпидинский дал установку, чтобы я проводил через надежных людей к/р агитацию*».

Люди так не разговаривают ни при каких обстоятельствах.

Так скрипит машина смерти, перетирающая в лагерную пыль очередную человеческую жизнь.

Что-то неодушевленное задает вопрос.

Что-то мертвое отвечает на него.

Но что удивительно...

Из канцелярского шелеста бумаг, из скрипа машины, равнодушно перетирающей в прах человеческие жизни, вдруг совершенно ясно и отчетливо возник живой отец Александр Крылов.

Я вдруг ясно увидел этого тридцатисемилетнего настоятеля церкви, закрытой решением двух общих колхозных собраний...

Этого священника, живущего без хозяйства, без собственности, но при этом выплачивающего все мясные и не мясные поставки...

Этого отца пятерых детей — старшему было девять лет, младшему один год, — которых надо было кормить и одевать...

Как он жил?

Как, раздавленный нуждой и несправием, умудрялся он сохранять священническое достоинство и при этом продолжать хлопотать об отмене несправедливых решений о закрытии церкви?

И что еще поразительно...

Отцу Александру Крылову было всего семнадцать, когда произошла революция, когда перевернулась жизнь. Ему, ученику духовного училища, легче многих других было начать иную жизнь. Достаточно было отречься от веры, и тогда открылись бы многие пути в новой России. Примеров тому множество и среди нашей военной аристократии и среди крупных государственных чиновников.

Но сын священника Александр Крылов сам стал священником в эти нелегкие для Церкви годы. И понес тот нелегкий крест, который дал ему Господь, и пронес до своего смертного часа.

Замученный нуждой, не бросил он приходжан, не оставил алтаря, к которому поставлен был служить. До самого последнего проведенного на свободе дня, как это видно по материалам дела, пытался он отстоять, спасти уже закрытую церковь...

Увы... В деле № 94 131 не было ни одной фотографии.

И все же пока я перелистывал пожелтевшие страницы, ясно и отчетливо ощущал на себе чей-то взгляд. Словно это отец Александр Крылов смотрел на меня с пожелтевших страниц...

Ничего своего, личного не было в этом взгляде.

Все частное было перетерто на жерновах тридцать седьмого года. Осталось лишь то, что уничтожить невозможно.

То, что не исчезает.

И вспоминая этот взгляд с пожелтевших страниц, стоит ли удивляться, что и сейчас, много десятилетий спустя, слышен звон разбитых колоколов, неуничтожимые голоса расстрелянных за монастырским гумном иноков?

Вся наша Россия сейчас одно только неуничтожимое и есть.

Все, что можно было уничтожить, давно уже уничтожено...

Мученический подвиг архиепископа Августина (Беляева)

*Елена Валентиновна Метальникова,
научный сотрудник Кабинета по изучению истории
Калужской епархии в XIX–XX веках (при Калужской духовной семинарии)*

Одним из тех, кто прошел все испытания Свирлага, был будущий священномученик, архиепископ Калужский и Боровский Августин (Беляев). Земная жизнь священномученика Августина (Беляева) светла, прекрасна и поучительна. Житие священномученика Августина (Беляева) поражает силой его веры, несгибаемостью перед испытаниями, верностью Христу даже ценою своей жизни. Во все периоды его жизненного пути вера и любовь к Спасителю стояли на первом месте. Не было для него ничего значительнее и дороже.

Основные события и даты жизни священномученика Августина (Беляева) выстраиваются в подтверждение того, о чем он писал в зрелом возрасте: «...Крест — символ терпения, самоограничения, которые необходимы для тех, кто встал на путь борьбы со всякой подлостью, живущей в человеке и в человечестве». Свой крест он пронес достойно через все испытания. Формированию личности будущего священномученика и укреплению его в вере способствовало семейное воспитание. Он родился в 1886 году в селе Каменники Юрьевоцкого уезда Костромской губернии в семье диакона Христорожественской церкви Александра Андреевича Беляева и его супруги Евдокии Ивановны и в крещении был наречен Александром.

В семье было пятеро детей, и Александр был самым младшим. Эти сведения о детях в семье Беляевых (помимо младшего Александра)

Архиепископ Августин (Беляев)

можно дополнить: братья Иван и Павел, сестры София, Мария. Но никто из них не стал священнослужителем и не постригся в монашество. При этом братья и сестры Александра всю жизнь оставались глубоко верующими и богобоязненными людьми. Этому способствовало семейное воспитание и пример родителей. *«Религиозная вера — это лучший охранитель каждого человека в жизни, это лучший его спутник во всяком возрасте от колыбели до гроба»* — такой вывод делал в курсовом сочинении «Значение религии в деле воспитания» студент Казанской духовной академии А. Беляев.

До поступления в духовную академию он прошел обучение в духовных учебных заведениях, как и многие дети представителей духовного сословия. События в жизни Александра Беляева развивались следующим образом: он окончил в 1901 году Кинешемское духовное училище, поступил учиться в Костромскую духовную семинарию, после семинарии — в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1911 году. Далее — преподавание в Пензенском епархиальном женском училище. В 1913 году в личной жизни молодого преподавателя произошли изменения, он женился. Родились в молодой счастливой семье дочери: в 1914 году — Юлия, в 1919 году — Нина. Но в 1920 году от скоротечной чахотки скончалась его жена, и он остался один с двумя сиротами — шести лет и младенцем девяти месяцев, которых ему помогла воспитать неграмотная, но глубоко верующая крестьянка Анисия Ефимовна.

После того, что происходило в стране после 1917 года, и личных несчастий, Александру Беляеву в раздумьях и молитвах пришло убеждение в том, что выбранный им путь служения Богу и людям единственно верный. 28 августа 1920 года Александр был рукоположен в священника. Вскоре он с детьми переехал на родину в Кинешму, где стал служить в одном из городских храмов. Его самоотверженное и подвижническое пастырское служение вскоре сделало его известным не только среди православных города Кинешмы, но и во всей Иваново-Вознесенской епархии. В 1923 году, благодаря энергичной поддержке безбожной власти, большинство храмов в Иваново-Вознесенске были захвачены обновленцами. Епископ Иваново-Вознесенский Иерофей (Померанцев) отпал в обновленчество. 14 сентября 1923 года в Покровском кафедральном соборе в Иваново-Вознесенске состоялось собрание представителей православных общин города, единодушно постановившее направить Патриарху Тихону прошение с просьбой *«благословить... общенародное избрание протоиерея Александра Беляева во епископа города Иваново-Вознесенска и совершить над сим народным избранником хиротонию во епископа»*.

Служение епископа отличалось твердой позицией поддержки Патриарха Тихона и его взглядов. За что он и пострадал. 8 сентября

1926 года епископ Августин был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Среднюю Азию. После возвращения он был назначен на кафедру в Сызрань. Меньше года прослужил преосвященный Августин в городе Сызрани. 21 февраля 1931 года ОГПУ арестовало его. 28 октября 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Августина к трем годам заключения в концлагерь. Таким образом, после допросов и обвинения епископ Августин по воле богоборческой власти оказался в Свирлаге. Многие лучшие представители духовенства разделили участь тысяч священников, обвиняемых в несуществующих преступлениях по сфабрикованным делам. Вместе с закоренелыми преступниками тянули лагерную лямку люди светлой души и богобоязненной жизни, такие как епископ Августин.

Ведь пропагандировалось на каждом углу мнение, что в концлагерях люди находятся для того, чтобы измениться, быть полезными советскому обществу — «перековаться». И были, безусловно, те, кто избирал этот далеко не самый благородный путь. Ценой предательства, оговоров, докладов по любому случаю и без такового эти люди получали желаемую свободу. Более того, они должны были в итоге перед всеми заявить о своей новой жизненной позиции. Нужно было раскаяться в прошлых заблуждениях, сказать: «Бога нет» и т. п.

Чтобы ускорить процесс перевоспитания находящихся в лагере, во всех бараках, столовых и других помещениях, даже иногда в лесу в большом количестве находились плакаты с призывами стать на путь «исправления». Этими плакатами кое-где закрывались дыры в стенах наскоро построенных временок, которые служили ночным пристанищем для заключенных. Они находились там не так много. Ведь рабочий день начинался в 9 часов утра, а заканчивался в 11 часов вечера. И это практически без еды, без одежды, которая необходима по сезону. Как ложью была проникнута сама идея «перековки», так и пустой формальностью и лицемерием были тексты лозунгов. Только статьи лагерной печати были переполнены восторженными отзывами о том, как меняются осознавшие свои ошибки, захлебывались от восторга в рассказах о политзанятиях и их результатах.

Людская жизнь ничего не стоила в тех условиях. Изверги в человеческом облике и военной форме не хотели помнить, что за все с них будет спрошено на Божьем суде. Они при попустительстве советской власти возомнили себя вершителями судеб. Но не дано им было сломить дух верующих людей, в том числе и епископа Августина. Если верхушка и охрана лагеря и могли уничтожить многих физически, они были бессильны перед силой веры тех, кто был чище их душой и помыслами. Хотя не известно число погибших в Свирлаге, но об ушедших из жизни знали узники лагеря. Отошел к Господу келейник епископа

Августина Борис. Вера и молитва помогли архипастырю выживать в страшных и жестоких условиях Свирлага. Не забыли об узнике Свирлага и его духовные чада. Из Москвы в Лодейное Поле приезжали со скромными дарами те, кто не уставал молиться за своего духовного отца. По воспоминаниям самого владыки это спасло его от голодной смерти.

В своих воспоминаниях о встречах с владыкой Августином в Москве, о поездках его духовных чад к местам его заключения монахиня Анна (Теплякова) приводит высказывание самого епископа Августина: *«Конечно, если бы не приезд их — как Боря умер, так и я бы умер»*. В Свирлаге смертность была очень высокой, выполняя обязанности фельдшера, владыка хорошо знал об этом. По Промыслу Божьему епископу Августину была дана возможность выжить и послужить еще Богу и людям. Спасло его именно то, что лагерное начальство перевело исполнительного заключенного на должность фельдшера. Не последнюю роль сыграли посещения его духовных чад, которые старались привезти посылки с сухарями и пр.

Многие не вернулись из этого лагеря, где содержание заключенных сводилось до минимума поддержания жизненных сил. Но Господь сохранил в Свирлаге жизнь епископу Августину, которому уготованы были следующие испытания. После Свирлага у него начался с 1934 года калужский период, который длился до его ареста 20 сентября 1937 года. Не так велик этот период по длительности, как по важности в земном житие будущего священномученика. С назначением на Калужскую кафедру епископа Августина власти надеялись увидеть запуганного условиями Свирлага владыку, который будет опасаться за свою жизнь. Но этого не случилось. Если и пострадало здоровье епископа Августина, то он не был сломлен, готов был отдавать все силы служению Богу, укреплению своей паствы в вере.

Это было время осознанного приближения к своей Голгофе, следование крестным путем, выбранным раз и навсегда, с которого владыка не собирался сойти ради сохранения своей жизни. Обратимся к фактам: в Калугу он прибыл из Свирлага — страшного по жестокости и условиям пребывания заключенных лагеря в районе г. Лодейное Поле Ленинградской области. Сам владыка не сомневался в том, что он мог погибнуть в одном из лесных лагпунктов. Итак, к приезду на новое место служения за плечами епископа Августина были аресты, ссылка и заключение в концлагерь. Он хорошо знал условия ГУЛАГа, слышал о неисчислимых случаях смертей заключенных, на себе почувствовал тяжесть труда в чаще северных лесов. Голод, болезни, унижения, жестокость охраны — все это было известно и пережито, но не сломило будущего священномученика.

В Калугу он прибыл уверенным в правильности выбранного пути, готовым пострадать, но не отречься от веры и убеждений. Перенесенные испытания не испугали владыку Августина, а подготовили его к новым скорбям, дали силы и мудрость. Именно в Калуге, последнем месте своего служения, епископ, а с 1936 года архиепископ Августин (Беляев) последовательно и целенаправленно продолжал, как и ранее, отстаивать правильность позиции Русской Православной Церкви и то, что невозможно никакими гонениями уничтожить Православие. В достаточно короткий срок он сумел сплотить вокруг себя единомышленников, которые хорошо понимали устремления владыки, уважали его несгибаемость, убежденность, преданность вере. Продолжилась борьба с обновленчеством, отстаивание прав верующих, объединение духовенства.

Владыка Августин являл собой пример истинного православного архипастыря в страшный час истории народа и государства. Не из гордыни, не из желания быть на виду, он брал на себя ответственность и вел за собою свою паству. В первую очередь, желание будущего священномученика укрепить людей в вере основывалось на предвидении того, что наступят еще более жестокие времена. Правительственные постановления и повседневная действительность лучше всего свидетельствовали об этом. Не исключением была и позиция властей на местах, в том числе и в Калуге. 20 сентября 1937 года архиепископ Августин был арестован.

Следственное дело П-14013, хранящееся в архиве УФСБ по Калужской области, показывает, что владыка не скрывал своих взглядов. Исключительное бесстрашие проявил архипастырь не только на допросах, но и в камере, хотя со времен Свирлага прекрасно знал о доносительстве, которым некоторые старались облегчить свое положение. В Калуге он содержался в камере № 25, где было много арестованных. В качестве свидетелей, обвинявших его в контрреволюционной деятельности, выступали не только те, кто знал владыку до ареста, но и соседи по камере, которые первый раз увидели его там. Один из таких «правдолюбцев» показал, что до 5 октября (с 20 сентября ареста) архиепископ Августин был молчалив, а с 5 октября стал резко критиковать советскую власть среди заключенных. Даже в таких условиях, уже практически на краю гибели, владыка бесстрашно старался помочь людям отличить черное от белого, зная, что не каждый поймет и оценит его стремление нести правду и вразумить отеческим словом незнакомых ему людей.

Архиепископ Августин (Беляев) был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 23 ноября 1937 года.

Хотелось бы напомнить мудрые слова патриарха Тихона о том, какие высоты духа и силу веры показывает нам подвиг жизни и смерти

святых: *«Как по звездам небесным в мраке ночном путники направляют свой путь, так и мы ... должны направлять путь свой, взирая на этих небесных человек, с вторых небес мерцающих и указующих нам, какого пути нам держаться»*. Священномученик Августин (Беляев) один из новомучеников и исповедников, чья жизнь была отдана за веру, за ее сохранение, а значит, и за сохранение православия в России, в каждом ее большом городе или самом малом селе!

Священномученик Иаков (Бобырев)¹

День памяти 17 октября

Священномученик Иаков (Яков Иванович Бобырев) родился в 1883 году в селе Букреевка Курской губернии в крестьянской семье, в которой оставались крепкими православные традиции и сам дух был подвижнический: его дядя по отцу, Сергей, ушел в Калязинский монастырь Тверской губернии, где принял постриг с именем Алексей. Яков окончил пять классов церковно-приходской школы и двухклассное училище, что позволило ему в 1901 году занять должность учителя церковно-приходской школы в селе Щетино. В 1903 году Яков Иванович поступил псаломщиком в храм села Плаксино, где прослужил до 1915 года, когда был призван в армию. В 1918 году он вернулся в то же село и стал служить здесь псаломщиком, через два года он был рукоположен в сан диакона, но продолжал исполнять обязанности псаломщика.

В конце двадцатых годов началось гонение на Православную церковь и диакон Иаков был приговорен к трем годам высылки из пределов Курской области за невыполнение хлебозаготовок. Он выехал в село Высокое Нерльского района Тверской области, где неподалеку, в деревне Никулино, жил его дядя, монах Алексей, обосновавшийся здесь после

Иерей Иаков (Бобырев)

1 Материалы к жизнеописаниям священномученика Иакова (Бобырева), преподобномученика Аристарха (Заглодина-Кокорева), священномученика Сергия (Мечёва), священномученика Бориса (Семёнова), преподобномученицы Мстиславы (Фокиной), святой мученицы Киры Оболенской предоставлены Комиссией по канонизации святых и изучению истории Тихвинской епархии.

закрытия Калязинского монастыря. Отец Иаков жил как ссыльный, под надзором, и обязан был два раза в месяц являться на отметку в районное управление милиции.

В феврале 1930 года архиепископ Тверской Фаддей (Успенский) рукоположил диакона Иакова во священника ко храму Воскресения Христова в селе Высоково. Крестьяне полюбили ссыльного священника за ревностное отношение к службе и, когда 13 декабря 1931 года отец Иаков неожиданно для всех был арестован, церковный совет сразу же обратился с прошением к властям, чтобы те освободили священника. В своем прошении они писали: *«13 декабря 1931 года по какой-то неизвестной причине взяли у нас священника Иакова Бобырева. Мы, церковный совет, просим, чтобы вернули его к нам опять служить, потому что мы не замечали за ним никаких незаконных действий. Налог он уплатил в свое время, жил тихо, никуда не ходил, так как опасался, потому что был высланный. Агитации он никакой не вел, и мы думаем, что его взяли по чьей-нибудь клевете. И мы, церковный совет села Высокого, просим отпустить его к нам на службу».*

Гонения на Церковь шли с конца 1929 года, не прекратились ни в 1930 году, ни в 1931 году. Высланный из родных краев священник Иаков на новом месте снова стал подвергаться преследованиям. Указы властей с требованиями об организации новых и новых гонений поуждали ОГПУ беспрестанно собирать сведения о жителях, пристально следить за теми, кого ОГПУ предполагало арестовать. И одни лжесвидетельствовали, опасаясь тюрьмы и лишения, другие — по должности, будучи председателями сельсоветов, секретарями партийных ячеек или членами коммунистической партии.

Сведения о том, что в селениях Сорокино, Поречье, Болдино, Высокое, Поповки и Никулино образовались группы религиозных крестьян, которые недовольны советской властью, стекались в Калининский оперативный сектор. Одновременно со священником были арестованы и заключены в тюрьму и православные миряне: Михаил Егорович Галкин, пятидесяти четырех лет, Анастасия Васильевна Савина, пятидесяти восьми лет, Варвара Тарасовна Смирнова, сорока четырех лет, Егор Васильевич Устинов, двадцати семи лет. 23 декабря ОГПУ арестовало Дарью Дмитриевну Устинову, пятидесяти четырех лет, и братьев Зайцевых — Ивана, тридцати девяти лет, и Василия, сорока одного года. Отца Варвары Смирновой, Тараса Фёдоровича, решили привлечь в качестве обвиняемого, но до времени не арестовывать из-за его преклонного возраста (77 лет), взяв с него подписку о невыезде. Брата Михаила Галкина, Григория Егоровича Галкина-Шарунова, пятидесяти семи лет, которого ОГПУ почитало главой организации, доставили в Тверь в Рождество 1932 года из Кашинской тюрьмы.

В 1930–1931-х годах государство приступило к организации колхозов, которые устраивались не только как форма хозяйствования, но и как нарочито безбожная организация. Государство вернулось к крепостной, полурабовладельческой форме, только во главе стояло не дворянское сословие, а представители администрации. Причем каждый такой представитель, будь то председатель колхоза или секретарь сельсовета, должен был исповедовать воинственное безбожие, доводя его до каждого члена коллективного хозяйства и жителя села. Для этого, кроме пропаганды, применялись многообразные средства. Например, верующих крестьян-колхозников заставляли работать не только в двенадцатые праздники, попадавшие на будние дни, но и во все воскресные дни. Отказ от работы в воскресенье становился в то время подвигом исповедническим. Для тех, кто по религиозным соображениям не желал оказаться в плену безбожников, существовали формы экономического давления, когда хозяйства таких крестьян облагались непомерными налогами, а затем описывались за долги. Естественно, среди православных крестьян, привыкших к идее существования государства как православной монархии, начинало расти смущение, которое выливалось в конце концов в отрицательное отношение к безбожному правлению, что приводило к отказу платить налоги.

24 октября 1931 года состоялся суд над крестьянином деревни Сорокино Григорием Егоровичем Галкиным-Шаруновым, который был обвинен в неуплате налогов: *«Обвиняемый Григорий Галкин злостно уклонялся от предьявленного ему задания, несмотря на то, что хотя он и не имел земли ввиду того, что от таковой отказался, но, однако, имеет усадьбу, на каковой имелся покос, почему и данное задание вполне было реально. Хотя обвиняемый работает по валке сапог без применения наемной силы, но, как видно по словам обвиняемого и свидетелей, занимается этим промыслом постоянно, почему и отказался от полевой земли. Из вышеуказанной работы он извлекает прибавочную стоимость, так как имеет шерстобойную машину, покупает на вольном рынке шерсть и валяет сапоги, поэтому присланный налог вполне был для него реален в части уплаты, но как видно до настоящего времени, налог не уплатил и задание по селу не выполнил, даже отказался принять извещение от сельсовета. Из показания самого обвиняемого и свидетелей по делу видно, что обвиняемый Григорий Галкин на протяжении ряда прошлых лет и в данное время никаких заданий по налогам не платил и вообще не хотел считаться ни с какими советскими законами по своим религиозным убеждениям. При таком положении дела суд считает, что со стороны обвиняемого — злостное уклонение от всех видов налогов и заготовок; он не считается с советскими законами и проводимыми мероприятиями».*

Суд приговорил Григория Егоровича к пяти годам ссылки в отдаленные места СССР и конфискации всего имущества.

Проводить его в ссылку пришли жители двух деревень. Проводы были устроены в его доме, который по суду теперь отходил государству. Больше часа все собравшиеся молились и плакали, а затем, когда пришло время прощаться, Григорий Егорович сказал собравшимся: *«Не плачьте, братие, не долго терпеть, придет время — и мы возрадуемся, но сейчас нам нужно терпеть и стоять за свое дело, не уступать безбожии».*

Следствие, однако, на этом не закончилось, и против Григория Егоровича выдвинули новое обвинение; причем среди обвиняемых были уже и другие крестьяне. Из главных свидетелей обвинения были председатель сельсовета и секретарь партийного комитета села. Председатель сельсовета показал о крестьянах: *«Устинов Егор Васильевич, кулак, отец последнего сослан за неуплату налога, братья его скрываются. Устиновы лишены избирательных прав, а Устинов Егор не лишился благодаря фиктивному разделу. Отец его имел сапожную мастерскую с применением наемного труда как до революции, так и после революции. Имел свою обувную торговлю в селе Нерль и в селе Нагорском. Отец его индивидуально облагался до 2000 рублей и подоходным налогом до 6000 рублей. Устинов Егор налога должен платить 15 рублей, но умышленно платить отказался, говоря, что кому буду платить, я советскую власть не признаю, признаю лишь кесаря царя, ему и буду платить подати. Я пошел к нему в дом производить опись имущества за неуплату налога и, когда пришел к дому, то таковой был заперт на замок, и я приходил к дому несколько раз и, когда ни приду, все заперт на замок, а Устинов Егор укрывался, дабы не дать произвести опись его имущества, и с трудом мне пришлось изъять описанное имущество».*

По заготовкам всех видов, как-то: лен, рожь, овес и картошка, платить отказался, говоря, что не признаю советскую власть, а поэтому и выплачивать не буду, и до настоящего момента не выполнил.

Весной 1931 года прошла по сельсовету контрактация. Принято было всем обществом. Устинов Егор взял перед обществом обязательство засеять льносеменем 0,15 га. Но не засеял, этим самым сорвал контрактацию.

В сентябре 1931 года по сельсовету проводился заем 3-го решающего года пятилетки. Устинов принять подписку отказался, говоря, что займы нам не нужны и подписываться я не буду.

В августе 1931 года по единоличному сектору и колхозникам проводилось самообложение, каковое было принято на все 100%. Устинов на собраниях не присутствовал, и когда пришли к нему за самообложением, то он ответил, что я не признаю самообложения, оно нам не нужно, и платить не буду.

Устинов Егор имеет связь с Устиновой Дарьей, село Поречье, которая доводится ему родственницей, последняя — кулачка, имела овчинную мастерскую с применением наемного труда. И до революции имела свою мелкую торговлю.

Во время проведения самообложения Устинова Дарья принять такое же отказалась, мотивируя, что я платить не буду, я не признаю власть антихристов, за что было описано ее имущество. И когда я пришел делать изъятие имущества, Устинова отказалась подчиниться в момент изъятия, говоря, что хотите, то и делайте, а я делать сама для вас ничего не буду. После изъятия мною вручался Устиновой акт, который из моих рук она не взяла руками, а взяла две щепки, какими прихватила акт, понесла к порогу и бросила возле двери. Устинова безземельная и налога не платит.

С Устиновой Дарьей имеет связь Савина Анастасия из села Поречье, которая также настроена антисоветски и не признает сельсовета. Среди женщин ведет антисоветскую агитацию, говоря, что в колхозы не ходите и не платите налоги, настоящая власть не от Бога, эта власть антихристов. Устинов Егор, Савина Анастасия, Дарья Устинова имеют тесную связь с Шаруновым Григорием, который является организатором и руководителем. У последнего на квартире собирались нелегально собрания, где читались Шаруновым и Устиновым книги и ставились задачи не подчиняться советской власти и не платить никаких налогов. Означенные лица, входящие в группу Шарунова, тормозили проведение всех видов заготовок своей агитацией и неуплатой налога, ввиду чего среди населения с трудом проводились все мероприятия».

К действующему председателю был вызван и бывший председатель сельсовета, который, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Галкин-Шарунов Григорий Егорович и его брат Михаил Егорович Галкин происходят из деревни Сорокино Романовского сельсовета. Смирнова Варвара и ее отец Тарас Смирнов из деревни Попово Романовского сельсовета имеют тесную связь между собой и посещают друг друга. У Галкина Григория до его ареста были часто сборища и происходили читки книг. Вышеуказанные граждане были под влиянием Галкина Григория и антисоветски настроены. Тарас Смирнов и его дочь Варвара как до революции, так и после революции занимались торговлей. Богаче их по деревне Попово нет. Под их влиянием находилась отсталая часть деревни, благодаря чему до настоящего момента в деревне Попово нет колхоза и в колхоз никто не идет. Смирновы имеют землю, обрабатывают, но налогов никаких не платят и заготовки не выполняют, за что сын их, Василий Смирнов, сослан на три года. Я был председателем сельсовета, и во время самообложения в августе месяце я вручал оповещения, но Смирновы самообложение не приняли, говоря, мы не признаем ваших законов самообложения. Нам не нужно, и платить не будем. Смирновы сеяли льноволокно, и когда сельсоветом проводились заготовки льноволокна, сдать отказались, говоря, никаких заготовок мы не признаем и сдавать не будем».

Секретарь партийной организации села Поречье показал: «Устинов Егор Васильевич из села Поречье является антисоветским элементом, не признает советскую власть и не подчиняется сельсовету.

Мне было известно как секретарю парткома, что Устинов состоит в какой-то организации и у него имеется контрреволюционная литература, книга с 26-ю протоколами, по которой он ведет антисоветскую агитацию крестьян. Я пошел к нему в квартиру и изъял у него книги. Устинов мне заявил, ты, мол, почитай вот эти протоколы, они будут для тебя полезны, и ты образумишься, а я ему дал книгу машинотракторной станции, говоря, почитай, для тебя тоже полезно. Устинов ответил, машинотракторная станция ведет к разрухе. У нас было раньше при царской власти в селе 130 лошадей, а сейчас осталось всего 40 лошадей. Отобрана у него Библия мною, он просил ее отдать обратно, так как он над ней работает для пользы, и когда я ему велел расписаться в акте, он отказался, говоря, что я советскую власть не признаю и от подписи отказываюсь, советская власть не от Бога дана».

Стали звать к допросу крестьян, некоторые из них показали: «Я знаю священника Бобырева, который служил у нас в церкви. Его уважают как священника, так как знают, что он пострадал за веру православную. Рассказывал он в моем присутствии: „Теперь власть гонит веру православную и истинных сынов церкви ссылает в ссылку“. Что Бобырев устраивает спевки, знала от других женщин, но, ввиду того, что у меня есть дети, я была только один раз, кажется, в мае месяце, число не упомяну. Когда я пришла, спевка уже началась, и что говорили, я не знаю, когда стала уходить, зашел разговор, Бобырев сказал: „У нас плохо верят, вот если бы таких прихожан, как в Поречье, Весках и Попово, было больше, ничего бы нам власть не сделала, я только и отдыхаю, когда бываю у них на беседе о вере“. У кого он бывает, не сказал».

«Арестованный в настоящее время священник Бобырев в деревне Болдино служил около года. За это время сумел завоевать себе авторитет, так как в деревне знали, что он высланный, что создавало ему славу пострадавшего за веру. Весной текущего года в мае месяце Бобырев около двух раз у себя на квартире под видом спевок собирал женщин деревни, и только после того, как сельсовет запретил ему это, он собирать перестал, но все же женщины часто заходили к нему в дом под предлогом посещения живущей с ним монашки Виноградовой. Большая часть из посещавших священника Бобырева в колхоз не пошли, заявляя, что подождут, в то же время большая часть членов церковного совета вошла в колхоз, заявляя на собраниях: „Мы в колхоз пойдем, но не трогайте у нас священника, не облагайте налогом“».

«В один из праздничных дней я, воспользовавшись тем, что ко мне пришла родственница, оставила ее с детьми, а сама пошла пораньше в цер-

ковь. До начала службы среди женщин шел разговор о том, как быть, идти или нет в колхоз. В это время подошел священник отец Яков, фамилию я не знаю, и тоже вступил в разговор. Когда кто-то сказал, что народу стало ходить мало в церковь, отец Яков ответил: „Придет время, еще будет меньше, истинные христиане будут молиться в украдку, чтобы власть не приставала и не угоняла в ссылку, как сделала со мной“. У нас в доме отец Яков был всего один раз, на Ильин день, и после службы остался пить чай, у него с мужем зашел разговор о колхозах, и когда муж сказал, что не знает, как быть, идти или нет, отец Яков посоветовал: „Держись до последнего, не отказывайся и не соглашайся, а там видно будет, теперь надо быть непротивленцем, показывать вид, что соглашаешься, а делать по-своему“. Муж сказал, что боится, что тогда разорят налогом, на это отец Яков ответил: „Надо отказываться платить, если все откажутся, ничего им не сделают“».

В конце декабря стали вызывать на допросы обвиняемых. Иван Фёдорович Зайцев, отвечая на вопросы следователя, показал: «Я от колхоза отказываюсь, они нам не нужны, и с политикой не согласен, если в колхозе быть, надо отказаться от религии. Колхоз является разлагательным для истинного христианина. И если религия пойдет хотя с белыми войсками, я крещен при помазаннике Божиим Николаем II, я и пойду за них, а за безбожную власть я в защиту никогда не пойду. В колхозах вечно брань, неурядицы, и поэтому колхозы крепки не будут. Я беседовал с колхозниками сам, они мне говорили, что в колхозе хуже, чем в единоличном хозяйстве, а я говорил, что пришло беззаконное царство и мы должны терпеть. А разве это неправда? Вот мне дали непосильный налог — 196 рублей, а где мне брать, разве я могу выплатить, а не выплатил я, у меня отобрали часть имущества и телку. Разве это правильно? Вот я жил при царе вместе с отцом, с меня налогу брали 13 рублей, а сейчас с меня одного берут 196 рублей. Ясно, мне тяжело, а некоторым при царе жилось хуже, так они сейчас живут лучше, чем мы. А кто они такие? Я сказать не могу, я буду лучше отвечать за свою душу. От займа государству я отказался ввиду того, что нет у меня лишних средств.

Самообложение я также не уплатил ввиду того, что не принимаю никаких самообложений, нет средств. В отношении теперешней власти, я такую недолюбиваю, а поэтому у меня в квартире нет вождей, как Ленина, Сталина. Считаю, иметь их портреты в доме, где висят иконы, это запустить в дом демона, антихриста».

К Анастасии Васильевне Савиной власти в свое время послали в качестве постоянного агронома, теперь следователь ОГПУ вызвал и его на допрос. Агроном, отвечая на вопросы, сказал: «Я живу на квартире у гражданки Савиной Анастасии более года. Савину часто посещала Устинова Дарья. Последняя доводится Савиной кумой. В квартире Устиновой

происходят по вечерам читки книг и Библии. Савина очень хитрая женщина и держит дома себя осторожно. Является очень религиозной женщиной. Я, бывало, когда спрошу ее, почему ты, Савина, не идешь в колхоз, то ответ получал один, что она стара идти в колхоз. Однажды Савиной сельсоветом было вручено извещение об уплате единовременного налога, но Савина принять отказалась, я ей сказал, что надо будет уплатить тебе, с тебя причитается не много, 3 рубля, она ответила мне, не платила я 6 лет и платить не буду, и когда я стал давать ей в руки бумажку извещения сельсовета, она не взяла в руки, а велела мне положить где-нибудь на столе».

Обвиняемый Тарасий Фёдорович Смирнов показал: «Я и моя дочь Варвара Смирнова к Григорию Шарунову-Галкину ходили неоднократно, посещали его Устинов Егор, Устинова Дарья и Савина Варвара из села Поречья. Собирались у него и проводили беседы, Шарунов Григорий читал нам книги. А что за книги, я вам, господин, отвечать не буду, не знаю. Сельсовета я не признаю, он дан не от Бога. Я чту царя и почитаю помазанника Божия Николая П. Отобранный портрет Иоанна Кронштадтского в моей квартире принадлежит мне, я почитаю его, он был правильный и грамотный человек. Нам от царя батюшки Николая II плохого ничего было, жилось лучше, и выбран он от Господа Бога, а сейчас власть хорошего нам не дала ничего. Живется плохо, власть безбожная. Больше отвечать вам ничего не буду. Я, господин, считаю себя православным христианином, и отвечать не буду».

Обвиняемый Василий Фёдорович Зайцев показал: «Я православный христианин и колхозы не признаю, я в колхоз никогда не пойду и другим не советую. Колхоз разлагающая организация и строится не по Закону Божию, в колхозе надо быть ударником, а я чужим трудом пользоваться не хочу, а хочу работать только своим трудом. Колхозы существуют за счет единоличников, колхозы обирают единоличников, берут хорошие земли, дают колхозникам все, а единоличникам ничего. Я с такой политикой, проводимой советской властью, не согласен. Устинов Егор одних со мной убеждений, он также против коллективизации, мне с ним приходилось говорить, он человек хороший. Колхозы есть насилие, так говорит Устинов, говорю и я, в колхозах вечные бранки, непорядки, а потому они крепкими быть не могут. Я говорю всем и кому угодно, что кто пойдет в колхоз, тот должен изменить религии и отдаться власти безбожной, антихристовой. Дети у меня есть в нешкольном возрасте, а хотя бы и подросли, то я в школу не пустил бы, так как в школе учат против религии, и чтоб дети стали безбожниками, я этого не допущу, буду учить детей дома, чтобы они признавали Закон Божий. С Шаруновым Григорием я знаком, он происходит из деревни Сорокино. Человек он грамотный и развитый. Знаю и Савину Анастасию из села Поречье, часто с ними

встречался, но квартиру Шарунова я не посещал. Кто посещает, для меня неизвестно, и показать ничего не имею».

Обвиняемый Михаил Егорович Галкин показал: «Григорий Егорович Галкин-Шарунов является мне родным братом, человек он религиозный. Проживая в деревне Сорокино, он в своем доме устраивал религиозные собеседования с женщинами, которые собирались у него группами в 7–10 человек; на этих собеседованиях бывал и я, читал книги присутствующим и делал разъяснения: читал он Евангелие, Библию, протоколы сионских мудрецов. В течение 1930 и 1931 года они все время собирались для подобных разговоров и проработки указанной литературы, и, кроме того, читались книги „Антихрист“ и „Может ли быть христианин социалистом“. Хранились эти книги у разных лиц из состава этой группы, также давалась литература для прочтения крестьянам, брал и лично я к себе на дом. Шарунов является монархистом, он сторонник царской власти».

Обвиняемый Егор Васильевич Устинов, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Из родственников имеются: отец Василий Устинов, выслан два года назад за неуплату налога, брат Иван Устинов, тридцати четырех лет, выслан с отцом за неуплату налога, брат Сергей Устинов, семнадцати лет, уехал к отцу, брат Василий Устинов, также уехал к отцу вместе с моей матерью. Сестра Мария Пескова живет замужем в селе Поречье. Отец до революции и после имел сапожную мастерскую, до революции работало у него в мастерской десять человек рабочих, имел отец и двухэтажный деревянный дом.

Мое имущественное положение: дом 8х9 аршин, корова. Подвергнулся изъятию имущества — домашних вещей — за неуплату налога в размере семидесяти рублей в текущем году.

Галкина-Шарунова Григория я знаю, друг у друга с ним бывали, вели собеседования на религиозные и политические темы. По своим религиозным и политическим соображениям я не только не платил налоги и не выполнял задания, но и ушел с работы из валяльной мастерской, чтобы там своим трудом не приносить пользу власти».

Дарья Дмитриевна Устинова на вопросы следователя ответила так: «Я малограмотная, принадлежу к истинно православным христианам и другой партийности не имею, вдова, одинокая, не судима, избирательных прав не лишена, русская.

Имущественное положение до революции: дом, двор, овчинная мастерская и один ученик, торговли не имела. После революции мастерскую 4 года сдавала в аренду. До революции была лошадь и корова. Сейчас земли не имею, имею дом, двор и сарай. Подвергалась изъятию домашних вещей за отказ от уплаты самообложения в размере тридцати шести рублей. Советскую власть я считаю властью сатаны, которая допущена Богом для наказания грешных людей, считаю, что законной властью в России

может быть только царская власть, так как царь является помазанником Божиим, поэтому я, как сочувствующая царскому строю, имела портреты Николая II и царицы. Антисоветской агитации я не вела и, в частности, против колхозов не выступала».

Анастасия Васильевна Савина показала: «По происхождению дочь крестьянина, сама также занималась крестьянством, все время проживала в деревне, вдова, живу с матерью восьмидесяти трех лет. Землю бросила обрабатывать второй год, так как работать некому, неграмотная, принадлежу я к истинным православным христианам. Советская власть сделала весь народ гражданами и безбожниками, а мы являемся истинными христианами, и никаких общих интересов у нас с гражданами (советскими) не должно быть, и мы должны избегать общения с ними. В колхозы идут только советские граждане, а я истинная православная христианка, поэтому я туда никогда не пойду, так как они от безбожной власти и являются антихристовыми».

Варвара Тарасовна Смирнова показала: «Проживаю с отцом, все время безвыездно живу в деревне, занимаюсь сельским хозяйством. В хозяйстве отца также жил брат, Василий Смирнов, тридцати одного года, у которого семья состояла из жены и двух детей. Земля имелась только на брата. Брат выслан в 1931 году за невыполнение задания по хлебозаготовкам. Я малограмотная — умею только читать печатное. Я являюсь истинной христианкой и считаю, что советская власть является властью богопротивной и антихристовой, но допущенной Богом за грехи людей. Я эту власть не признаю. Никогда не согласна помогать власти, то есть платить налоги, сдавать хлебозаготовки и выполнять какие бы то ни было другие ее мероприятия. Я признаю единственно законной властью — власть царя, помазанника Божия, я согласна платить налоги и другие повинности только царю».

Григорий Егорович Галкин-Шарунов показал: «Советской власти я не признаю, так как дела этой власти противны Богу. Законной властью признаю лишь царскую власть. На этом основании я противник каких бы то ни было мероприятий, исходящих от власти. Я против уплаты налога, сдачи по заготовкам хлебных излишков, так как это идет на укрепление власти антихриста и чинимые им безбожные дела. Я против обучения детей в школе, и своих детей там я не обучал, так как с приходом этой власти из школ изгнано религиозное влияние и введено сатанинское обучение, называемое политграмотой. Я против чтения и распространения советской литературы и печати, так как она противоречит моим политическим и религиозным убеждениям. Я против вступления в колхозы или в члены кооперации, так как это разлагающие организации, организованные советской властью, вступающие туда должны поступать вопреки своей совести и убеждениям. По соглашению

с местным священником села Высокого Иаковом Бобыревым и совместно с ним я производил читки религиозных книг в сторожке указанной церкви перед началом церковной службы и давал объяснение текста в духе моих политических воззрений. Также я создал вокруг себя в деревне Сорокино группу истинных христиан из крестьян окружающих деревень: Вески, Поречье, Сорокино, Никулино, Попово».

Священник Иаков Бобырев на вопросы следователя так ответил: «С гражданами Нерльского района Галкиным Григорием, Галкиным Михаилом и другими я связи не имел, знал их как прихожан соседнего села Поречье, находящегося от села Высокого в двух верстах; тогда в селе Поречье служил священником Александров, упоминаемые лица принадлежали к его приходу, а когда Александров выбыл в село Губино, то часть указанных лиц стали ходить в церковь села Высокого. Галкина я знаю потому, что он приходил с литературой в церковную сторожку в село Высокое, читал ее там верующим перед началом службы, доказывая, что существующая советская власть является властью антихристовой — безбожной... Устинова Егора я знаю и бывал у него всего один раз. Анастасию Савину я также знаю, но у нее я не бывал, она же бывала у меня в церкви, заказывала служить всенощную на 19 декабря сего года, обыкновенно всенощную заказывали сообща несколько человек, чтобы совместно помолиться, но кто должен был молиться на этой всенощной, я не знаю, ее служить не пришлось, так как я был арестован.

Зайцевых Василия и Ивана я знал, так как они являются моими прихожанами, бывал у них во время хождения по приходу. Я среди населения не говорил, что нужно не в колхозы поступать, а подталкивать баб к восстанию и готовить оружие. Не говорил, что эту власть скоро погонят, как гнали французов в 1812 году».

Виновными в предъявленных обвинениях признали себя Михаил и Григорий Галкины и Устинова Дарья. Остальные себя виновными не признали, а некоторые высказали и свое мнение по этому поводу. Анастасия Савина, когда тюремный надзиратель вывел ее к следователю Успенскому, сказала ему: «Перед властью я никогда себя виновной не признаю, виновной я могу быть только перед Богом». Варвара Смирнова на вопрос Успенского, считает ли она себя виновной, сказала: «Виновной себя в предъявленном обвинении не считаю, я говорила то, что я чувствовала, как я понимала слово Священного Писания. Умру, а своих убеждений не изменю. Протокол подписывать не буду, так как не желаю подписывать советские бумаги».

Допрошенный Успенским священник сказал: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю категорически, так как агитации я не вел и в антисоветских группировках не участвовал».

13 марта 1932 года Тройка ОГПУ вынесла постановление: Григория Егоровича Галкина-Шарунова заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет, его брата Михаила — сроком на пять лет, как и всех остальных, включая священника.

Отец Иаков (Бобырев) и еще шестеро осужденных были отправлены в Свирские исправительно-трудовые лагеря вблизи станции Лодейное Поле. В конце 1933 года, по прохождении половины срока, отец Иаков написал ходатайство о пересмотре его дела и об освобождении, так как он не считал себя виновным. ОГПУ отклонило ходатайство.

В конце 1936 года отец Иаков вернулся в село Высокое, где пять лет назад был арестован, и снова стал служить в том же храме. Части прихожан уже не было: одни сосланы, заключены в исправительно-трудовые лагеря, другие скончались, третьи за это время отступили от церкви и смотрели на веру православную, на храм Божий, когда-то родной, на божественную службу в нем и на священника как на нечто обличающее их и потому ненавистное. Но были и другие — оставшиеся верными Богу и православной вере, которые по-прежнему ходили в храм и готовы были идти за веру на мученичество. Большею частью теперь это были женщины.

Не прошло и года служения отца Иакова в храме, когда поднялись с новой силой гонения, и 27 сентября 1937 года священник был арестован и заключен в тюрьму в Кашине. В качестве свидетелей были допрошены председатель сельсовета, бригадир колхоза, рядовые колхозники, а из крестьян-единоличников — неверующие (не всегда нежелание идти в колхоз соединялось с православными убеждениями). Самыми характерными показаниями, вобравшими в себя все лжесвидетельства, были показания бригадира колхоза. Он показал: *«Яков Бобырев настроен враждебно против советской власти, в результате чего, безусловно, скрыто проводит контрреволюционную деятельность среди колхозников, что и отражается на проводимых сельскохозяйственных работах в колхозе. Особенно в религиозные праздники — народ уходит в церковь, и работа срывается в колхозе, точно указать факты его агитации не могу, так как он очень скрыто проводил контрреволюционную деятельность. Со своей стороны считаю, его бы давно надо было убрать из нашего селения, этим самым дали бы нормально проводить работу в колхозе без всяких срывов».*

4 октября следователь допросил священника:

- **Вы обвиняетесь в проведении антисоветской деятельности. Расскажите о фактах вашей антисоветской деятельности.**
- *Я виновным себя в проведении антисоветской деятельности не признаю, и антисоветских фактов агитации с моей стороны за время после прибытия из ссылки не было.*

- Следствие располагает достаточными данными о вашей антисоветской агитации. Требую правдивых ваших показаний.
- *Вторично показываю, что с моей стороны антисоветской агитации не было.*
- Следствие располагает данными, что в конце июля месяца 1937 года среди колхозников вы вели агитацию за срыв предвыборной кампании в Верховный Совет, указывая, что «только одни коммунисты будут голосовать и будут только их выбирать». Признаете ли такое антисоветское высказывание?
- *Нет, с моей стороны агитации в антисоветском духе о выборах в Верховный Совет не было...*
- Следствие имеет данные, что вы в августе 1937 года угрожали колхозникам расправой с контрреволюционным высказыванием о неизбежной перемене существующего строя в СССР. Признаете ли такой факт контрреволюционного высказывания?
- *Нет, колхозникам я никому не угрожал, а также контрреволюционного высказывания о перемене существующего строя в СССР я не говорил, такого факта я не признаю.*
- Следствие располагает данными, что вы в момент общественно-политической кампании по подписке на заем обороны страны вели антисоветскую агитацию среди колхозников против подписки на заем. Признаете ли это?
- *Это я отрицаю, агитации против подписки на заем я не проводил. Это такое мнение создалось у председателя сельсовета. А было это потому, что один раз я остановился поговорить с гражданином села Высокого, но я ему о том, чтобы не подписываться на заем, ничего не говорил.*

15 октября тройка НКВД приговорила отца Иакова к расстрелу. Священник Иаков Бобырев был расстрелян через день, 17 октября 1937 года.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученик Аристарх (Заглодин-Кокорев)

День памяти 27 ноября

Преподобномученик Аристарх (в миру Александр Фёдорович Заглодин-Кокорев) родился в крестьянской семье в 1886 году в деревне Пашуково Богородского уезда Московской губернии.

Окончил церковно-приходскую школу. В 1908 году Александр Фёдорович поступил послушником в Свято-Никольский Пешношский монастырь в Дмитровском уезде Московской губернии. После назначения в 1919 году преосвященного Серфима (Звездинского) епископом Дмитровским послушник Александр стал его келейником и иподиаконом.

В списках монашествующих Николо-Пешношского монастыря за 1916 год содержатся такие сведения о будущем новомученике Аристархе: «Послушник Александр Фёдорович Кокорев-Заглодин. 30 лет. Обучался чтению и письму, из крестьян, холост. Послушание — келейник. Определен в братство 02.01.1912 года». В графе «каких качеств» — «поведения очень хорошего, к послушанию способен и благонадежен». Он был келейником, видимо, игумена Иувеналия, в то время настоятельствовавшего в Пешноше. Такая оценка качеств, как «благонадежен», больше ни у одного насельника Пешноши в списках за 1916 год не встречается. Видимо, поэтому он впоследствии стал

Иеромонах Аристарх
(Заглодин-Кокорев)

келейником и иподиаконом епископа Дмитровского Серафима (Звездинского).

В 1920 году он был пострижен в монашество с именем Аристарх и рукоположен в сан иеродиакона. В 1926 году епископ Серафим рукоположил его в сан иеромонаха.

В 1927 году монастырь был закрыт, и иеромонах Аристарх жил на монастырском конном дворе. Была образована монастырская артель, и оставшаяся часть братии работала в этой артели. В 1929 году монахов изгнали с территории монастыря, они поселились в д. Кочергино.

В мае 1930 года отец Аристарх вместе с игуменом Варнавой (Жуковым) уехали на родину отца Варнавы в село Негодяево Тверской области и прожили там до весны 1931 года.

В апреле 1931 года иеромонах Аристарх был направлен служить в храм в селе Чернеево Дмитровского района Московской области, но вскоре началась массовая кампания по аресту насельников упраздненных монастырей.

24 сентября того же года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве на основании тех скудных сведений, которые следователям удалось получить от ранее арестованных. Его обвинили в том, что он производил демонстративное поминовение в церкви русских царей и вел агитацию против мероприятий советской власти. 30 сентября власти допросили его. Следователь составил протокол допроса, но отец Аристарх отказался подписать под ним. 7 октября власти снова допросили его.

На вопросы следователя отец Аристарх ответил: *«В Николо-Пешношском монастыре я проживал с 1908 года по день его ликвидации в 1927 году. После этого я совместно со старыми монахами — Афанасием (умер в 1929 году), Николаем (умер в 1929 году), Герасимом (умер в 1929 году), Владимиром (умер в 1930 году) — поселился на бывшем монастырском конном дворе и жил там до конца 1929 года. Когда нам предложили убраться с территории монастыря, мы перешли в деревню Кочергино, где я прожил до мая 1930 года, после чего вместе с игуменом Варнавой ушли в село Негодяево, где жили до начала 1931 года. В апреле 1931 года я поступил на должность священника в село Чернеево. В агитации против колхозов и других мероприятий советской власти и распространении провокационных слухов виновным себя не признаю».*

Нужно обратить внимание на показания иеромонаха Аристарха в его деле — во время следствия отец Аристарх назвал только тех монахов, живших вместе с ним на конном дворе, которые скончались к этому времени. В деле имеется опись имущества из 33 предметов, в том числе: вилка металлическая; рубашка ситцевая в полоску — 1 шт.;

тарелка — 2 шт.; стаканы — 3 шт.; лоскут на пару подметок; ведро — 1 шт.; брюки ситцевые — 2 шт., подсвечник медный — 1 шт.; псалтырь; подставка деревянная под псалтырь.

Скорее всего, это был прием избежать даже возможности на кого-нибудь донести и поэтому ссылаться на то, что обвиняемый общался с людьми, которые уже скончались к моменту ареста допрашиваемого.

13 ноября 1931 года тройка ОГПУ приговорила иеромонаха Аристарха к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 17 ноября он был отправлен этапом до станции Лодейное Поле в Свирские исправительно-трудовые лагеря.

Вернувшись из заключения, иеромонах Аристарх отправился в Тверскую епархию к архиепископу Фаддею (Успенскому) и 5 марта 1936 года был им направлен служить в храм в селе Старенькое Оршинского района. Во время гонений в 1937 году отец Аристарх снова был арестован.

Были допрошены «дежурные свидетели». Один из них, председатель сельсовета, показал, что иеромонах Аристарх собирает верующих в доме одного из своих единомышленников для спевки, причем вызывает их на спевку, обходя каждого, чем отрывает колхозников от работы и разлагает трудовую дисциплину в колхозе. Колхозники уходят по окончании спевки в церковь, бросая колхозную работу. После допросов «дежурных свидетелей» следователь допросил отца Аристарха, который на вопросы следователя и на зачитанные ему показания лжесвидетелей ответил: *«Никакой антисоветской деятельности среди населения я не вел. Зачитанные мне показания я не подтверждаю»*.

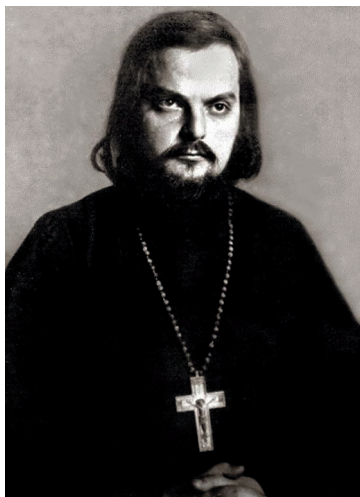
25 ноября тройка НКВД приговорила отца Аристарха к расстрелу. Иеромонах Аристарх (Заалодин-Кокорев) был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в общей могиле на полигоне в Бутово под Москвой.

15 июня 1989 года был реабилитирован Прокуратурой Тверской области по 1937 году репрессий, 30 января 1990 года реабилитирован Прокуратурой Тверской области по 1931 году репрессий.

Причислен к лику новомучеников и исповедников российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2000 года.

Священномученик Сергий (Мечёв)

День памяти 6 января

Протоиерей Сергий (Мечёв)

Протоиерей Сергей Мечёв родился в семье настоятеля храма Святителя Николая в Кленниках протоиерея Алексея Мечёва, праведного Алексея Московского. Он был четвертым ребенком в семье. Сергей родился слабым ребенком, с трудом удалось его выводить. Через восемь дней после его рождения праздновалось 500-летие со дня кончины прп. Сергия Радонежского, в честь которого он и был назван.

Его мать, Анна Петровна, всю жизнь страдавшая сердечным заболеванием, скончалась в 1902 году, дети остались на попечении отца и тетки по матери Ольги Петровны Кадминой, вдовы, жившей в семье Мечёвых.

В 1902 году Сергей поступил в первый класс Третьей Московской мужской гимназии, окончил ее в 1910 году с серебряной медалью. Духовное воспитание мальчика проходило в храме, где он прислуживал в алтаре, помогая отцу. Будучи очень музыкальным, пел на клиросе.

Продолжил он свое образование в Московском Университете, поступив сначала на медицинское отделение, а затем перейдя на словесное отделение историко-филологического факультета. Особенно он интересовался древнерусской литературой, которую преподавал академик М. Н. Сперанский, считавший Сергея Алексеевича одним из лучших своих учеников. Привлекала его и история русской церкви; ознакомившись

с проф. С. И. Смирновым, преподававшим также в Духовной академии, считал его в дальнейшем своим учителем, ценил его книги «Духовный отец в древневосточной церкви» и «Древнерусский духовник» и в своей пастырской работе использовал их.

Сергей Алексеевич при поддержке отца Алексея посетил Швейцарию и Италию в годы обучения в Университете, где ознакомился с памятниками культуры, религиозной живописью прославленных художников эпохи Возрождения. Здесь он пришел к выводу, что все достижения этого искусства далеко превосходит своей глубиной и духовностью древнерусская икона, и впоследствии стал ее горячим почитателем и серьезным ценителем — нужно отметить, что в тот период все общество восторгалось религиозной живописью В. Васнецова и М. Нестерова.

Обучение в Университете для Сергея Алексеевича длилось дольше намеченного — в 1914 году, с началом первой Мировой войны, он прошел подготовку в госпитале и уехал на фронт санитаром-добровольцем. Во время войны Сергей Алексеевич работал на Западном фронте братом милосердия в одном из санитарных поездов.

Вернулся в Москву он только в июне 1916 года, продолжил обучение, одновременно участвуя в работе студенческого Богословского кружка имени свт. Иоанна Златоуста, организованного по инициативе епископа Арсения (Жадановского).

В 1917 году была создана комиссия по сношению с гражданской властью Русской Православной Церкви. В число членов Комиссии вошел и Сергей Алексеевич. В этот период ему пришлось часто бывать у Святейшего Патриарха Тихона, который очень его любил.

В 1917 году по окончании Университета С. А. Мечёв был призван в армию, но в 1918 году по состоянию здоровья был демобилизован, поступил на работу в Наркомпрос педагогом-инструктором. Ему был присущ педагогический талант.

Он активно участвовал в общецерковной жизни, которая в те годы была очень бурной. Присутствовал на Всероссийском Поместном Соборе, где познакомился со Святейшим Патриархом Тихоном, который его называл Сережей.

В 1918 году Сергей Алексеевич женился на Евфросинии Николаевне Шафоростовой купеческого происхождения, слушательнице Высших женских курсов. Венчал их отец Алексей, сказавший, что он брака этого очень желал и хочет, чтобы сын стал священником. Но свое желание он изливал в молитве, терпеливо ожидая, когда сын сам к этому решению придет, не заводя разговоров об этом.

Выбор в пользу священства Сергей Алексеевич сделал осенью 1918 года в Оптиной пустыни, в беседе со старцем иеросхимонахом Анатолием (Потаповым), к которому он был близок сам и чувствовал

его большую духовную близость с отцом Алексием. Он получил благословение на принятие священного сана у старцев Анатолия и Нектария.

В Лазареву субботу 1919 года Сергей Мечёв был рукоположен во диакона, в Великий Четверток (4 (17) апреля) в Даниловом монастыре — в иерея. Хиротонию совершил настоятель монастыря архиепископ Феодор (Поздеевский).

После рукоположения иерей Сергей служил вместе с отцом в храме свт. Николая в Кленниках. Клир тогда пополнился молодыми, образованными диаконами и священниками, проводились беседы духовного содержания после богослужений, открыл отец Сергей и кружок по изучению наследия святых отцов, где занимались молодые, ищущие духовной жизни люди. При горячем содействии отца Сергия в храме было введено уставное Богослужение.

Богослужение отца Сергия отличалось от богослужений батюшки Алексия: в нем не было той растворенности в любви, того покаянного плача, но все же оно было прекрасно: в нем была строгость, стройность, сосредоточенность. Духовных чад привлекала к нему его личность, пламенность веры, требовательная, чуткая и неподкупная совесть, отсутствие всяких поз, знание святоотеческого учения и, наконец, доброта и отзывчивость.

Отец Сергей отдавал своей пастве все свои силы, духовные и физические. Бремя батюшкиного наследия иногда становилось неудобно-симым. Но все же появились силы и решимость, ведь батюшка вымолил, чтобы он стал священником и принял после него паству. И Господь за молитвы батюшки и за труд отца Сергия и многих его духовных детей «со искушением сотворил и избытие».

У отца Сергия было много неоценимых качеств для того, чтобы быть руководителем, и первое из них — требовательная и чуткая, неподкупная совесть, необыкновенная искренность и отсутствие всяких поз, глубокий ум и сердце, чуткое ко всему прекрасному, ревность и знание святоотеческого учения о духовном пути, желание идти путем добрым, унаследованная от отца способность хорошо разбираться не только в духовных, но и в житейских ситуациях и, наконец, доброта и отзывчивость к настоящему страданию других. Отец Сергей не терпел никакой неискренности, фальши и этого же требовал от детей своих, прививая им это всем своим существом, словом и примером. Несмотря на свою строгость, когда дело касалось какого-либо действительного горя или болезни духовного чада, отец Сергей был само сочувствие, старался все устроить, все сделать, найти врача и лекарства, даже материально помочь, когда это было возможно.

Особенно характерным для руководства отца Сергия было постоянно повторяющееся им учение об индивидуальной мере для каждого чело-

века, в соответствии с его физическими и душевными силами, в соответствии с его духовными силами и возрастом.

Предвидя мученический подвиг отца Сергия, старец Нектарий Оптинский как-то сказал своей духовной дочери о нем: *«Ты знала отца Алексея? Его знала вся Москва, а отца Сергия пока знает только пол-Москвы. Но он будет больше отца»*.

После кончины отца Алексея начался трудный для отца Сергия этап жизни. Он глубоко переживал как пастырь, сможет ли он продолжить на Маросейке дело отца. Внезапно его арестовали, заключили в Бутырскую тюрьму, где он сосредоточился на молитве и ожидал проявления воли Божией о себе. В ночь под 40-й день по смерти отца Алексея отец Сергей отчетливо ощутил его ласку, присутствие отца, и уж стал ждать освобождения из темницы — но оно последовало гораздо позже, 2 (15) сентября. Только по приезде домой он узнал от Ольги Петровны, какой это день — обретение мощей прп. Феодосия Тотемского, особенно чтимого на Маросейке святого. Из слов тетушки отец Сергей сделал вывод, что это — указание принять батюшкино наследство. Этому и посвятил он всю свою дальнейшую жизнь.

Сначала в своей пастырской деятельности, став настоятелем храма и духовником обширного прихода, отец Сергей испытывал множество трудностей. У него были уже и свои духовные чада, а получив духовных чад батюшки отца Алексея, привыкших к старческому руководству, ему приходилось распределять свое время и внимание между теми и другими; были трения и недовольства. Накопилось множество вопросов, и он отправился к оптинскому старцу Нектариию, который после закрытия Оптиной жил в деревне Холмищи. Но до далекой деревни он добраться не смог из-за дорожных неурядиц, характерных для того времени.

Вернувшись на Маросейку после тяжелого путешествия в престольный праздник храма — в среду, 22 ноября (4 декабря), на осеннюю Казанскую, и отслужив вечером параклис перед Феодоровским образом Божией Матери, он сказал общине о своем решении, пришедшем к нему во время ожидания в дороге — продолжить свой труд до конца, пока по воле Божией он не прекратится. В память об этом дне и установили еженедельное совершение молебна — параклиса, служившегося по средам после вечернего Богослужения.

После этого памятного дня трения среди чад прекратились, община сплотилась вокруг настоятеля.

Жизнь прихода храма святителя Николая в Кленниках была очень яркой, насыщенной; беседы и проповеди отца Сергия звали к духовному деланию, к работе над собою. Духовные чада интересовались иконописанием, посещали выставки древних икон, лекции видных искусствоведов. Свою духовную дочь М. Н. Соколову, впоследствии ставшую монахиней

Иулианией, он благословил обучаться иконописи, в дальнейшем она стала известнейшим русским иконописцем, наставницей многих поколений художников.

Была восстановлена древняя архитектура нижнего этажа храма, по имевшимся в стенах нишам определили, что в левой части его находился алтарь. Здесь был воссоздан придел, освященный малым освящением в честь святого праведного Алексия, человека Божия, собраны старинные иконы, поставлен иконостас в древнем стиле.

Совершались паломнические поездки по святым местам России, в монастыри. В 1924 году богомольцы во главе с отцом Сергием посетили Николо-Угрешский монастырь, где проживал на покое митрополит Московский Макарий (Парвицкий-Невский), апостол Алтая, которого отец Сергей называл живым русским святым.

Особое место в жизни Маросейки занимали проповеди отца Сергия. В двадцатые годы в Москве можно было слышать многих известных проповедников. Но проповеди отца Сергия носили совершенно особый характер. Слушая их, нельзя было оставаться только слушателем. Возникло непреодолимое желание испробовать на себе, в своем опыте все то, о чем он говорил. По условиям времени и в согласии со своей совестью отец Сергей оказался не только настоятелем храма и руководителем многих духовных детей, но и церковным деятелем. В одном письме 1932 года отец Сергей вспоминал о тех моментах, когда ему пришлось бороться за Церковь и противостоять многому.

Первое, с чем пришлось бороться, это обновленчество. Еще в предреволюционные годы среди интеллигенции и некоторых церковных деятелей существовало мнение, что Церковь, если не умерла, то находится в параличе, что надо принять какие-то решительные меры к ее оживлению, что надо вернуться к первохристианскому строю жизни и богослужения, отменить позже установленные Церковью правила, согласовав новые с требованиями современной науки, культуры и современной жизни. Многие искренне заблуждались, не понимая настоящей духовной жизни.

В смутное для Церкви время первых послереволюционных годов нашлись недобросовестные люди, которые использовали лозунги «обновления» в своих корыстных целях: воспользовавшись трениями, которые возникли между Патриархом Тихоном и властями, они обманом захватили власть в Церкви в тот момент, когда Патриарха арестовали по «Делу об изъятии церковных ценностей» и организовали свое «Высшее церковное управление», стараясь подчинить ему всю русскую Церковь. Многие епископы противостояли этому, но они были разъединены, многие из них были арестованы. Приходское духовенство, привыкшее до революции к беспрекословному повиновению власти предрержавшим, хотя в большинстве своем не принадлежало к числу идеологов «Живой Церкви»,

все же не сумело разобраться в создавшейся ситуации и подчинилось ВЦУ, прекратив поминовение заключенного Патриарха. Отец Алексей и отец Сергей Мечёвы всей душой чувствовали, что Церковь есть Тело Христова и источник освящения всего мира. Она со всеми Своими Таинствами и богослужением свята во веки. Они знали, что надо не «обновлять» Церковь, а идти к Ней и учиться у Нее, пользоваться Ее Таинствами для своей духовной жизни, становиться Ее членами через покаяние и Св. Причащение для «обновления в себе образа Святого Божия». Сама же Церковь в существе своем свята и непорочна и не нуждается в искусственном оживлении или обновлении. Простой народ не принял обновленчества, захваченные живоцерковниками храмы не посещались.

После захвата обновленцами храмов, лишь единичные приходы в Москве сохранили верность Патриарху Тихону, в числе их были Даниловский монастырь и Маросейка. Отец Сергей был бескомпромиссным борцом за чистоту Православия. После появления «Декларации» 1927 года он не поминал митрополита Сергия (Страгородского), не принимал он и церковной молитвы за безбожников и богоборцев.

В 1929 году начались массовые аресты духовенства и прихожан, принимавших активное участие в церковной жизни, по различным стандартным ложным обвинениям. Отец Сергей был взят в ночь с 28 на 29 октября вместе с отцом Константином Ровинским, иеромонахом Саввой (Чиркиным) и несколькими братьями храма. Приговорены они были к трем годам ссылки. В 1932 году закрыли храм на Маросейке.

Батюшка был сослан на север, в маленький городок Вологодской области Кадников. К нему приезжали члены его семьи и некоторые духовные дети, привозили письма от других чад. Там он написал общие письма членам общины, в которых призывал их к неослабевающему вниманию к себе и своему духовному росту, движению по пути покаяния, очищения души в непрестанной борьбе с собою, а также к служению другим в духе любви Христовой, духовному купножитию.

В 1933 году последовал повторный арест и осуждение на 5 лет лагерей: сначала на Кубенском озере на лесопилке, затем на реке Шелекса, затем в Усть-Пинеге. В 1935 году его переводят в Свирские лагеря на Лодейном Поле, после этого — под Рыбинск (станция Переборы) на строительство плотины.

В колонии на Шелексе батюшка сильно голодал. Его постоянно обкрадывали уголовные. Духовные дочери, приехавшие навестить его, заметили, что, несмотря на крайнее истощение, в нем исчезла всякая раздражительность, он стал очень мягким, не было ни единого упрека.

Маросейский храм, остававшийся на попечение священника Бориса Холчева (впоследствии архимандрита Бориса) и старосты храма Сергия Никитина (впоследствии епископа Стефана), с их арестом в 1931 году

окармлился единственным оставшимся на свободе священником — иеромонахом Александром Ильиным. На Благовещение 1932 года он отслужил последнюю перед закрытием храма Божественную Литургию, причастил всех молящихся. По дороге из храма он был арестован, а затем также сослан. 6 октября 1932 года храм был закрыт и разорен.

В апреле 1932 года арестовали матушку отца Сергия, Евфросинию Николаевну. Она получила 3 года ссылки, поехала в Кадников, но ей большую часть срока пришлось прожить там одной — отец Сергий был вновь арестован в 1933 году и помещен в Вологодскую тюрьму, где ему присудили новый срок — 5 лет лагерей и отправили на лесопильные работы. Ему довелось пройти несколько лагерей севера России. Духовные чада непрестанно хлопотали об облегчении участи отца Сергия, и добросовестное выполнение им подневольного труда также сыграло свою роль — его выпустили на год раньше срока.

В 1937 году батюшка освободился из лагеря. Он поселился в окрестностях города Калинин и работал в одной из поликлиник фельдшером. Там он жил на частной квартире вместе с недавно также освободившимся из лагерей духовным сыном — Василием Евдокимовым, в дальнейшем принявшим священный сан. Он мог принимать на исповедь приезжавших к нему из Москвы духовных чад, а в домашних условиях отправлять церковные службы.

Дома тайно совершал литургию. К нему постоянно приезжали духовные дети, и он им писал письма: «...*Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял Он с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце!*», — так он наставлял их.

В это время все единомысленные батюшке архиереи были в лагерях и ссылках. Он же в желании иметь архипастырский покров открыл одному епископу свою церковную позицию и нелегальное положение своей общины. Вскоре этот епископ был арестован: он предал отца Сергия, рассказав на суде то, что было ему открыто на духу как епископу.

Когда отец Сергий узнал о том, что его неминуемо должны арестовать, он уехал с того места, где жил, и около года скитался без прописки. Ему советовали скрыться в Среднюю Азию, но это значило оторваться, оставить духовных детей — он не мог этого сделать и жил тайно то там, то здесь. Еще более, чем за себя, страдал он душою за своих духовных детей. Вся молитва отца Сергия сосредоточилась на том, чтобы пострадать ему одному, чтобы никто не пострадал от его ошибки.

В марте 1940 года ему пришлось переехать в Рыбинск, где он также смог найти работу фельдшера. В лесу он встречался с приезжающими к нему, опасаясь слежки. Затем он переезжал с места на место, скитаясь по знакомым, опасаясь нового ареста. Затем было найдено жилье на лето в отдаленной деревне на берегу Волги, куда он должен был

отправиться с одной из маросейских сестер, но в последний момент поехала другая — Елизавета Булгакова, недавно пришедшая в общину и мало осведомленная о подробностях церковных дел. Это обстоятельство позволило ей уцелеть и донести до нас сведения о последних днях земной жизни отца Сергия.

Летом 1941 года отец Сергий скрытно жил в деревне близ Тутаева, где он каждый день служил литургию. Из-за начала войны всеобщая подозрительность увеличилась, местные жители приняли их за «немецких шпионов» и выдали НКВД.

Он был арестован 7 июля 1941 года и помещен в тюрьму Ярославского НКВД, где был расстрелян, по официальным данным, 6 января 1942 года. Молитва его сердца исполнилась — никто за него не пострадал. Даже арестованную вместе с ним девушку освободили.

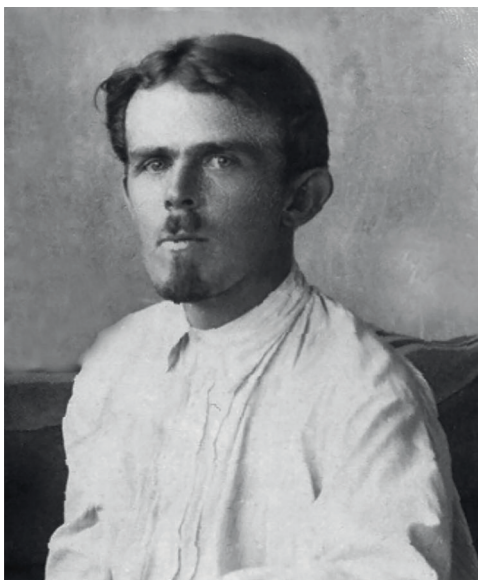
Отец Сергий был арестован в день праздника Иоанна Крестителя, а расстрелян в день праздника иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Невольно вспоминается сон его покойной жены, матушки Евфросинии Николаевны, в котором она видела, как они с отцом Сергием прикладывались к иконам святого Иоанна Предтечи и «Скорбящей» Божией Матери.

20 августа 2000 года священномученик Сергей Мечёв прославлен на Юбилейном Соборе Русской Православной Церкви в лике новомучеников и исповедников российских.

Священномученик Борис (Семёнов)

День памяти 23 ноября

Диакон Борис (Семёнов) родился в 1900 году в Санкт-Петербурге в семье наборщика типографии журнала «Нива» Александра Семёнова. До 1916 года Борис учился в 6-й технической школе при фабрике Госзнак, а затем до 1920 года работал на этой фабрике рабочим. В 1920 году она была эвакуирована в Москву, куда переехала и вся семья Семёновых. До 1922 года Борис работал конторщиком, а затем в связи с массовым сокращением рабочих был уволен и поступил учиться в садово-огородный техникум. В это время он начал помогать в храме Архангела Михаила на Пироговской улице в качестве алтарника, здесь он познакомился с епископом Августином и стал его келейником и иподиаконом.

Диакон Борис (Семёнов)

Когда владыка был выслан в Среднюю Азию, Борис поехал вслед за ним в город Педжикент. Он работал здесь во фруктовых садах и помогал епископу во время совершения келейных богослужений. После того как епископ Августин получил назначение на кафедру в Сызрань, Борис выехал к нему и помогал во время богослужений в качестве иподиакона, выполнял различные церковные поручения. Во время поездок Бориса Александровича в Москву владыка передавал с ним письма митрополи-

ту Сергию. В декабре 1930 года Преосвященный Августин рукоположил Бориса в сан диакона.

Арестованный вместе с владыкой, он так ответил на вопросы следователя: *«По моим убеждениям, в настоящее время со стороны советской власти идет притеснение служителей религиозного культа. Это убеждение у меня сложилось потому, что духовенство облагается непосильными налогами, которые оно выполнить не может... На политические темы мне с епископом Августиним беседовать не приходилось, и я не могу сказать о его взглядах на то или иное мероприятие. Лично мой взгляд на кампанию по коллективизации крестьянских хозяйств такой: коллективизация для православного христианина приемлема лишь в том случае, если она не будет направлена во вред его религиозным убеждениям, то есть если коллективизация не будет преследовать целей угнетения религии».*

28 октября 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Августина и диакона Бориса к трем годам заключения в концлагерь.

Преосвященный Августин был отправлен в концлагерь недалеко от станции Лодейное Поле Ленинградской области.

Послушник епископа диакон Борис был отправлен в другой концлагерь, также недалеко от станции Лодейное Поле, и в заключении скончался.

Погребен, вероятно, на одном из санитарных кладбищ, расположенных возле лагеря.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Преподобномученица Мстислава (Фокина)

День памяти 10 марта

Монахиня Мстислава (Фокина)

Монахиня Мстислава, в миру Фокина Мария Семёновна, родилась в 1895 году в деревне Малое Уварово Коломенского уезда в семье рабочего Коломенского завода. В Уварово у отца был земельный надел. Но, поскольку он сам крестьянством не занимался, то сдавал его в аренду. Мария окончила сельскую школу и с 1908 года работала на шелкокрутильной фабрике в Коломне.

В 1913 году ей пришлось оставить работу, так как тяжело заболела мать, и она стала ухаживать за ней. После смерти родителей Мария сначала жила с братьями. Но они были людьми неверующими, коммунистами. Желая всецело послужить Господу, она в 1921 году ушла от них и поселилась в Коломне при храме, принадлежащем одному

из мужских монастырей. Здесь она прожила до 1930 года.

15 апреля 1930 года была в Ижевске пострижена в монашество с именем Мстислава и вернулась в Коломну, продолжив свое послушание при храме.

Узнав от паломников, что в Иоанно-Богословском монастыре под Рязанью еще сохраняется монашеская жизнь, она в декабре 1930 года отправилась туда и поселилась рядом в селе Пощупово. Несмотря на гонения, она была счастлива, что нашла место, где можно жить молитвенной монашеской жизнью.

31 мая 1931 года были арестованы братья Иоанно-Богословского монастыря, а также иноки и миряне, собравшиеся вокруг обители — всего 40 человек, и среди них матушка Мстислава. Все они были заключены в тюрьму в городе Рязани.

На допросе в рязанской тюрьме матушка Мстислава сказала:

«Я смело заявляю: власть притесняет религию; дана свобода, а получается наоборот — монастыри и церкви закрывают». На вопрос о том, кто постригал ее, она отказалась назвать священнослужителя.

А относительно того, почему она приняла монашество, ответила, что ушла в монастырь для спасения души, чтобы, «отказавшись от мира сего, отдать себя на служение всецело Богу, в которого верю, и никакие убеждения и притеснения не убьют во мне веры в Бога».

3 сентября 1931 года тройка ОГПУ приговорила монахиню Мстиславу к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и она была отправлена с этапом в распоряжение Управления Соловецких исправительно-трудовых лагерей ОГПУ на станцию Свирь Мурманской железной дороги (Свирлаг).

По освобождении в 1934 году вернулась в Коломну. Как вернувшейся из заключения, ей было запрещено здесь проживать, и ее никто по лагерной справке не брал на работу, так что она заново получила паспорт как якобы потерявшая документы, и после этого стала жить в городе, прислуживая при Покровской церкви. Когда храм закрыли, в 1936 году поступила кладовщицей на Патефонный завод.

24 февраля 1938 года она была вновь арестована и заключена в коломненскую тюрьму. Допрос был следующий:

- Следствием установлено, что вы, Фокина, имея враждебное отношение к ВКП(б) и советской власти, в период проживания в Коломне проводили контрреволюционную агитацию, несмотря на прошлую судимость. Следствие требует от вас признания.
- О том, что я судима за контрреволюционную деятельность в 1931 году, я не отрицаю. Во время проживания в Коломне я никакой контрреволюционной агитации среди граждан, проживающих рядом со мной, не проводила.
- Ваша враждебность к ВКП(б) и советской власти и контрреволюционная агитация подтверждена свидетельскими показаниями допрошенных по вашему делу. Вам зачитываются выдержки из показаний свидетелей.

И следователь зачитал выдержки из показаний свидетелей, которые монахиня отвергла все одно за другим.

2 марта 1938 года тройкой НКВД по Московской области приговорена к расстрелу за «антисоветскую агитацию». Была перевезена в Таганскую тюрьму в Москве.

Расстреляна 10 марта 1938 году на Бутовском полигоне под Москвой и погребена в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово.

Причислена к лику святых новомучеников и исповедников российских постановлением Священного Синода 24 декабря 2004 года для общецерковного почитания.

Святая мученица княжна Кира Оболенская

День памяти 17 декабря

Княжна Кира Оболенская

Новомученица Кира Оболенская принадлежала к древней фамилии Оболенских, которая ведет свою родословную от легендарного князя Рюрика. Ее отец, князь Иван Дмитриевич Оболенский, служил полковым адъютантом 13-го Гусарского Нарвского полка. На 14-й год своей службы в действующей армии отставной штабс-ротмистр И. Д. Оболенский перешел в «гражданский чин» и получил назначение начальником Володавского уезда Седлецкой губернии Царства Польского. Незадолго до получения этого назначения, 6 марта 1889 года, в семье Ивана Дмитриевича и Елизаветы Георгиевны Оболенских родилась дочь Кира. По достижении 10-летнего возраста Кира была привезена отцом в Санкт-Петербург для определения

в Смольный институт благородных девиц, одно из самых привилегированных учебных заведений России. Учебная программа Смольного института была почти такой же, как и в женских гимназиях. Отличие состояло в уровне преподавания и в усиленном изучении новых языков. Важное место в системе обучения отводилось религиозному воспитанию. Выпускницы Смольного получали право на частную и государственную педагогическую деятельность. «Смолянки» в качестве воспитательниц и учительниц как своих, так и чужих, детей имели огромное влияние на умственное и нравственное развитие нескольких поколений русских людей.

Смольный институт изначально был разделен на две половины: Николаевскую, куда принимали дочерей лиц, имевших чин не ниже полковника или статского советника, а также потомственных дворян, и Александровскую, где учились дочери лиц чином пониже и дети протоиереев, мещанского сословия, купцов, почетных граждан и т.п. Каждая половина имела свою начальницу и своего инспектора. Кира, как дочь потомственного дворянина и лицо княжеского происхождения, была определена в Николаевскую часть института. Поступление в Смольный означало для нее долголетнюю разлуку с матерью, отцом, братьями и сестрами, с той атмосферой любви и тепла, которой был наполнен дом Оболенских, с укладом тихого уездного городка. Порядки института были строгими, девочек содержали в полной изоляции от внешнего мира, оберегая их от заражения «дурными примерами».

26 мая 1904 года Кира Оболенская успешно, с особой наградой, закончила институт благородных девиц. В то время (начиналось двадцатое столетие) юные смолянки проходили курс дисциплин сродни гимназическому, но с расширенным преподаванием педагогики (в гимназиях изучали ее только в дополнительном классе), так называемых новых языков — французского и немецкого (изучались еще древние языки — греческий и латынь), а также курса светской этики. Преподавалось в Смольном и рукоделие, выпускники отнюдь не были изнеженными и праздными белоручками. Многим из них позднее, в годы лихолетья, помогали выжить именно приобретенные в Смольном навыки.

После выпуска из института началась для Киры, несмотря на ее княжеское происхождение, новая трудовая жизнь. Юная Кира завершила обучение с серебряной медалью. Она может преподавать в престижной частной гимназии или быть домашней учительницей в богатом доме, но избирает иное и всю свою жизнь (кроме нескольких лет запрета в профессии) обучает бедных детей.

Первые шесть лет после окончания Смольного она дает частные уроки в качестве домашней учительницы. Впоследствии учительство стало главным занятием ее жизни — вплоть до самой мученической кончины, и даже октябрьский переворот не изменил рода ее деятельности. Княжна Кира Оболенская трудилась учительницей в сельской школе на станции Поповка, в школе на рабочей окраине в Лиговке, в школе для детей из рабочих семей завода Треугольник. На одной из написанных впоследствии икон новомученица Кира изображается в окружении детей из простонародья.

В 1906 году семья Оболенских переехала в Петербург. Благодаря переезду Кира Ивановна получила возможность широкой преподавательской деятельности. К этой работе в школах столицы и губернии побуждало ее искреннее стремление по-христиански служить ближнему. Она никогда

и нигде не подчеркивала своего княжеского происхождения и не требовала к себе особого отношения, оставаясь всегда человеком простым и исполненным ровного желания добродетели. В 1910 году Кира Ивановна стала учительницей в бесплатной школе для бедных, преподавала в ряде других школ города.

В этих трудах застала Киру Ивановну Мировая война 1914 года, первые же месяцы которой обернулись для всей семьи Оболенских глубоко личной трагедией: на ее фронтах погибли сыновья Вадим и Борис. Потеря горячо любимых братьев не только отозвалась глубоким страданием в душе Киры Ивановны, но, может быть, впервые заставила ее остро почувствовать временный характер земного бытия и относительность всего в нем происходящего, по-новому осмыслить свою жизнь. Тем не менее, жизнь продолжала идти своим чередом, ставила свои вопросы и настойчиво требовала их деятельного разрешения. В сентябре 1916 года Кира Ивановна поступила на высшие курсы французского языка, чтобы получить документ, предоставляющий право преподавать французский язык в средних учебных заведениях города. Отметки «хорошо» по этому предмету, стоявшей в ее аттестате Смольного института, по правилам Министерства народного просвещения было недостаточно. Меньше года потребовалось Кире Ивановне для окончания двухгодичных курсов и получения соответствующего документа. В мае 1917 года княжна К. Оболенская комиссией курсов была признана выдержавшей испытания. Однако применить на практике полученные знания помешал захват власти большевиками, совершившийся через несколько месяцев после окончания ею учебного заведения.

В 1918 году князь Юрий Оболенский, родной брат Киры Ивановны, стал офицером Добровольческой армии, а в 1920 году погиб в бою с частями Красной армии. Тогда же, в 1920 году, как брат белогвардейца был арестован другой сын Оболенских — князь Павел Оболенский. Ему, раненному в челюсть, удалось бежать прямо из-под расстрела и эмигрировать во Францию, но это спасение Павла обернулось для Оболенских пожизненной разлукой. Со своей родной семьей он больше так и не увиделся. 11 сентября 1918 года последовало увольнение главы семейства Оболенских — Ивана Дмитриевича — *«вследствие упразднения в межвом отделе должности заведующего канцелярией»*. А еще через некоторое время, 25 октября 1920 года, его супруга Елизавета Георгиевна стала вдовой.

Не исключено, что безвременная смерть Ивана Дмитриевича Оболенского вызвана была непосильной тяжестью пережитых испытаний. Крушение самодержавия, которому он и его предки служили верой и правдой всю свою жизнь, страшный расстрел Императора, в котором Иван Дмитриевич видел неприкосновенного Помазанника Божия, и его семьи, гибель троих сыновей и вынужденная эмиграция четвертого — эта ноша

подорвала его силы и обусловила его преждевременную кончину. «Вот было у меня столько детей, любивших друг друга и нас с мужем, а осталась я на 90-м году жизни одна с больной Варей», — с горечью и болью писала Елизавета Георгиевна в одном из своих писем, адресованных дочери Кире, сосланной в 1935 году в Малую Вишеру.

После кончины отца она осталась почти единственной опорой для пожилой матери Елизаветы Георгиевны и больной сестры Вари. Живя в Петрограде, Кира Ивановна стала членом Александро-Невского братства при Феодоровском соборе. Там она и встретилась со своей будущей соузницей Екатериной Андреевной Арской (в девичестве Уртьевой), к тому времени потерявшей мужа и всех пятерых детей.

С 1918 по 1930 год Кира Ивановна продолжала работать в школе. В анкете для арестованных, приобщенной к ее следственному делу 1930 года, в графе «место работы с 1917 года по сей день ареста» записано: *«32-я советская школа — преподавательница, 84-я советская школа — преподавательница, 73-я советская школа — библиотекарь»*.

К тридцатому году, ознаменованному первым арестом Киры Ивановны, она лишилась права преподавания в школе и числилась там библиотекарем. Ее вина заключалась лишь в княжеском происхождении. Это же стало и причиной ареста. На следствии Кира Ивановна проявила удивительное мужество, заявив о несогласии с политикой Советского государства из-за преследования верующих и из-за проводимой тогда политики коллективизации. Итог — пять лет лагерей, из которых четыре она отбыла на севере, проработав весь срок сначала санитаркой, а затем вновь учительницей.

Перевод «бывшей княжны-учительницы» на библиотечарскую должность объяснялся, вероятно, появлением у Советов к 1930 году собственного педсостава, способного удовлетворять нужды социалистической школы. По мере внедрения «завоеваний октября» в жизнь советского общества необходимость в использовании старых кадров царского времени на различных должностях, в том числе и в сфере образования, отпадала. Теперь можно было избавиться не только от услуг, но и от самого присутствия людей, являвшихся носителями чуждой, «буржуазной» культуры.

Первый арест княжны Киры Оболенской последовал 14 сентября 1930 года. Дело, по которому она проходила, было озаглавлено ее же именем и называлось «Оболенская Кира Ивановна и другие». По нему проходило еще два человека: дочь бывшего министра внутренних дел, фрейлина Императрицы Н. П. Дурново и бывшая экономка О. Р. Эльбен. Их обвиняли не в том, что они сделали что-то противозаконное, а в том, что они могли это противозаконное сделать. *«Все эти упоминаемые здесь Эльбен О. Р., Дурново Н. П. — говорилось в обвинительном заключении, —*

потенциально являются идеологической базой для недокорчеванной пока нашей внутренней и внешней контрреволюции, моментами проникающей даже на работу в наши культурные и учебные заведения, как, например, проходящая по данному делу б. княжна Оболенская К. И., и там взращивающей в миропонимании подрастающего поколения вредную идеалистическую философию». Других обвинений арестованным предъявлено не было. На допросе Кира Ивановна открыто и безбоязненно говорила о своем отношении к советской власти. Этот документ, исполненный спокойного бесстрашия и неподкупного благородства, со временем стал достоянием русской истории и своеобразным учебником человеческого достоинства: «Я не отношу себя к разряду людей, разделяющих платформу советской власти. Мои разногласия с конституцией начинаются от вопроса об отделении церкви от государства. Себя отношу к «сергиевцам», т. е. к людям, придерживающимся чистоты православия. От единомыслия с направлением советской государственности отказываюсь. Я считаю себя обязанной быть лояльной к советской власти, потому что служу ей и тем самым имею некое материальное обеспечение. На службе я являюсь библиотекарем, от непосредственного общения с молодежью я изолирована самим характером своей работы, так как я являюсь классификатором. Общественной работы я никакой не несу и ее избегаю, довольна тем, что моя служба поглощает много времени и не заставляет меня проявляться активно на общественном фоне школьной жизни. Должна заявить, что с моими воззрениями общественными и политическими я, естественно, не могу в советском духе нести общественной работы. С политикой советской власти в области сельско-хозяйственной жизни страны не согласна. Раскулачивание считаю мерой несправедливой по отношению к крестьянам; карательную политику, как террор и пр., считаю неприемлемыми для гуманного и цивилизованного государства. Категорически заявляю, что своими мыслями и настроениями я, кроме семьи — матери, сестры и брата — ни с кем не делилась. Переписку с границей вела с теткой Чебышевой и с братом, который эмигрировал с начала революции во Францию и сейчас там служит на ипподроме наездником. Никаких к-р группировок, организаций или отдельных лиц, активно враждебно настроенных к советской власти, я не знаю, но одновременно заявляю, что называть какие бы то ни было фамилии, если бы речь шла об их причастности к политическому криминалу против советской власти, считаю недостойным себя, ибо знаю, что это в условиях советской действительности навлекло бы на них неприятности, вроде арестов, высылки и т. п.». Это ее прямотуше и органическая неспособность ко лжи были использованы органами против нее же: из ее показаний извлекли отдельные фразы и, объявив их контрреволюционными, осудили на пять лет исправительно-трудовых лагерей.

Такое поведение арестованной вызывало невольное уважение к личности Киры Ивановны даже у самих инквизиторов. Своим обаянием и редкой внутренней красотой она располагала к себе даже деятелей революции. В материалах следственного дела 1930 года сохранился документ, свидетельствующий о той любви, которую питали к Кире Ивановне даже соратники Ленина. *«Учительницу школы в поселке Самопомощь Киру Ивановну Оболенскую, — писала сестра вождя октябрьской революции Анна Ильинична Елизарова-Ульянова в своем ходатайстве об освобождении арестованной Оболенской, — я знала в 1904–1907 годах, когда жила на станции Саблино и часто бывала в Поповке. Знала ее как человека, трудящегося со школьной скамьи, ничем не проявлявшего своего княжеского происхождения. Теперь, когда она является единственной поддержкой старухи-матери, потерявшей во время Мировой войны двоих сыновей, я поддерживаю ходатайство матери освободить ее дочь. А. Елизарова-Ульянова. Партстаж с 1898 г. Партбилет № 0001150. 5 октября 1930 г. Москва, Манежная, 9».*

Это ходатайство было направлено в Ленинградское ГПУ из Москвы, но местная ЧК оставила его без внимания. 15 января 1931 года в дело «Оболенская и другие» была подшита выписка из протокола заседания тройки ПП ОГПУ в ЛВО: «Оболенскую Киру Ивановну заключить в концлагерь сроком на пять лет, считая срок с 13.09.30 г. Дело сдать в архив».

После вынесения приговора Кира Ивановна была отправлена этапным порядком в Кемь и определена в Белбалтлаг, затем была переведена в Свирлаг. В 1934 году заключенная К. И. Оболенская была освобождена досрочно и поселилась на 101 километре от Ленинграда, так как въезд в город ей воспретили, в маленьком старинном городке Новгородской области под названием Боровичи. Она вновь стала обучать детей. Наступал кровавый 1937 год.

О том, как складывалась ее жизнь в лагере и после освобождения, можно судить по одному документу, приобщенному к другому ее следственному делу, от 1937 года. *«Отбывая пятилетнюю ссылку, — писала в 1940 году мать Киры Ивановны, Елизавета Георгиевна, наркому внутренних дел Л. П. Берии, — она работала как педагог и медсестра в больнице лагеря Беломорстроя и считалась отличницей и ударницей, за что получила книжку ударника за № 4299 и была освобождена в 1934 году с наилучшим отзывом. В 1934–1935 годах она работала в Маловишерской и Солинской больницах, о чем также получила хороший отзыв. С 1936 года она работала в г. Боровичи преподавательницей немецкого языка в Вельгийской школе и школе № 12, где считали ее и ценили как прекрасного методиста и серьезного воспитателя детей. Инспектор Ленгороно обещал ей перевод в Ленинград, чтобы дать ей возможность жить со мной. Ее рассуди-*

тельный, честный характер был ее руководителем в работе и мне в моей старости единственной поддержкой».

Сохранились также до наших дней крупницы переписки Елизаветы Георгиевны с родственниками, проживавшими во Франции. «Курнавочка (так Елизавета Георгиевна называла свою дочь Киру. — Прим. авт.) в данное время готовится к экзаменам, иначе она не может работать как медсестра, — писала она в январе 1935 года во Францию семье сына Павла, — Видим ее очень редко, так что мы с Варечкой, по обыкновению, сироты». Живя в деревне на поселении, Кира Ивановна, несмотря на обычную загруженность работой, нелегально посещала Ленинград, чтобы провести престарелую мать и больную сестру Варю. «Курнавочка приезжает к нам очень редко и ненадолго, приезжает ночью и на другой же день вечером опять уезжает. У нее теперь страшно много работы», — сообщила Елизавета Георгиевна в другом письме Павлу. В июле, благодаря присланным из Франции деньгам, она смогла приехать к Кире Ивановне и даже пожить у нее некоторое время. «Спасибо тебе, — благодарила она сына, — за присланные деньги, благодаря которым я смогла в последних числах июня выехать временно к Кире! Сейчас мы у Киры, но уж очень микроскопическая комната, в семье крестьян, удобств никаких, сада нет, а есть только двор, не особенно чистый, но я все-таки могу сидеть и дышать свежим воздухом».

В сентябре 1936 года Кира Ивановна из деревни переехала в Боровичи и, оставив медицину, вернулась на учительскую работу. Произошло это, вероятно, после снятия негласного запрета на школьную деятельность. «Кира перешла на свою специальность, педагогику, дает уроки немецкого языка, — извещала ее брата Павла Елизавета Георгиевна в очередном письме. — Конечно, деревню пришлось оставить, переселиться в город, но самое трудное здесь было найти квартиру, даже и небольшую комнату. И ей приходится тратить 2 часа на дорогу в школу и обратно».

Однако преподавание в школе и относительно спокойная жизнь в Боровичах продлилась чуть больше года. 21 октября 1937 года Кира Ивановна Оболенская была вновь арестована.

Боровичи в то время были местом ссылки духовенства, церковных активистов из числа мирян Ленинграда и его окрестностей. Здесь находился на поселении после освобождения из лагеря Ленинградский владыка архиепископ Гавриил (Воеводин), лица дворянского звания, чудом уцелевший генерал колчаковской армии Д. Н. Кирхман и многие другие. Все они были арестованы осенью 1937 года и объявлены единой контрреволюционной организацией. Главную роль отвели архиепископу Гавриилу, а всего по этому делу проходило около 60 человек: «слушители культа, монахи, церковники, странствующий элемент, кулаки,

торговцы, дворяне, князья, генерал Белой армии, бывший пристав». Среди прочих «завербованных» оказалась и княжна Кира Оболенская. Ей, как и всем прочим, вменили в вину фантастические по своей сути вещи: активная борьба с советской властью и пропаганда установления фашистского строя в СССР, агитация против колхозного строительства, агитация за проведение в Верховный Совет своих единомышленников и прочее.

Сфальсифицированный характер всех этих чудовищных обвинений будет доказан через двадцать лет, в 1958 году. *«В деле отсутствуют объективные доказательства того, что из числа осужденных лиц по делу была организована контрреволюционная организация и что она проводила антисоветскую агитацию. К моменту ареста привлеченных лиц органы НКВД не располагали материалами, подтверждающими наличие контрреволюционной организации. Из материалов дела видно, что привлеченные лица осуждены были незаконно»*, — говорится в реабилитационной части Боровичского дела. Пятьдесят один (52?) человек был расстрелян по делу № а/1307 без всякого состава преступления, девять отправлены в концлагерь, из них один только дожил до освобождения.

Арестованная Кира Ивановна Оболенская была подвергнута первому допросу в день ареста, 21 октября 1937 года. Он носил ознакомительный характер: потребовали назвать родственников и знакомых, в числе которых прозвучало имя архиепископа Гавриила, известного арестованной с 1923 года, когда она проживала в Ленинграде. Через три с половиной недели тюремного заключения, 14 ноября, Киру Ивановну вызвали на повторный допрос, оказавшийся очной ставкой. Ибо никаких признаний, даже после трех недель камеры и методов физического воздействия, добиться от самой арестованной не удалось. На этой очной ставке следователь устроил арестованной встречу с одним из не выдержавших давления священников, согласившимся дать против нее изобличающие показания. Органы надеялись, что эти показания вчерашнего единомышленника сломят дух арестованной и убедят ее в бессмысленности «запирательства». Священник говорил на очной ставке, что Воеводин сам поведал ему о принадлежности Оболенской к тайной контрреволюционной организации. Он также привел в качестве доказательства беседу между Воеводиным и Оболенской, подтверждающую наличие между ними политической связи. *«Показания Л. не подтверждаю. Отрицаю категорически»*, — ответила Кира Ивановна на предложение следователя подтвердить показания свидетеля Л. На следующий день, 15 ноября, подследственная К. Оболенская была подвергнута очередному допросу, который также явился очной ставкой. Обвиняемый И. А. уличал ее в контрреволюционном заговоре с Воеводиным, происходившем на квартире священника

Н. И. Воскресенского. На это новое обвинение последовал тот же ответ арестованной: «Показания И. А. не подтверждаю». В тот же день органы предприняли последнюю попытку склонить Киру Ивановну к даче ложных показаний:

- **Следователю известно, что вы состояли в контрреволюционной организации церковников и на деле проводили контрреволюционную работу. Настаиваю дать правдивые показания.**
- *Нет, в контрреволюционной организации церковников я не состояла и работы в ней никогда не проводила.*

Кире Ивановне Оболенской удалось остаться победительницей в этом противостоянии. «Виновной себя не признала», — сказано в протоколе особой тройки УНКВД Ленинградской области, приговорившей княжну К. И. Оболенскую к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 17 декабря 1937 года.

Племянница Киры Ивановны, Кира Константиновна Литовченко, вспоминает, что когда тетя Кира исчезла, мама, не желая и не имея возможности говорить правду, сказала, что «она ушла в монастырь. Шел 1937 год. Тогда можно было только молча молиться за нее».

Теперь не только она знает правду о своей родственнице, проявившей необычайную высоту духа и явившей образ святости в мире, охваченном мраком безбожия.

Имя Киры Оболенской включено в Собор новомучеников и исповедников российских определением Священного Синода от 7 мая 2003 года по представлению Санкт-Петербургской епархии.

Свирьлаа и свирские новомученики в истории Русской Православной Церкви

Издано по заказу комитета по местному самоуправлению,
межнациональным и межконфессиональным отношениям
Ленинградской области

Редактор: М. Е. Салтыкова
Дизайн, верстка: Н. С. Суряк
Корректоры: Е. В. Николаева, А. Б. Шевченко

Книга не предназначена для продажи

Подписано в печать 13.10.2023
Формат 60x90 / 16. Усл. печ. л. 11,96
Тираж 365 экз.
Заказ 490

12+

ООО «Издательский дом «Инкери»
197101, Санкт-Петербург, ул. Чапаева, д. 25

ISBN 978-5-6050052-3-0

9 785605 005230 >

Какая страшная метаморфоза, какое жуткое противостояние! Озаренные тихим и ясным светом Православия монастыри, основанные преподобным Александром Свирским и его учениками... Это с одного края истории. А с другого — исполинская, дышащая мертвящей стужей тьма СвирьЛАГа. Самое же трагичное то, что и там, и тут находились одни и те же православные, русские люди.

Николай Коняев

